

ВЕСТНИК государственного университета «Дубна»

#3 2019

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

**ЛИНГВИСТИКА.
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ.
ОБРАЗОВАНИЕ**

Памяти профессора
**Ильи
Борисовича
Шатуновского,**
основателя кафедры
лингвистики
университета
«Дубна»

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук – **главный редактор**

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **заместитель главного редактора**

Ющенко Д.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, зам. зав. кафедрой психологии по научной работе – **редактор**

Воинова А.А., ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук – **ответственный секретарь**

Члены Редколлегии:

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии

Михайлова Н.В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории права

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии

Марченко Т.А., доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы

Ответственный редактор номера –

С.В. Шешунова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики государственного университета «Дубна».

Содержание

Колонка редактора

Шешунова С.В. Предисловие к номеру.....	5
--	---

Лингвистика и межкультурная коммуникация

Бяковская Н.Г. Мысль: процесс и пропозиция.....	7
--	---

Дасько А.А., Волкова С.Б. Сопоставительный анализ белорусских, русских и английских фразеологизмов с соматическим компонентом «ухо».....	20
---	----

Миронов М.В. Структура лексико-семантической группы <i>horse colour</i> (масть лошади) в английском языке и сочетаемость ее элементов.....	32
---	----

Морозов В.В. Сопоставительный анализ слов, обозначающих концепт «цель».....	44
--	----

Ткаченко Е.С., Харевич Л.А. Использование косвенных вопросительных предложений в английском языке.....	58
---	----

Сафарова С.Ю. Антитеза как способ реализации контраста в англоязычном медиатексте научно-популярного регистра.....	71
---	----

Шатуновский И.Б. Возможность в жизни и в языке.....	80
--	----

Шешунова С.В. «Генерал Харьков» и другие парадоксы русско-британской межкультурной коммуникации в годы гражданской войны.....	90
--	----

Шимон Н.В. Употребление заимствований – «боль» русского современного языка.....	100
--	-----

Лингвистические исследования и практика образования

Ефремова К.В., Ражева Е.И. Новые цели и стратегии в обучении английскому произношению.....	107
---	-----

Морозов В.В. Английский язык для специальных целей: разработка комплементарных приложений к учебникам.....	117
---	-----

Предисловие к номеру

Еще Людвиг Витгенштейн писал о том, что мир человека таков, каков его язык. Язык определяет то, как мы смотрим на окружающий мир и как его воспринимаем. От того, как организован язык в обществе, зависит качество связей между людьми, а в конечном счете – уровень их жизни.

Свойственный любому языку способ обозначения действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен. Универсальны, например, многие метафоры, которые структурируют наше обыденное сознание – это показал Джордж Лакофф в своем классическом труде «Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении». Универсальны и некоторые фразеологизмы; этому явлению, в частности, посвящена одна из статей данного сборника. Однако наряду с такой универсальностью существует национальная специфика: языки по-разному концептуализуют одну и ту же внеязыковую реальность. Поэтому люди, говорящие на разных языках, живут в до известной степени разных мирах.

Возьмем, например, глагол «собираться». На первый взгляд, ему соответствует английское словосочетание “to be going”. Однако если русский часовой крикнет: «Стой, я собираюсь стрелять!», прохожий вряд ли испугается – когда еще тот соберется... А вот английское “I am going to fire!” означает, что мишень уже под прицелом и курок взведен для выстрела. Иначе говоря, расстояние между “I am going” и самим действием гораздо короче – это иная языковая картина мира.

Другим наглядным примером может служить сопоставление русского прилагательного «счастливый» и английского “happy”. Согласно словарям, их смысл совпадает. Но реальный процесс языкового общения показывает, что это вовсе не так. Филолог Вера Белоусова, которая преподает в США, описывает сценку, увиденную на прощальной вечеринке по случаю отъезда московского ученого, проработавшего несколько месяцев в университете города Афины (штат Огайо). Американский профессор задал русскому типичный и эмоционально нейтральный вопрос: “So, were you happy in Athens?” Гость удивленно пожал плечами: “Well... What’s happiness?.. I was satisfied” (буквально: «Н-ну... Что есть счастье?.. Я был удовлетворен»). После чего оба ученых с недоумением уставились друг на друга. Скорее всего, русский думал: «С какой же легкостью эти американцы бросаются словом *счастье*!» А его американский коллега удивлялся: «Как же русские любят разводить философию на пустом месте!» Дело в том, что его вопрос как раз и означал «Ну и как, вам понравилось в Афинах?», «Вы довольны?». О том, что в русской

языковой картине мира стоит за словом *счастье*, там речи не шло. Русский же профессор воспринял вопрос буквально, в соответствии со словарным переводом: «Вы были счастливы?». А русское «быть счастливым», по контрасту с “be happy”, описывает состояние, которое лежит в сфере идеального и имеет мало общего с повседневной действительностью. Для носителей русского языка ответить «да» на вопрос «Вы счастливы?» – примерно то же, что для носителей английского ответить «да» на вопрос «Испытываете ли вы блаженство?».

Как следует из сказанного, лингвистические исследования могут существенно помочь решению проблем межкультурной коммуникации. Особенности языка неразрывно связаны с разнообразными сторонами общения, этническими стереотипами, коммуникативными удачами и неудачами. Статьи этого сборника, посвященные самым разным аспектам функционирования языка – наглядное тому подтверждение.

Лингвистические исследования имеют практическую значимость и для преподавания языков. В одной из следующих ниже статей показано, как анализ семантики многозначных слов может быть использован при составлении учебников иностранного языка для научных целей, в другой – как важно для современного образования учитывать последние, еще не отраженные в учебниках тенденции в английском произношении.

Написанная для данного сборника статья доктора филологических наук, профессора Ильи Борисовича Шатуновского (1949-2019) стала последней в жизни этого выдающегося ученого и замечательного человека. Илья Борисович заслуженно пользовался международным признанием как специалист в области русского языка и общего языкознания, был членом Европейского лингвистического общества, почетным профессором Хэйлунцзянского университета в Китае. Кстати, именно он перевел на русский язык упомянутый выше знаменитый труд Дж. Лакоффа.

Символично, что последняя статья Ильи Борисовича Шатуновского оказалась посвященной категории возможности в жизни и языке. Хотелось бы пожелать всем читателям этого сборника постоянно открывать для себя новые возможности как в жизни, так и в науке.

Редактор номера, д. филол. н., доцент, профессор кафедры лингвистики
С.В. Шешунова

Лингвистика и межкультурная коммуникация

УДК 811.161.1

Н. Г. Бяковская

Мысль: процесс и пропозиция

Аннотация:

Данная статья посвящена проблеме изучения мысли через призму языка. В статье рассматриваются два аспекта описания мысли в языке: описание мысли как процесса и описание мысли как действия создания пропозиции. В работе исследуется синтаксическое окружение глаголов мысли в русском языке (на примере глагола *думать*) и предлагается классификация лексико-синтаксических моделей описания мысли.

Ключевые слова: мысль, действие мысли, акт мысли, мысль как процесс, пропозициональная мысль, думать

Об авторе: Бяковская Надежда Геннадьевна, Государственный университет «Дубна», старший преподаватель кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: N.Byakovskaya@gmail.com.

Одной из основных функций естественного языка является мыслительная функция. Исследование связей мышления и языка занимает важное место в работах выдающихся лингвистов и философов XIX – первой половины XX века (В. Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Л.С. Выготский, А.А. Потебня и др. [4; 5; 11; 13; 14]). В частности, отмечалось, что мышление невозможно без языка и что человек пользуется языком в процессе мыслительной деятельности, а язык и речь, в свою очередь, являются продуктами мыслительной деятельности человека. В конце XX – начале XXI века изучение мысли через призму языка вышло на уровень семантических исследований. Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, И.М. Кобозева, Е.В. Падучева, Н.К. Рябцева, Е.В. Урысон, И.Б. Шатуновский, А.Д. Шмелёв, Г.П. Щедровицкий и др. значительно расширили уже имевшиеся к тому времени представления о мыслительной функции языка [1; 3; 6; 7; 9; 10;

12; 15; 16; 17]. В то же время многие аспекты взаимодействия языка и мысли исследованы недостаточно.

В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть мысль через призму языка.

Целью данной работы является анализ способов описания мысли с помощью языка, что подразумевает решение следующих **задач**:

- определение основных способов описания мысли и представления ее в языке;
- анализ синтаксического окружения глаголов, обозначающих мысль, с целью описания разных способов представления мысли в языке;
- классификация различных способов представления мысли и ее различных видов в языке на основе лексико-синтаксической сочетаемости глаголов мысли.

Данная работа основывается на материале русского языка. Используются примеры из Национального корпуса русского языка [8]. В центре исследования глагол *думать* как прототипический и наиболее частотный глагол мысли в русском языке.

Начнем с определения основных способов описания и представления мысли в языке. Можно выделить два основных аспекта описания мысли: внешний и внутренний. Сравним два примера.

- а) *Он долго думал, но так и не нашел ответа на свой вопрос.*
- б) *«Мне сегодня крупно повезло!» - (но)думал он.*

Пример а) представляет собой **внешний аспект** описания мысли: мысль представлена как процесс, деятельность, подобная физической деятельности. За процессом мышления как будто бы наблюдают со стороны. При этом внутреннее содержание мысли не раскрывается.

Пример б) описывает событие – сам акт возникновения мысли в уме субъекта. Здесь в виде пропозиции *«Мне сегодня крупно повезло!»* представлена сама мысль в таком виде, в котором она думалась, а глагол *(но)думал* вводит эту мысль в дискурс. Такой способ описания мысли раскрывает содержание мысли, ее **внутренний аспект**.

Каждый из этих двух аспектов описания мысли реализуется с помощью разных лексико-синтаксических средств. Рассмотрим их подробнее.

I. Мысль-процесс

Глаголы, обозначающие мысль как деятельность, обладают процессуальным значением и, следовательно, имеют сходство с любыми другими глаголами, обозначающими действия (*сидеть, стоять, рисовать, петь* и т.п.). Мысль как процесс является **протяженной во времени**. Кроме того, субъект может в существенной мере

контролировать это действие: можно заставить себя думать о чем-то, прекратить думать, начать думать о чем-то другом и т.п. Рассмотрим, как мысль-процесс может быть описана в языке.

1. Глаголы мыслительной деятельности могут использоваться самостоятельно, без указания на объект мыслительной деятельности.

(1) *Наступила пауза. Клара стояла и думала. [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть I (1978)]*

В данном примере глагол мыслительной деятельности *думала* стоит в одном ряду с глаголом физической деятельности *стояла*, что подтверждает семантическое и грамматическое сходство глаголов, описывающих мысль как процесс, и любых других глаголов действия. Поскольку такая мысль является протяженной во времени, глаголы мыслительной деятельности могут использоваться в ограничительном смысле, с указанием того, как долго происходил этот процесс.

(2) *Елена думала всю ночь. Плакала, и думала, и снова плакала. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]*

(3) — *Помолчи, Тургенев... Дай подумать. Думал он минуты две, крутя головой, и наконец решился. [Леонид Саксон. Принц Уэльский // «Октябрь», 2001]*

Кроме того, глаголы, обозначающие процесс мышления, сочетаются с наречиями образа действия.

(4) *Затырин молчал. Думал он неторопливо, основательно, и Старшов его не торопил. [Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990-2000)]*

(5) *Женщина положила трубку на элегантный, упрятанный в шкатулку фиолетовой кожи телефон, села в кресло, безотчетно приняв изящную позу, и задумалась. Думала она картинно, одна рука на круглом подлокотнике, вторая прижата к щеке, глаза полуприкрыты, губы слегка шевелятся. [Марианна Баконина. Девять граммов пластика (2000)]*

(6) *Варвара Петровна, глядя на вяло бегущую парочку, вооруженную телевизионной аппаратурой, почувствовала неладное и задумалась. Думала она обстоятельно, потом ее озарило и она, забыв, что у нее есть автомобиль, помчалась за беглецами, не превосходя их в скорости, поскольку была уже в возрасте. [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Тихие омуты (1998)]*

2. Глаголы мыслительной деятельности могут сочетаться с дополнением в предложном падеже с предлогом о.

(7) *Я часто и подолгу рассматривал эту картинку, думал о ней... об этой женщине. [Евгений Гришковец. ОдновреМенно (2004)]*

Такое дополнение вводит объект, тему мысли, при этом внутреннее содержание мысли не раскрывается. В таком случае деятельность мысли обычно представляется как нецеленаправленная: мысли приходят сами по себе, без усилий воли субъекта. Иногда такие мысли имеют характер мечтаний или воспоминаний и подразумевают представление образов, связанных с объектом мысли. Представление образов, в свою очередь, влечет за собой возникновение определенного суждения относительно объекта мысли (пропозиции), однако при описании мыслительного процесса с помощью конструкции *думать о* это суждение остается «за кадром».

(8) *А ещё думал о жене и о дочке. — Что-то конкретное? — Нет. Просто вспоминал — и сразу теплее становилось. [Андрей Митьков. Юрий Кудинов, чемпион Европы-2002 в плавании на открытой воде: «Меня просто трясло» (2002) // «Известия», 2002.07.26]*

3. Глаголы мыслительной деятельности могут сочетаться с **дополнением в винительном падеже с предлогом *про***.

(9) *И вдруг он спросил: «Почему я никогда не вижу вас в церкви?» <...> Я стал объяснять, что в течение всей жизни я так много думал про отношения человека с Богом, что из этих мыслей у меня вырос настоящий мысленный горб. [Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001]*

Как и конструкция *думать о*, конструкция *думать про* вводит объект мыслительной деятельности без раскрытия содержания мысли. Принято считать, что два этих способа описания мысли являются синонимичными. Однако разница все-таки чувствуется. Во-первых, в отличие от *думать о*, *думать про* во многих случаях обозначает целенаправленный процесс мышления, который осуществляется благодаря усилиям воли со стороны субъекта мышления, как в примере (9). А во-вторых, *думать про* часто используется в тех случаях, когда субъект возвращается в своих размышлениях к одной и той же теме. Другими словами, деятельность мысли, описываемая с помощью конструкции *думать про*, – это мысль-обдумывание. Часто целью такого обдумывания является попытка сформировать свое отношение к теме мысли, как в примере (9). Если эта попытка оказывается успешной, то в повествовании к теме мысли может добавляться содержание мысли, пропозиция, которая является результатом обдумывания темы. Рассмотрим следующий пример:

(10) *И вот в Москве зима, я на океане, а она продает квартиру, те самые окна. И я стал думать обо всем, о нашей любви, о романе «Дом на набережной», который совсем недавно прочитал, и почему-то о прабабке Катерине, чью фотографию у деревенского дома я храню в альбоме. И вся страна встала передо мной. Я думал про крестьянских, фабричных пацанов, сделавшихся наркомаами, вселившихся в заветный дом, ставший для многих склепом. Думал про таких, как Вадим Глебов, которых во все времена полно, которые не твари дрожащие, а право имеют, и лезут ввысь, лезут и долезают, и не заслуживают осуждения, а скорее понимания и жалости. Думал про Дом, изрытый тайными ходами для соглядатаев, как гнилой овощ изрыт. Думал про то окно, и оно снова и снова вставало передо мной. [Александр Снегирев. То самое окно // «Дружба Народов», 2014]*

В примере (10) конструкция *думал про* вводит не только тему мысли (Вадим Глебов), но также ее содержание – описывает то, что именно думал субъект мысли на эту тему, что сформировалось в его уме в результате размышлений.

4. Глаголы мыслительной деятельности могут сочетаться с **дополнением в творительном падеже с предлогом над**.

Такая конструкция представляет мысль как работу, направленную на достижение определенного результата. Это еще более целенаправленный, контролируемый процесс, подразумевающий поиски решения проблемы, поиски способов достижения мысленной цели. Эта цель, как правило, эксплицитно указывается (в отличие от *думать про*). В примере (11) целью является создание музыкальной концепции спектакля.

(11) *К концу вечера с меня было взято обещание немедленно начать работу над музыкой, и Абдулов записал на салфетке мой телефон и сказал, что позвонит завтра и узнает, как продвигается работа. Ночью я, конечно, не спал, потрясенный таким почетным предложением — думал над музыкальной концепцией спектакля, и к утру она начала вырисовываться. [Андрей Макаревич. Дом (2001)]*

Несмотря на то, что сам этот мыслительный процесс является контролируемым, его результат (появление ответа на вопрос или решение проблемы) не поддается контролю, что подтверждается примером (12).

(12) *Я думал над этим в машине всю дорогу до института, но так ничего определенного и не решил. [Магсуд Ибрагимбеков. Кто поедет в Трускавец (1977)]*

5. Наконец, тема мысли-процесса может выражаться посредством **косвенных вопросов**.

(13) Устроившись на продавленном диване, Вера пила чай из треснутого ленинградского фарфора и **думала, как бы улизнуть**. [Александр Снегирев. Вера (2015)]

(14) И Лиза уже **думала, где бы ей помыться**, вспоминала все лужи да бочажки и **прикидывала, стоит ли полоскать одежду или уж потерпеть до разезда**. [Борис Васильев. А зори здесь тихие (1969)]

(15) И началась длинная неделя, и я ел, учился, вставал и ложился спать, играл и даже дрался, и всё равно каждый день **думал, когда же придёт воскресенье**, и мы с папой пойдём в цирк, и я снова увижу девочку на шаре, и покажу её папе, и, может быть, папа пригласит её к нам в гости, и я подарю ей пистолет-браунинг и нарисую корабль на всех парусах. [Виктор Драгунский. Денискины рассказы/ Девочка на шаре (1963)]

Тема мысли может быть обозначена косвенными специальными вопросами, как в примерах (13)-(15), а также косвенными общими вопросами, как в примере (14) (**прикидывала, стоит ли полоскать одежду или уж потерпеть до разезда**). Эта тема является более конкретной, чем тема, описанная, например, с помощью конструкции *думать над*. Как правило, формулирование темы с помощью косвенного вопроса предполагает какие-то варианты решения поставленной перед субъектом задачи.

Таким образом, процесс мысли (мысль в ее внешнем, деятельностном аспекте) может быть описан безобъектным глаголом, глаголом с предложным дополнением или глаголом в сочетании с косвенным вопросом. Во всех этих случаях мысль обладает свойством процессуальности и контролируемости.

Перейдем теперь к рассмотрению мысли-пропозиции.

II. Пропозициональная мысль

Глагол мысли может не описывать процесс мысли с его внешней стороны, но вводить в дискурс пропозицию (Р), посредством которой совершается (и описывается) мысль.

(16) Отсыяла и осыпалась осень, зарядили дожди. Михаила ночами стала прохватывать стужа, от кандалов леденило ногу, и она пухла. Михаил простыл и гулко кашлял. **«Если не вспомнят обо мне, к снегу помру»**, — равнодушно **думал** он. [Алексей Иванов. Сердце Пармы (2000)]

В данном примере глагол мысли *думал* обозначает и вводит в дискурс то, что появилось во время акта мысли, - пропозицию 'Если не вспомнят обо мне, к снегу помру'. Это суждение является логическим умозаключением героя на основе анализа сложившейся ситуации.

Формирование пропозиции является **действием** мысли: это – событие, переход от отсутствия пропозиции в уме субъекта к ее наличию. Именно посредством пропозиции мысль совершается и описывается в языке. Пропозициональная мысль обладает рядом особенностей [15, с.374-378].

- Появление пропозициональной мысли является **неконтролируемым**, несмотря на то, что сам мыслительный процесс является в определенной степени контролируемым. Можно заставлять себя думать о чем-то, рассуждать вслух, направляя свои мысли в то или иное русло, но никогда нельзя быть уверенным в том, что это действие приведет к появлению какой-то конкретной пропозиции. Неконтролируемость пропозициональной мысли подтверждается лексической сочетаемостью глаголов мысли (*неожиданно для себя самого подумал он, внезапно подумал он*), а также сочетаемостью самого существительного *мысль* (*мысль пришла в голову, мелькнула в голове, пронеслась в голове*), где мысль действует как бы независимо от человека и находится в позиции актанта [9, с. 176].

- Пропозициональная мысль обладает свойством **динамичности**. Она всегда указывает на изменения состояния в уме субъекта, на появление пропозиции ('не $P \rightarrow P$ ').

- Такая мысль **создается** в уме субъекта и обладает свойством **новизны**. Пропозициональная мысль является новой для субъекта когнитивной деятельности.

- Кроме того, пропозициональная мысль всегда **актуальна**, то есть связана и синхронизирована с моментом своего появления и развертывания.

- Пропозициональная мысль **не может оцениваться с точки зрения фактивности и нефактивности**. Поскольку она нова и актуальна в сознании субъекта мыслительной деятельности, сама эта мысль, выражаемая пропозицией, не может содержать в себе оценку ее же собственной истинности или правильности. Эта оценка может быть произведена только апостериори, в другой пропозициональной мысли.

- Наконец, пропозициональная мысль **плохо сочетается с отрицанием**. Описание пропозиции средствами языка означает, что пропозиция существовала. В большинстве случаев использование отрицательной формы глагола мысли приводит к явному противоречию, поскольку при этом отрицается сам факт возникновения пропозиции: *«Мне сегодня крупно повезло!» – не (по)думал он. Однако при употреблении глагола мысли совершенного вида в прошедшем времени в сочетании с придаточным изъяснительным отрицание возможно: Я не подумал, что она может обидеться на мои

слова. В подобных случаях отрицается не сам факт возникновения пропозиции, а появление пропозиции в более ранний момент, соотнесенный по времени с действием, описанным в придаточном изъяснительном.

Рассмотрим способы описания пропозициональной мысли средствами языка.

1. Мысль-пропозиция может быть оформлена в виде **прямой речи**.

(17) *Лиза пошла, но глаза её сто раз обращались на Эраста, который всё ещё стоял на берегу и смотрел вслед за нею. Лиза возвратилась в хижину свою совсем не в таком расположении, в каком из неё вышла. На лице и во всех её движениях обнаруживалась сердечная радость. «Он меня любит!» — думала она и восхищалась сею мыслию. [Н. М. Карамзин. Бедная Лиза (1792)]*

Такой способ выражения пропозициональной мысли является наиболее «прямым». Мысль, взятая в кавычки, доносится до читателя именно в таком виде, в каком она «думалась». Мы как будто переносимся в момент порождения мысли и наблюдаем эту мысль синхронно ее разворачиванию [1, с. 219-220]. Это становится еще более очевидным в тех случаях, когда акт мысли включает в себя несколько последовательно сменяющихся друг друга пропозиций ('не $P \rightarrow P_1 \rightarrow P_2 \rightarrow \dots$ '), как в примере (18).

(18) *Оказалось, что мсье Пиккар отлично держится в седле, и это еще прибавило ему авторитета в глазах Мариш. Прогулка получилась короткая, но очень веселая и как бы стерла налет предвзятости в отношении Мариш к Пиккару. «А он довольно славный, — думала она, глядя со стороны на своего поклонника, — острит уместно и, главное, простой, без ужимок, я его сильно недооценивала. А какой быстрый ум! А как много знает и тонко чувствует! А то, что уши шелушатся, не беда, можно, как говорят у нас в России, стряхнуть пыль с ушей». [Вацлав Михальский. Одинокому везде пустыня (2003)]*

Подобные примеры показывают, что пропозициональная мысль – это действие, рассматриваемое в его разворачивании, смена состояний ума мыслящего субъекта, а не просто статичная фиксация результата его мыслительной деятельности.

Поскольку мысль, заключенная в кавычки, предстает перед нами в своем первоизданном виде, без редакции и цензуры, она может принимать форму потока сознания: смена пропозиций может выглядеть нелогично, более того, в представлении «наблюдателя» логическая взаимосвязь между пропозициями может отсутствовать вовсе, а важное и несущественное могут иметь одинаковую значимость в представлении субъекта мысли. По этой же самой причине именно в мысли, выраженной в виде прямой речи, часто

проявляются эмоциональные компоненты, сопровождающие мысль. Все эти особенности отражены в примере (19).

(19) *Наташа плакала тихо, без истерики, но слезы лились и лились. «Мама... Что теперь делать? Тимочка такой большой... Толю надо из школы забирать... Дима придет с работы... мама... мама умерла... что теперь делать? ...» — думала она. Толю она пошла забирать, не видя дороги, не соображая, что делает. «На автомате». [Маша Трауб. Жизненный план (2009)]*

Кроме того, как в вышеприведенном примере, в таких актах мысли могут присутствовать эллиптические конструкции («Мама...»). В отличие от речевых актов, где эллипсис подразумевает недосказанность, но «додуманность», в актах мысли такие конструкции могут указывать на то, что мысль еще даже «не додумана» или же настолько неуловима и неосвязаема, что предстает в сознании только в виде образа, не содержащего в себе четко оформленной пропозиции. Однако этот образ может получить дальнейшее развитие и впоследствии конкретизироваться в пропозиции («Мама умерла»).

2. Пропозициональная мысль может быть также выражена в виде несобственно-прямой речи.

(20) *Этот допрос затянулся: молодой следователь выразительно поглядывал на часы, а потом и поторавливать стал, но Римма все писала. — Позвольте мне изложить все как есть, иначе мои показания будут неполны. Это становится забавным, думала она: подозреваемая сама на себя пишет дело, а следователь пытается ее удержать. На свидание спешит, что ли? Ничего, юноша, дело важнее. Подождите — и ты, и твоя девица. [Ирина Ратушинская. Одесситы (1998)]*

Несобственно-прямая речь обычно представляет собой ряд предложений, содержащих так называемую «внутреннюю речь» субъекта. От прямой речи как средства выражения пропозициональной мысли ее отличает, как правило, только отсутствие кавычек. Как и прямая речь, несобственно-прямая речь характеризуется большой степенью точности передачи мысли субъекта и сохранением эмоциональной окраски суждений.

Прерогативой несобственно-прямой речи является как раз введение пропозициональной мысли в дискурс. В отличие от прямой речи, в виде которой может быть зафиксирован как акт мысли, так и речевой акт, несобственно-прямая речь в подавляющем большинстве случаев отражает только мысли субъекта: автор как будто заглядывает в сознание мыслящего субъекта и транслирует его «внутреннюю речь» вовне (поэтому то, что обычно называется несобственно-прямой речью, возможно, было бы

правильнее называть несобственно-прямой мыслью). Возможно, это объясняет тот факт, что в несобственно-прямой речи часто отсутствуют глаголы или глагольно-именные сочетания, вводящие эту внутреннюю речь в дискурс (*думал, подумал, пришла в голову мысль, осенило* и т.д.), как в примере (21). Они попросту оказываются не нужны: несобственно-прямая речь в любом случае понимается как описание мыслей субъекта.

(21) *Лизавета Ивановна выслушала его с ужасом. **Итак, эти страстные письма, эти пламенные требования, это дерзкое упорное преследование - все это было не любовь! Деньги - вот чего алкала его душа! Не она могла утолить его желания и осчастливить его! Бедная воспитанница была не что иное, как слепая помощница разбойника, убийцы ее старой благодетельницы!..** Горько заплакала она в позднем, мучительном своем раскаянии. [А.С. Пушкин. Пиковая дама (1834)]*

Характерной чертой мысли, выраженной в форме несобственно-прямой речи, является множественность сменяющих друг друга пропозиций, что наглядно продемонстрировано в примерах (20) и (21). Примеры, где в форме несобственно-прямой речи вводится единичная пропозиция, встречаются крайне редко. Вот один из таких примеров.

(22) *Сразу выволить Лари у меня не получалось: обратно он не пролезал, а ворота были заперты. Приходилось удерживать его, чтобы он не сломал себе шею, да еще отгонять при этом Петю. Почему-то кот решил, что я прибежала оказать поддержку именно ему. **Наконец-то, наверное, думал он, будет восстановлена справедливость.** Но его ждало разочарование — расправиться с противником ему не дали. [Н. Ф. Королева. Другая собака // «Наука и жизнь», 2007]*

Здесь в виде несобственно-прямой речи с помощью глагола мысли *думал* вводится одиночная пропозиция '*Наконец-то будет восстановлена справедливость*'. Представляется, что в данном случае из-за наличия модального слова *наверное* невозможно было бы использовать форму прямой речи для выражения этой пропозиции. *Наверное* указывает на неуверенность автора в существовании самого акта мысли (*наверное, думал он*), поэтому использование прямой речи как способа «цитирования» акта мысли, которого, может быть, и вовсе не было, выглядело бы весьма неуместно.

3. Наконец, пропозициональная мысль может выражаться с помощью **придаточных изъяснительных**.

В таких случаях пропозициональная мысль выражена в придаточном предложении, которое присоединяется к главному союзом *что* (намного реже также союзами *будто* и *чтобы*).

(23) *Рваные края облаков подсвечивались луной. Несшиеся сквозь облака кресты рассекали их на части. Глядя на темные громады куполов, Арсений **подумал, что больше нигде не видел таких высоких зданий**. В ночной тьме они выглядели еще значительно и таинственнее, чем днем. Это был Дом Божий. Светом сотен свечей он сиял изнутри.* [Евгений Водолазкин. *Лавр* (2012)]

Придаточное изъяснительное описывает пропозициональное «ядро» мысли, отредактированное и упорядоченное, очищенное и лишённое эмоциональных и иных коннотаций. Соответственно, здесь не используются эллиптические конструкции, инверсия, эмфатические конструкции и др. Поэтому для того, чтобы указать на то, какие эмоции испытывает субъект мысли, в таких случаях используются наречия или наречные выражения, характеризующие действие, описываемое глаголом мысли (*с грустью / в отчаянии / растерянно / с радостью / равнодушно подумала она*).

Таким образом, пропозициональная мысль может быть описана в форме прямой или несобственно-прямой речи, а также в виде придаточного изъяснительного. Во всех этих случаях пропозициональная мысль обладает свойствами неконтролируемости, динамичности, новизны и актуальности.

Итак, на основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Существует два основных аспекта описания мысли в языке: внешний, в рамках которого мысль описывается как физический процесс без отражения ментального содержания мысли, и внутренний, отражающий пропозициональное содержание разворачивающейся мысли. Мысль-процесс обладает признаками, сходными с признаками глаголов, обозначающих физическую деятельность: она протяженна во времени, в большой степени контролируема; глаголы, обозначающие мысль-процесс, могут использоваться в ограничительном смысле и сочетаться с наречиями образа действия. Пропозициональная мысль отличается от мысли-процесса тем, что она неконтролируема, обладает свойством динамичности, новизны, всегда актуальна и не может оцениваться с точки зрения фактивности и нефактивности. Однако как мысль-процесс, так и мысль-пропозиция являются действием.

Различия между мыслью-процессом и мыслью-пропозицией проявляются в синтаксическом окружении глаголов, обозначающих мыслительный процесс, и глаголов,

вводящих пропозициональную мысль. Так, глаголы, обозначающие мыслительный процесс, могут использоваться без указания на объект мыслительной деятельности, сочетаться с предложным дополнением (с предлогами *о*, *про* и *над*) или же вводить косвенные вопросы. Пропозициональная мысль, в свою очередь, может вводиться в виде прямой речи, несобственно-прямой речи и с помощью придаточных изъяснительных. Каждый из этих лексико-синтаксических способов описания мысли несет в себе разные оттенки понимания мысли.

Библиографический список:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
5. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37-298.
6. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Едиториал УРСС, 2000. 352 с.
7. Кобозева И.М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 95-104.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.11.2018).
9. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 552 с.
10. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
11. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
12. Рябцева Н.К. Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка. Модели действия / Ин-т языкознания РАН. М.: Наука, 1992. С. 60-69.
13. Сепир Э. Язык: Введение в изучение речи. М.: Ленанд, 2016. 240 с.
14. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Иностранная литература, 1960. 464 с.
15. Шатуновский И.Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 480 с.
16. Шатуновский И.Б. Язык сквозь призму языка // Russian Linguistics. 2001. Вып. 25. № 3. С. 335-354.
17. Щедровицкий Г.П. О методе исследования мышления / Сост. А.А. Пископпель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М.: Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2006. 600 с.

Byakovskaya N.G. **The process of thinking and propositional thought**

The present article deals with the problem of studying thought through language. The article discusses two approaches: the use of linguistic means for describing a thinking process and the use of linguistic means for describing propositional thought. The author analyses the syntactical environment of verbs of thought and thinking in the Russian language and suggests a classification of lexico-syntactical models for describing thought.

Keywords: thought, thinking, act of thinking, thinking process, propositional thought, think

УДК 8.811.16 см. 811.11

А. А. Дасько, С. Б. Волкова

**Сопоставительный анализ белорусских, русских и английских фразеологизмов
с соматическим компонентом «ухо»**

Аннотация:

Статья посвящена изучению белорусских, русских и английских фразеологизмов, содержащих соматический компонент «ухо», «уши». Рассматриваются семантические и культурологические особенности данного компонента в белорусском, русском и английском языках.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, сравнительный анализ, соматизм.

Об авторах: Дасько Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук Государственный университет «Дубна»; эл. почта: dasko.anna@gmail.com.

Волкова Светлана Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук, Государственный университет «Дубна»; эл. почта: volkovasvetlana@mail.ru

Изучение языковой картины мира требует всестороннего описания внешнего мира и внутреннего мира человека, имеющего отражение в языковом знаке. Антропоцентрическая парадигма лингвистических исследований включает различные аспекты изучения человека как основного объекта научного знания. Сопоставительное изучение фразеологии разных языков дает возможность более глубоко изучить различные национальные картины мира; оно имеет культурологическое и методологическое значение. Анализ фразеологизмов с соматическими компонентами представляется актуальным направлением в исследовании фразеологического корпуса языка, значимым вкладом в тезаурусное описание человека как объекта исследования.

Цель данного исследования – сопоставить семантические особенности фразеологизмов с компонентом «ухо», «уши» в русском, белорусском и английском языках. Мы ставим задачу провести некоторые компонентные и семантические параллели между фразеологизмами трех языков, выделив их общие и дифференциальные признаки.

Материал исследования был собран методом сплошной выборки из одноязычных и двуязычных словарей.

Слова «ухо», «уши» в современном русском языке и «вуха», «вушы» в современном белорусском языке многозначны, причем в различных словарях выделяется разное количество их значений. В словаре Д.Н. Ушакова отмечено семь значений слова «ухо»: *орган слуха; наружная, хрящевая часть в форме раковины вокруг ушного отверстия; слух (переносное значение); уши шапки — боковая, пускающаяся вниз часть; у разных предметов — боковая часть, приспособление для подъема и вешания; ушко иголки — продолговатое или круглое отверстие для вдевания нитки; два вертикальных бруса на носу судна для крепления буксирного или якорного каната (мор.).* С.И. Ожегов отмечает значение слова «ухо» как способность воспринимать звуки. Синонимический ряд в русском языке представлен словами *замордок, лабиринт, локатор, пельмень, слух, уши, ушко*. Как видим, синонимы слова *ухо* образованы различными способами. *Замордок* — парафраз, основанный на локализации ушей на голове относительно лица. *Лабиринт* — метафора, построенная на сходстве извилистости ушного канала с лабиринтом. *Локатор* — метафора, построенная на сходстве функции и внешнего подобия уха техническому прибору улавливания звуков. *Пельмень* — метафора внешнего сходства формы уха и блюда, представляющего собой кусочек мясного фарша, завернутого в тесто, которое залеплено по краю; иногда противоположные концы линии слепливания теста скреплены так, что получается форма, похожая на ухо. *Слух* — метонимия, перенос по функции способности воспринимать звуки. *Уши, ушко* являются грамматическими формами слова «ухо». В статье рассмотрены значения фразеологизмов русского языка с указанными синонимами.

М. Фасмер отмечает, что слова с родственным корнем «ухо» (мн. «уши») есть в украинском, белорусском, древнерусском, старославянском, болгарском, сербохорватском, словенском, словацком, польском, нижнелужицком, верхнелужицком, праславянском, литовском, латышском, греческом, дорийском, готском, ирландском, авестийском, албанском языках.

В современном белорусском языке слово «вуха» также отмечено как многозначное. Его значения: *орган слуха, внешняя его часть в форме раковины; способность воспринимать звуки; в теплой шапке-ушанке — боковые откидные части; боковые части у некоторых предметов; приспособление для подвешивания, подъема.*

В современном английском языке лексическая единица “ear” также является многозначной. В толковых словарях представлено несколько ее значений, два из которых непосредственно связаны с восприятием уха как органа слуха и способностью слышать:

Ear – 1 one of the two parts at the sides of your head that you hear with; 2 the ability to hear and judge sounds.

Этимологически “ear” является исконно английским словом и изначально употреблялось в значении «орган слуха» и «чувство восприятия».

*Ear – (1) "organ of hearing", O.E. eare, from P.Gmc. *auzon, from PIE *aus- with a sense of "perception".*

Синонимический ряд анализируемой лексемы, а также данные словаря-тезауруса, этимологического и толковых словарей позволяют выделить следующие ее значения: чувство восприятия, внимание, внимательность, музыкальный слух, способность различать, чутье. Тем самым наблюдается расширение значения «умение слышать» до значения «способность воспринимать что-либо, иметь чутье».

В белорусском и русском языках в интересующем нас аспекте выделяются некоторые фразеологизмы, которые характеризуются смысловой и грамматической тождественностью. Однако часть таких идиом при смысловом сходстве имеет разное лексическое и грамматическое выражение.

Слушание есть процесс, предполагающий длительную включенность человека в восприятие чужой речи. Фразеологизмы *вушы развесіць / ушы развесіць* образно связаны с состоянием расслабленности и увеличения площади этой вовлеченности. Что-либо развесить означает «расправить, широко разместить в пространстве, оставить в пассивном состоянии»: *развесіць по сценам карціны, развесіць белье для прасушкі, развесіць по углам дома.*

Далее, фразеологизмы русского и белорусского языка отражают способность *прислушываться*. У животных способность прислушиваться имеет как психическое, так и физическое выражение в виде движения ушей, поворота слуховой раковины по направлению к источнику звука. Как известно, человек этой способностью не обладает, и во фразеологизмах данной группы наблюдается метафорический перенос с образа животного на образ человека. Значение «прислушаться» имеют такие фразеологизмы, как *вастрыць вушы; навастрыць вушы; трымаць вуха востра // навострыць ушы; держать ушы востро; ушы на макушке; держать ушы на макушке; ушамі прятать; насторожыць ушы; насторожыць ушы*. В словаре русского сленга указано выражение *наставить радары*

(уши) — метафорический перенос по сходству формы локационного устройства с ушами человека. Аналогично ему по смыслу выражение *локаторы наставить*. В данных фразеологизмах также отражена способность подвижности внешнего уха. Значение «услышать» имеют фразеологизмы *завіць вухам // поймать ушами*.

Слабая физическая способность слышать зафиксирована в русском фразеологизме *туговат на ухо; туг на ухо*. В белорусском и русском языках выделяется группа фразеологизмов со значением «не желать слышать»: *вуха залажыла; прапусціць міма вушэй; пацучь (услышать) на адно вуха // ухо заложило; пропускать мимо ушей; прошло мимо ушей; в одно ухо влетело; в другое вылетело; у девки уши золотом завешаны; у девушки ни ушей, ни глаз; у брюха нет уха*. В указанной группе в русском языке наблюдаются фразеологизмы-просторечия, характерные для разговорного или сниженного стиля: *свернуть ушко крендельком; хлопать ушами*. Часть фразеологизмов этой группы образно связана с внешним насильственным перекрытием слухового канала: *забить в уши глину; бананы в ушах; морковь тертая в ушах; заткнуть уши*.

Кроме физической способности слышать, уши связаны с психической способностью эмоционально реагировать или не реагировать на происходящее вокруг. В белорусской и русской фразеологии зафиксированы следующие единицы со значением «не реагировать»: *стуліць вушы; вушы ўтуліць; і вухам не вядзе // и ухом не ведет; хоть в ушко (иголку) всунь; хоть осиновым колом в ухе ковырять*. По контрасту, другие фразеологизмы означают «слушать внимательно»: *превратиться в слух; слышать своими ушами; ловить ушами; крепкий на ухо; женины уши; слушать во все уши; приклонить ухо*. Выражение из Евангелия *имеяй уши да слышиш* выражает способность не только слышать, но и понимать, внимать.

Выражения *вушы вянуць; рэзаць вушы; хоць вушы затыкай // уши вянут; ухо режет; хоть уши затыкай* имеют значение «стыдно слушать, неприятно слушать». Метафорически данные выражения связаны с образом растения, его увяданием и гибелью, либо с действием нанесения физического вреда.

Возможность подслушивания обозначена во фразеологизмах *І сцены вушы маюць // и у стен уши есть*. Данные фразеологизмы построены с помощью олицетворения. Значения фразеологизмов *краем вуха чуць // краем уха слышать* связаны с понятием «что-то неточное, недостоверное, неполноценное в смысловом отношении». Противоположное значение — достоверность — выражено во фразеологизмах *чуць на свае вушы // слышать своими ушами*. Избыточное говорение, связанное с уговорами, просьбами, информацией о

ком-либо или о чем-либо, вызывающее чувство надоедания, выражено в русских фразеологизмах *надувать в уши; уши прожужжать; прожужжать уши; протрубить все уши; висеть на ухе; барабанить в уши; за ухо лить; надуть в уши; на ушах сидеть; дуть в уши; вдувать в уши.*

Надоедливость какого-либо звука или чьего-то голоса, усталость от шума передается с помощью выражения *в ушах звенит*. Обман выражается фразеологизмами *навешаць лапы на вушы; навешанне лапы на вушы // навешать лапу на уши; вешать лапу на уши*. Привлечение к ответственности, раскрытие обмана воплощается во фразеологизмах *за вушка ды на сонейка // за ушко да на солнышко*.

Идиомы *увесці ў вушы // довести до ушей* означают «убедить, подсказать необходимость какого-либо действия или сформировать отношение к чему-либо».

Указание на отсутствие музыкального слуха связано с образами массивных животных, отдавивших ухо человеку: *мядзвежае вуха; мядзведзь на вуха наступіў // медведь на ухо наступил; слон на ухо наступил*.

Фразеологизм *врезаться в уши* означает «запомнить, услышав». *Говорить на ухо* означает «секретничать», быть с кем-то *ухо в ухо; ухо к уху; ухо на ухо* – то же, что «быть с кем-либо вровень».

Разглашение тайны обозначается словосочетанием *Мидасовы уши*, которое близко по значению выражению «по секрету всему свету». Согласно греческому мифу, Аполлон разгневался на фригийского царя Мидаса и наделил его ослиными ушами. Мидас прятал их под шапку, и о них знал только царский брадобрей. Чтобы избавиться от тяготившей его тайны, брадобрей шепотом сообщил о ней на безлюдном берегу озера. На следующий день там вырос тростник, повторявший шепот брадобрея. Так тайна Мидаса стала известна всем.

Примечательно, что значительная часть интересующих нас фразеологизмов семантически не связана со способностью слышать и слушать. Уши могут обозначать в них предел чего-либо: *улезці з вушамі; улезці по вуш; занесці по самыя вушы // покраснеть по уши; по уши влюбиться; сухо по самое ухо; дураку море по колено, а лужа по уши; обласкать по уши; до ушей; рот до ушей; улыбка до ушей; выше лба уши не растут*. В последнем фразеологизме предел уровня выражен соматизмом «лоб», но предел возможностей – соматизмом «уши». О злящемся, раздраженном человеке белорусы говорят *шаленая муха ўкусіла за вуха*. Иные группы фразеологизмов, не связанных со способностью слушать и слышать, в словарях белорусской фразеологии не обнаружены.

Русские фразеологизмы охватывают и некоторые иные понятия. Занятость выражается идиомой *некогда за ухом почесать*. Об очень хорошем, мягком, покладистом человеке говорят *хоть в ушко вдень*. Сомнение, недоверие, удивление выражаются с помощью фразеологизмов *не верить своим ушам; не поверить своим ушам*. В данных единицах отражено противоречие между восприятием и осмыслением информации. Образное выражение *за ушами трещит* означает «есть с аппетитом» (это связано со звуком, образующемся в результате интенсивного движения челюстей).

Синонимом глагола «помогать» является выражение *тянуть за уши*. Значение этого фразеологизма связано и с наказанием, выраженным во фразеологизмах *драть за уши; уши надрать*, и с образом упрямого, ленивого человека, которого действительно тащат за уши, чтобы он, испытывая боль и стремясь избежать ее, двигался вперед. Семантически связан с предыдущими выражениями и фразеологизм *притягивать за уши*, означающий «придумывать, искусственно привлекать, допускать долю лжи». Перемещение ушей в несвойственное им место на теле человека или отделение их от тела означает угрозу — *уши на голову натянуть; натянуть уши на жопу; уши пообрываю; ухо откушу*. Угрожающий посыл, предложение исчезнуть, уйти образно связан с использованием ушей в несвойственной им функции: *гребти ушами в камыши*.

В белорусской фразеологии не отмечено единиц с компонентом «ухо», «уши», имеющих значение оскорбления, унижения, или носящих характер бранных. В русском языке такие идиомы есть: оскорблением служит выражение *жопы с ушами*; насилие, агрессивный удар обозначается идиомами *съездить по уху, пустить кровь из ушей*; нечто низкопробное — идиомой *юшка с ушками*. Выражение *встать на уши, поставить на уши*; означает «вести себя неподобающе». Фразеологизмы *ни уха, ни рыла; ни уха, ни рыла не смыслит* употребляются в значении «совсем ничего».

В словаре М.И. Михельсона указаны фразеологизмы, ныне вышедшие из употребления. Выбор жены по доброй славе, а не внешности или богатству обозначался пословицей *Жену выбирают не глазами, а ушами*. Выражение *свиное ухо* (простор., бранное) служило намеком на неупотребление мяса. *Ухо наварить деньгами* означало «прогулять, промотать, пропить». Значение «преданность, верность до самопожертвования» зафиксировано в русском выражении *Ухо режь — кровь не канет*.

В английской фразеологии соматический компонент “ear” представлен в большом количестве фразеологических единиц. Некоторые из них логично объединить в группы по следующим значениям.

Достаточно большую группу составляют фразеологизмы со значением «внимание, внимательность»: *lend an ear to* – уделить внимание, выслушать (*to listen to someone talking about their problems carefully and sympathetically*); *give an ear to* – выслушать (*to listen to someone carefully*); *(be) all ears* – превратиться в слух; быть полностью во внимании (*to pay attention to what someone has to say, alert, vigilant, wide awake, watchful, attentive*); *have/keep your ear to the ground* – быть всегда в курсе событий (*to pay attention to what is happening, so that you know about any changes in a situation*). Выражением *keep/have your ears open (to pay attention to what is happening, esp. in order to find smth out)* является частью пословицы *Keep your mouth shut and ears open* (Меньше говори, больше слушай / Держи рот на замке, а уши открытыми). Идиома *to prick up/perk up one's ears* соответствует русским «наострить уши, держать ушки на макушке, держать ухо востро» (*to pay attention to what someone has to say, alert, vigilant, wide awake, watchful, attentive*); *strain one's ears* означает «напрягать слух»; *clean one's (the) ears* – «прочистить уши», то есть слушать более внимательно. В эту же группу со значением «способность понимать, внимать» можно отнести и библейское выражение *Who hath ears to hear, let him hear* («Имеющий уши, да услышит»), и фразеологизм *bow down one's ear to somebody* («благодарно внимать кому-либо»).

В антонимическую группу входят фразеологизмы со значением «отсутствие внимания, внимательности; реакции»: *smth goes in one ear and out the other* – *used for saying that someone does not remember what you say or pay attention to it* (в одно ухо влетает, в другое вылетает); *listen with half an ear* – *not give one's full attention* (слушать в пол-уха, невнимательно); *to fall on deaf ears* = *to turn a deaf ear to* – *take no notice of it* (и ухом не повел; пропустить мимо ушей).

To reach smb's ears означает «услышать, дойти до чьего-либо слуха» (*to be heard by someone*); *to come to somebody's ear(s)*; *fall on (upon) somebody's (the) ears* – дойти до чьих-либо ушей, привлечь внимание; *to hang out one's ear* – подслушивать; *to have long ears* – быть любопытным, подслушивать; *close your ears (to)* – не желать слушать (*not to listen to what someone is saying or not listen to a sound*); *to bend someone's ear (informal)* – надоедать разговорами, вести продолжительную, нудную беседу (*keep talking to you about it because they think it is important; used especially when you are irritated by this*); *to bash somebody's ear* – (*jar., AuE*) докучать нудными разговорами (*to irritate somebody by a tedious conversation*); *to bite somebody's ear (for)* – выклянчивать, выпрашивать деньги, займы; *to din in (into) somebody's ears* – прожужжать (все) уши кому-л. В выражениях *to grate upon somebody's (the) ear* (резать слух), *one's ears are singing* (звонит в ушах), *to ring in one's ears* (звучать в

ушах) отражены значения «надоедливость звука», «неприятно слушать». Противоположные по значению фразеологизмы подчеркивают положительные эмоциональные реакции: *tickle somebody's (the) ear(s)* – ласкать слух, *music to your ears* – звучать, как музыка. Секретничать можно, разговаривая *for somebody's private ear* (по секрету, на ушко). О любителе новостей, а также сплетен в английском языке говорят *have itching ears*. Фразеологизм *to play something by ear* употребляется в двух значениях, общим значением для которых является способность восприятия без подготовки. Одно из значений полностью совпадает с русским устойчивым выражением «играть на слух», а во втором значении выражение может употребляться в отношении любых действий: действовать по обстоятельствам, принимать решение по ходу дела; способность действовать без плана, «на ощупь».

В отдельную группу следует выделить фразеологизмы, в которых наблюдается метонимический перенос с части тела человека на самого человека. Здесь встречаются и так называемые свободные словосочетания: *a friendly ear, a sympathetic ear, etc.* в значении «человек, готовый слушать», а также устойчивые выражения *have smb's ear – to know someone with power or authority who will listen to you; have access to and influence with someone* (пользоваться благосклонным вниманием какого-либо авторитета); *to gain/win somebody's ear – to attract the attention of* (склонить кого-либо на свою сторону; снискать расположение).

В следующие группы входят те фразеологизмы, в которых лексема “ear” не обозначает орган слуха. Устойчивые выражения *grin/smile from ear to ear (to smile a lot, broadly because you are happy)* и *have nothing/cotton wool between the ears (offensive; to be extremely stupid)* указывают, с одной стороны, на предел чего-либо, а с другой стороны – на эмоциональное состояние человека и дают оценку его умственным способностям (в данном случае обозначают отсутствие ума).

В выражениях *up to one's ears in* и *be over head and ears in* можно выделить два семантических компонента: «предел чего-либо» и «занятость, вовлеченность». Оба данных фразеологизма переводятся на русский язык как «по уши» (влюбиться, быть в долгу, в работе и т.д.). В идиоме *up to one's ears in* лексема “ears” может быть легко заменена лексемами “eyes, elbows” и поэтому в большей степени соотносится с занятостью, вовлеченностью в работу, долги, игры и т.п. А вот применительно к любви чаще используется фразеологизм “*be over head and ears in (love)*”.

Значение «опытность/неопытность» входит в семантику фразеологизмов *wet behind the ears* (неопытный, незрелый, «зеленый»; молоко на губах не обсохло) и *dry behind the ears* (зрелый, оперившийся, взрослый). Отметим также такие семантические компоненты, как «изобилие» – *to come (run) out of one's ears* (иметься в изобилии, «из ушей лезет»); «риск» – *it's as much as one's ears are worth* (это дело рискованное, это может дорого стоить); «легкость, простота в исполнении» – *to be able to do it on one's ear* (легче легкого, проще простого, в два счета).

Английские фразеологизмы с компонентом *ear* могут иметь и отрицательные коннотации. Например, содержать значение «раздражение» (*to be on one's ear* – быть раздраженным, *to get somebody up on his ears* – вызвать чье-либо раздражение, привести в ярость); «увольнение» (*to be out on your ear (informal)* – *to be suddenly removed from your job or your place in an organization, be dismissed ignominiously*; быть выброшенным, оказаться «на улице», уволенным); «несчастье» (*to bring something (down) about one's ears* – *bring misfortune on oneself*; рушиться, разлетаться в прах); «плохое качество» (*to make a pig's ear of (British, informal)* – *to do smth very badly*; делать из рук вон плохо; испортить); «ссора» (*to set somebody by the ears* – поссорить, взбудоражить, *by the ears* – быть в ссоре, на ножках).

Лексема *ear* может выступать как указание на факт наказания, насилия: *a thick ear (informal)* – *a blow on the ear delivered as punishment, in anger, etc.* (опухшее ухо), *to give a thick ear* – дать здоровую оплеуху; *to pin back somebody's ears* – проучить, наказать кого-либо. Вышедшее из употребления выражение *to box someone's ear(s) [old-fashioned]* означало «дать затрещину».

Отметим группу устойчивых выражений, которые по фразеологическому образу совпадают в русском и английском языках:

- *smb's ears are burning* – *used for saying that people are talking about someone* (уши горят);
- *smth goes in one ear and out the other* – *used for saying that someone does not remember what you say or pay attention to it* (в одно ухо влетает, в другое вылетает);
- *smb couldn't believe their ears* – *used for saying that someone is very surprised by smth that they hear* (ушам своим не верю);
- *have smth coming out of your ears* – *(informal) to have a lot of something, or more of it than you need* (из ушей лезет);
- *(listen with) half an ear* – *not give one's full attention to smth* (слушать в пол-уха, невнимательно);

- *up to one's ears in – (informal) very busy with* (по уши в чем-либо);
- *Who has ears to hear, let him hear - (the Bible)* Имеющий уши, да услышит;
- *to prick up/perk up one's ears; to keep/have one's ears open; to be all ears – to pay attention to what someone has to say, alert, vigilant, wide awake, watchful, attentive* (наострить уши, ушки на макушке, держать ухо востро);
- *to play something by ear – 2 to play music by hearing and remembering it, not by reading it* (играть на слух);
- *not to believe one's ears – to be surprised or upset by something you have heard* (не верить ушам своим);

Обобщая результаты проведенного исследования, следует отметить, что во всех трех языках фразеологизмы с компонентом «ухо», «уши» представлены различными смысловыми группами выражений, как связанных, так и не связанных с лексическими значениями данных лексем. В устойчивых выражениях трех языков представлен более обширный диапазон значений, чем зафиксированные в толковых словарях лексические значения слов «ухо», «уши». Совпадения значений соответствующих идиом в трех языках наблюдаются по основным лексическим значениям «слышать, слух», а также по семантическим признакам *внимание, невнимательность, способность восприятия, предел, надоедливость, неверие, сомнение*. Английские устойчивые выражения с интересующими нас лексемами включают смыслы *опытность/неопытность, положительные эмоциональные реакции, несчастье, вовлеченность, риск, увольнение, ссора*. В белорусских фразеологизмах представлен смысл *испытывать и выражать негативные эмоции (человек, испытывающий злобу)*. В русских фразеологизмах выявлены следующие оригинальные смыслы: *надоедливость, секретничать, глупость, болтливость, удивление, помощь, есть с аппетитом, занятость, преданность, верность, слабая физическая способность слышать*.

В русском и белорусском языках были выявлены компонентные и семантические параллели, связанные с отражением во фразеологизмах физиологической способности слышать и психоэмоциональной способности слушать, а также фizeопсихоэмоциональных способностей, связанных с различными формами слухового действия. Смежные в смысловом отношении фразеологизмы в белорусском и русском языках представлены следующими значениями: *прислушиваться, услышать, не желать слышать, не реагировать, стыдно слушать, возможность подслушивания, что-то неточное,*

недостоверное, неполноценное в смысловом отношении, достоверность, обман, убеждение, отсутствие музыкального слуха.

В русском языке была выявлена обширная группа фразеологизмов, имеющих грубую, просторечную, сниженную окраску. Смысловые векторы единиц этой группы выражают *угрозу, насилие, оскорбление, неподобающее поведение, нечто низкопробное*. Сниженным коннотативным значением также отмечены фразеологизм со значением «совсем ничего» и некоторые единицы русского синонимического ряда к слову «ухо», «уши».

В целом анализ фразеологических единиц белорусского, русского и английского языков с соматическим компонентом «ухо», «уши» дает возможность выявить особенности фрагмента национальной языковой картины мира, связанной с тезаурусом «человек». Результаты проведенного исследования могут быть использованы при обучении англоговорящих учащихся русскому языку и русскоговорящих учащихся английскому языку, при изучении и сравнительном описании белорусского, русского и английского языков.

Библиографический список:

1. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склад.Ф Янкоўскі; Прадм. Д.Я Бугаёва. Мн.: Бел. Навука, 2004. 494 с.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-пресс, 1999. С. 556-558.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 06.11.2018).
4. Елистартов В.С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 672 с.
5. Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь. Изд.4-е, стер. Ростов на /Д.: Феникс, 2008. 590 с..
6. Зайка А.Ф. Фразеалагічны слоўнік Косаўшчыны. Брэст: ААТ «Брэсцкая друкарня», 2014. 308 с.
7. Кузьмин С.С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика. М.: Флинта: Наука, 2001. 776 с.
8. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 6-е изд., исправл. М.: Живой язык, 2005. 944 с.
9. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мн.: БелЭн, 2004. 448 с.
10. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. М: Русские словари, 1994. Т. 1. 819 с.
11. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. М: Русские словари, 1994. Т. 2. 936 с.
12. Мяцельская Е.С. Камароўскі Я.М. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мн. Выд БДУ, 1972. 320 с.

13. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. Докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 15-е изд.... стереотип. М.: Рус. яз., 1984. 816 с.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: / Больш за 65 000 слоў Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко, Афармленне А.М. Хількевіча. 3-е выд. Мн.: БелЭн, 2002. 784 с.
15. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 15.11.2018).
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / пер с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ. 2007. Т. 4. 860 с.
17. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков., А.И. Молотков., А.И. Фёдоров; Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотипн. М.: Рус. Яз., 1986. 543 с.
18. Яранцев Р. И. Русская фразеология. Словарь.-справочник: ок. 1500 фразеологизмов. М.: Рус. яз., 1997. 845 с.
19. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge University Press, 2003. 1549 p.
20. Longman Dictionary of Contemporary English. 3rd ed. Longman, 2000. 1722 p.
21. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International student edition, 2006. 1692 p.
22. Merriam-Webster's Learner's dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (Access: 15.11.2018).
23. Online Etymology Dictionary by Douglas Harper [Electronic resource]. URL: <http://www.etymonline.com> (Access: 15.11.2018).
24. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Sixth edition. Edited by Sally Wehmeier. Oxford University Press, 2000. 1540 p.
25. Oxford Thesaurus of English. 3 ed. Oxford University Press, third edition, 2009. P. 265.

Dasko A.A., Volkova S.B. Comparative analysis of Belorussian, Russian and English phraseological units with the somatic component “ear”

The present paper is devoted to the study of Belorussian, Russian and English phraseological units with a somatic component “ear”. Semantic and cultural peculiarities of this component in the Belorussian, Russian and English language traditions are considered.

Keywords: phraseology, semantics, comparative analysis, somatism

УДК 811.111

М. В. Миронов

Структура лексико-семантической группы *horse colour* (масть лошади) в английском языке и сочетаемость ее элементов

Аннотация:

Статья посвящена описанию состава и структуры лексико-семантической группы (ЛСГ) *horse colour* (масть лошади) в английском языке, а также изучению сочетаемости и распространенности слов, составляющих данную ЛСГ, на материале корпуса английского языка *iWeb Corpus*. В первой части статьи рассматривается деление названий мастей с точки зрения иерархической структуры ЛСГ: одни слова обозначают основные масти, другие – подтипы этих мастей. Во второй части статьи представлено деление названий мастей на пять групп на основании их сочетаемости и частотности.

Ключевые слова: английский язык, лексико-семантическая группа, масть лошади, сочетаемость, частотность

Об авторе: Миронов Михаил Владимирович, Государственный Университет «Дубна», аспирант кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: mikhailmironov1@mail.ru

В лингвистике прочно укоренился взгляд на лексику как на систему. В этой системе выделяется множество различных лексических объединений, или парадигм. В их числе – объединение слов, известное, как лексико-семантическая группа.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) – это «совокупность слов, относящихся к одной и той же части речи, объединенных внутриязыковыми связями на основе взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов значения» [2, стр. 152]. Одним из первых языковедов, использовавших понятие ЛСГ, был Ф.П. Филин. В статье «О лексико-семантических группах слов» он определяет ЛСГ как «объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям» и уделяет внимание различиям между ЛСГ и другими категориями, такими, как тематическая группа [7, с. 224]. Изучение лексико-семантических групп представляется «наиболее перспективным с точки зрения системного исследования и описания вокабуляра современного английского языка» [4, с. 1].

В данной статье подробно рассматривается лексико-семантическая группа *horse colour*. В нее входят слова и словосочетания, используемые в английском языке для обозначения мастей лошадей.

Сначала следует обратить внимание на особенности данной ЛСГ. «Для большинства ЛСГ типично наличие базовых слов, которые олицетворяют семантическое единство группы» и отличаются такими свойствами, как высокая употребительность, обобщенность и малосодержательность значения, привативная связь с более содержательными словами [5, с. 76-77]. Однако как в ЛСГ *horse colour*, так и в соответствующей ей русской ЛСГ *масть лошади* невозможно выделить базовое слово, то есть смысловой центр группы с наиболее отвлеченным значением. Ни одно название масти невозможно назвать главным, центральным; ни одно название масти не может использоваться в качестве замены всем остальным. Для сравнения можно привести контрпример. ЛСГ *локомотивы* включает в себя следующие лексемы: локомотив, паровоз, паровик, электровоз, тепловоз, мотовоз, кукушка, газотурбовоз [1, с. 21]. В этой ЛСГ присутствует центральное слово (локомотив), и оно может быть использовано на месте всех других лексем данной группы. По контрасту, в рассматриваемой нами ЛСГ такое слово выделить невозможно. Само название группы – *horse colour* – не является членом группы. В самом деле, названия мастей, например, *chestnut*, *bay*, *sorrel*, *dun* и т.д., не могут быть заменены словосочетанием *horse colour* – так же, как названия цветов (красный, синий, желтый) не могут быть заменены словом *цвет*. Такой тип организации ЛСГ, в котором отсутствует базовое слово, называется комплементарным, или взаимодополняющим [3, с. 72].

Внутри ЛСГ *horse colour* можно выделить множество подгрупп. В этой группе присутствуют как простые прилагательные, так и сложные. Как правило, первые обозначают основные масти (например, *chestnut*), а вторые – подтипы основных мастей (например, *light chestnut*, *dark chestnut*, *liver chestnut*). На этом основании внутри изучаемой ЛСГ можно выделить лексико-семантические подгруппы:

Chestnut horse colour: *chestnut*, *red chestnut*, *cherry chestnut*, *light chestnut*, *sorrel*, *honey chestnut*, *liver chestnut*, *dark chestnut*, *black chestnut*.

Black horse colour: *non-fading black*, *raven black*, *jet black*, *fading black*.

Bay horse colour: *bay*, *blood bay*, *red bay*, *mahogany bay*, *copper bay*, *cherry bay*, *gold bay*, *light bay*, *sandy bay*, *dark bay*, *black bay*, *seal bay*, *wild bay*, *faded bay*.

Brown horse colour: *brown*, *seal brown*, *copper-nosed brown*, *black and tan*.

Palomino horse colour: *palomino, golden palomino, chocolate palomino, caramel palomino, isabella palomino, cremello, perlino, smoky perlino, smoky cream, smoky black.*

Buckskin horse colour: *buckskin, buttermilk buckskin, cream buckskin, golden buckskin, bronze buckskin, brown buckskin, seal brown buckskin, brown with cream, black buckskin.*

Grey horse colour: *white grey, dapple grey, rose grey, iron grey, steel grey, medium grey, dark grey, mulberry grey.*

Roan horse colour: *chestnut roan, strawberry roan, black roan, blue roan, bay roan, red roan, lilac roan, honey roan.*

Champagne horse colour: *gold champagne, classic champagne, champagne black, amber champagne, sable champagne.*

Особое внимание следует уделить подгруппе **dun horse colour**, потому что в ней можно выделить свои собственные подгруппы:

Red dun horse colour: *light red dun, peach dun, apricot dun, red dun, chestnut dun, claybank dun, copper dun, bronze dun, liver dun.*

Black dun horse colour: *grulla/grullo, black dun, blue dun, silver grullo, silver dun, slate grullo, slate dun.*

Bay dun horse colour: *bay dun, yellow dun, classic dun, zebra dun, buttermilk dun, coyote dun.*

Mouse dun horse colour: *mouse dun, muddy grulla, wolf dun, olive grulla, dove grulla, lobo dun.*

Как отмечает О.Л. Рублева, «ЛСГ могут включаться друг в друга, как матрешки, <...> т.е. могут быть «микро-» и «макро-» [6, с. 76]. Необходимо отметить, что представленный выше вариант разделения на лексико-семантические подгруппы не является единственно возможным. Так, члены подгруппы *roan horse colour* могут быть включены в другие подгруппы: например, *chestnut roan* можно отнести к *chestnut horse colour*, а *bay roan* – к *bay horse colour*. Причиной этого служит тот факт, что такие названия, как *palomino, buckskin, roan, grey, champagne, dun*, обозначают масти, образующиеся в результате воздействия т.н. генов разбавления. Например, ген *cream* превращает *chestnut* в *palomino*, *bay* в *buckskin*, *black* в *smokey (smoky black)*; в гомозиготном состоянии ген *cream* осветляет масть лошади, превращая *chestnut* в *cremello*, *bay* в *perlino*, *black* в *smoky cream (smoky perlino)* [8, с. 42; 9, с. 1]. Таким образом, независимо от наличия дополнительных генов, влияющих на масть, «под ними» лошадь все равно остается *black, bay, chestnut, sorrel* и т.д. [11, с. 1].

Классифицировать элементы ЛСГ можно по их сочетаемости. Некоторые названия обозначают исключительно масти, другие же могут использоваться в речи для описания цвета самых разнообразных объектов. Исследование сочетаемости названий мастей проводилось на материале корпуса английского языка *iWeb Corpus* [10]. Этот корпус представляет собой собрание текстов с 22 миллионов веб-страниц и включает 14 миллиардов слов.

В ходе исследования применялись основные способы поиска, предоставляемые корпусом: поиск слов и словосочетаний в строках оригинальных текстов и поиск подробной информации по слову, включая его частотность и сочетаемость. Были рассмотрены 112 названий мастей лошадей, входящих в соответствующую ЛСГ в английском языке.

В результате исследования внутри ЛСГ *horse colour* были выделены следующие группы названий:

Группа 1

Основные цветообозначения, входящие в список из 60000 самых употребительных слов английского языка и используемые в качестве названий мастей. В эту группу входят слова *black*, *brown* и *gray/grey*. На запрос подобных слов в корпусе выводится огромное количество результатов. Очевидно, что эти слова используются не только в качестве названий масти лошади, но и для обозначения цвета совершенно разных объектов – практически что угодно может быть черным, коричневым или серым.

В Таблице 1 представлены данные по членам Группы 1.

Таблица 1.

Название	Частотность	Сочетания	Точные сочетания
<i>Black</i>	Позиция: #536 Употреблений: 2839444	Десятки тысяч результатов; больше всего сочетаний со словом <i>color</i> – 69641.	2448 <i>black horse</i> 640 <i>black stallion</i> 92 <i>black mare</i> 42 <i>black colt</i> 17 <i>black filly</i> 9 <i>black foal</i>
<i>Brown</i>	Позиция: #2582 Употреблений: 498949	Десятки тысяч результатов; больше всего сочетаний со словом <i>sugar</i> – 34764.	235 <i>brown horse</i> 37 <i>brown colt</i> 26 <i>brown mare</i> 15 <i>brown stallion</i> 8 <i>brown filly</i> 8 <i>brown foal</i>
<i>Gray</i>	Позиция: #2851 Употреблений: 435660	Десятки тысяч результатов; больше всего сочетаний со словом <i>color</i> – 21435.	175 <i>gray horse</i> 158 <i>gray mare</i> 27 <i>gray colt</i> 9 <i>gray filly</i> 7 <i>gray stallion</i> 0 <i>gray foal</i>
<i>Grey</i>	Позиция: #28124 Употреблений: 5559	Сотни результатов; больше всего сочетаний со словом <i>hair</i> – 448.	271 <i>grey mare</i> 246 <i>grey horse</i> 49 <i>grey stallion</i> 15 <i>grey colt</i> 12 <i>grey filly</i> 2 <i>grey foal</i>

Под точными сочетаниями подразумеваются результаты, предоставленные корпусом на конкретные запросы. Так, 2448 *black horse* означает, что в корпусе было найдено 2448 случаев употребления слов *black* и *horse* именно в таком порядке.

Группа 2

Цветообозначения, входящие в список из 60000 самых употребительных слов английского языка и используемые преимущественно в качестве названий мастей. Результаты исследования этой группы слов представлены в Таблице 2. Необходимо отметить, что в таблице приведены не все варианты сочетаемости рассматриваемых слов, а только те, которые соответствуют интересующим нас значениям слов. Так, например, *chestnut*, согласно данным корпуса, чаще всего сочетается с *tree*. Однако в приведенной ниже таблице это не указано, потому что нас интересует сочетаемость слова *chestnut* лишь в роли прилагательного, обозначающего цвет. Подобным же образом слово *buckskin* чаще всего сочетается с *shirt*, однако обозначает при этом не цвет, а материал, поэтому в таблицу данное сочетание не включается.

Таблица 2.

Название	Частотность	Сочетания	Точные сочетания	Комментарии
<i>Chestnut</i>	Позиция: #12519 35155	656 <i>horse</i> 640 <i>colour</i> 505 <i>hair</i> 423 <i>brown</i> 217 <i>leather</i> 188 <i>mare</i> 159 <i>shade</i> 121 <i>gelding</i> 96 <i>colt</i> 94 <i>coat</i>	493 <i>chestnut brown</i> (<i>hair, pigment, color, shade, finish, leather, eyes etc.</i>) 256 <i>chestnut hair</i> 159 <i>chestnut color</i> 143 <i>chestnut mare</i> 107 <i>chestnut horse</i> 90 <i>chestnut gelding</i> 90 <i>chestnut colt</i> 83 <i>chestnut colored</i> (<i>hair, leaves, belt, eyes, leather, feathers etc.</i>) 79 <i>chestnut leather</i> 72 <i>chestnut finish</i>	В списке сочетаний слова <i>chestnut</i> указывается 2539 сочетаний со словом <i>horse</i> , однако большую часть из них (1883) составляет словосочетание <i>horse chestnut</i> (конский каштан), в котором <i>chestnut</i> не является цветообозначением.
<i>Sorrel</i>	Позиция: #32973 Употреблений: 3566	84 <i>horse</i> 50 <i>mare</i> 21 <i>gelding</i> 16 <i>stallion</i> 11 <i>colt</i> 3 <i>mule</i>	54 <i>sorrel horse</i> 40 <i>sorrel mare</i> 16 <i>sorrel gelding</i> 10 <i>sorrel colt</i> 7 <i>sorrel stallion</i>	Большую часть результатов по этому запросу составляют употребления слова <i>sorrel</i> в значении «щавель». В качестве цветообозначения <i>sorrel</i> употребляется только для обозначения особенностей окраса различных животных (в основном, лошадей, однако, есть и примеры со словом <i>mule</i>).
<i>Flaxen</i>	Позиция: #55057 Употреблений: 541	176 <i>hair</i> 70 <i>mane</i> 64 <i>tail</i> 14 <i>curl</i> 11 <i>wig</i> 9 <i>shade</i> 6 <i>highlight</i> 5 <i>tresses</i> 4 <i>beard</i>	148 <i>flaxen hair</i> 62 <i>flaxen mane</i> 22 <i>flaxen locks</i> 16 <i>flaxen haired</i> (<i>girl, wife, hippie etc.</i>) 13 <i>flaxen chestnut</i> 11 <i>flaxen curls</i> 8 <i>flaxen head</i> 8 <i>flaxen wig</i> 8 <i>flaxen blonde</i> (<i>highlight, color, hair, locks etc.</i>) 7 <i>flaxen tresses</i> 6 <i>flaxen shades</i>	Употребляется в основном для обозначения цвета волос или шерсти.

<i>Bay</i>	Позиция: #19803 Употреблений: 13171	27 <i>gelding</i> 25 <i>mare</i>	317 <i>bay horse</i> 184 <i>bay mare</i> 169 <i>bay colt</i> 61 <i>bay filly</i> 59 <i>bay stallion</i> 4 <i>bay foal</i>	Здесь рассматривается сочетаемость слова <i>bay</i> в качестве прилагательного. Большую часть результатов по запросу « <i>bay</i> » составляют употребления в значении «бухта», «залив».
<i>Palomino</i>	Позиция: #41028 Употреблений: 1823	153 <i>horse</i> 51 <i>colour</i> 48 <i>mare</i> 40 <i>stallion</i> 34 <i>foal</i> 27 <i>rabbit</i> 27 <i>filly</i> 26 <i>gelding</i> 24 <i>colt</i> 24 <i>palomino gold (colour)</i> 17 <i>pony</i> 14 <i>coat</i>	64 <i>palomino horse</i> 30 <i>palomino mare</i> 23 <i>palomino stallion</i> 22 <i>palomino filly</i> 20 <i>palomino colt</i> 18 <i>palomino gelding</i> 13 <i>palomino gold</i> 11 <i>palomino color</i> 10 <i>palomino rabbit</i> 10 <i>palomino pony</i>	В словосочетании <i>palomino rabbit</i> слово <i>palomino</i> используется в качестве обозначения породы, а не цвета.
<i>Buckskin</i>	Позиция: #37959 Употреблений: 2322	69 <i>horse</i> 43 <i>colour</i> 26 <i>mare</i> 16 <i>colt</i> 15 <i>gelding</i> 14 <i>foal</i> 14 <i>stallion</i>	33 <i>buckskin horse</i> 18 <i>buckskin color (pants, jacket, leather, shirt etc.)</i> 15 <i>buckskin mare</i> 10 <i>buckskin gelding</i> 8 <i>buckskin colt</i> 8 <i>buckskin colored (fabric, spider, truck, pants etc.)</i> 7 <i>buckskin filly</i> 6 <i>buckskin stallion</i> 6 <i>buckskin coat</i>	Употребляется для обозначения цвета различных объектов, в основном типов одежды.
<i>Dun</i>	Позиция: #17707 Употреблений: 16983	73 <i>horse</i> 21 <i>mare</i> 11 <i>foal</i> 10 <i>gelding</i>	23 <i>dun color (horse, pony, hide, coffee, thread etc.)</i> 19 <i>dun colored (suit, wall, cow, landscape, feather, face etc.)</i> 9 <i>dun cow</i>	Употребляется для обозначения цвета различных объектов.
<i>Roan</i>	Позиция: #43551 Употреблений: 43551	80 <i>horse</i> 36 <i>mare</i> 22 <i>stallion</i> 21 <i>gelding</i> 13 <i>colt</i>	105 <i>roan antelope</i> 43 <i>roan horse</i> 29 <i>roan leather</i> 20 <i>roan mare</i> 19 <i>roan stallion</i>	Употребляется только для обозначения особенностей окраса различных животных.

		11 <i>filly</i>	16 <i>roan gelding</i> 9 <i>roan color (horse, cattle)</i> 9 <i>roan colt</i> 9 <i>roan coat</i> 8 <i>roan bull</i> 7 <i>roan filly</i> 6 <i>roan cocker spaniel</i>	
<i>Piebald</i>	Позиция: #49646 Употреблений: 916	52 <i>horse</i> 33 <i>pattern</i> 29 <i>color</i> 21 <i>coat</i> 20 <i>mare</i> 17 <i>pony</i> 14 <i>gelding</i> 13 <i>patch</i> 9 <i>sheep</i> 8 <i>cat</i> 8 <i>dog</i> 7 <i>animal</i> 7 <i>python</i> 7 <i>cow</i> 7 <i>dolphin</i> 7 <i>deer</i> 6 <i>filly</i>	22 <i>piebald horse</i> 18 <i>piebald mare</i> 15 <i>piebald spotting</i> 11 <i>piebald pony</i> 10 <i>piebald pattern</i> 7 <i>piebald filly</i> 7 <i>piebald sheep</i> 6 <i>piebald gelding</i> 6 <i>piebald deer</i> 6 <i>piebald dolphin</i> 5 <i>piebald markings</i>	Употребляется только для обозначения особенностей окраса различных животных.

На основе данных, предоставленных корпусом, можно сделать вывод, что названия *chestnut, flaxen, buckskin, dun* употребляются для обозначения цвета различных объектов – таких, как волосы, кожа и т.д. Названия *sorrel, roan, piebald* могут обозначать цвет различных животных, например, овец, коров, мулов и т.д. По контрасту, названия *bay, palomino* используются только для обозначения масти лошади.

Группа 3

Сложные прилагательные, не входящие в список из 60000 самых употребительных слов английского языка и используемые для обозначения не только мастей лошадей, но и цвета самых разнообразных объектов. При исследовании данной группы названий, в отличие от предыдущих, не рассматривалась сочетания со словами наподобие *horse, stallion, mare* и т.д. Количество результатов по запросу словосочетаний Группы 3 в корпусе не превышает 200 (за некоторыми исключениями), что позволяет провести ручную обработку данных, но делает непродуктивным анализ с точки зрения количества употреблений того или иного названия со словами, имеющими отношение к лошадям. Так,

например, цветообозначение *red chestnut*, по данным корпуса, было употреблено со словом *horse* только один раз, а *cherry chestnut* вообще не употреблялось в качестве обозначения цвета лошади. В Таблице 3 представлены сочетания исследуемых названий со словами, не относящимися к лошадям.

Таблица 3.

Название	Количество употреблений	Сочетания (слова, относящиеся к лошадям, в этот список не включены)
<i>Red chestnut</i>	44	<i>Color, dog, leather, mouth</i>
<i>Cherry chestnut</i>	4	<i>Ale, boots</i>
<i>Light chestnut</i>	63	<i>Beer, body (cat), boots, eyes, flanks (pheasant), hair, hen, leather, patch (langur), shade (dog), shoes, tofu, wood, whiskey</i>
<i>Golden chestnut</i>	19	<i>Dough, finish, golden chestnut (bunny), leather, shade (hair), wine</i>
<i>Fading black</i>	29	<i>Boots, cover (book), denim, eyes, polish</i>
<i>Raven black</i>	345	<i>Dress, feathers, hair, ink, leather, night, paint</i>
<i>Black and tan</i>	2180	<i>Dog, beer, feathers, fur, interior, leather, sand, shade, shoes</i>
<i>Jet black</i>	6263	<i>Cat, color, eyes, feathers (ostrich), finish, fur (bear, rabbit), hair, ink, leather, paint, sand</i>
<i>Black roan</i>	10	<i>Binding, cat, dog</i>
<i>Blue roan</i>	100	<i>Cattle, dog</i>
<i>Bay roan</i>	40	<i>Dog</i>
<i>Chestnut roan</i>	6	<i>Dog</i>
<i>Rose grey</i>	17	<i>Alpaca, color (paint)</i>
<i>Seal brown</i>	133	<i>Color, duck, dye, jacket, leather, sheepskin, cat, skunk</i>
<i>Red dun</i>	29	<i>Cow, mule</i>
<i>Dark chestnut</i>	168	<i>Beans, button, date honey (sauce), finish, fur (saola), hair, leather, mammoth, wooden frame</i>
<i>Smoky black</i>	194	<i>(Polluted) water, back (geese), background, calyxes, canvas, cat, color, eyelashes, eyes, eyeshadow, fin (fish), finish, galls (on twigs), gem, glass, hue, leather, lenses, paint, shirt, soil, sole, windows, wings (wasp, butterfly), wooden frame</i>
<i>Iron grey</i>	76	<i>Eyeshade, fabric, hair, dog, neck (woodpecker), sky, trunk</i>
<i>Gold champagne</i>	49	<i>Crest (on a bottle), sheen (eyeshade), highlighter, sparkle (eyeshade), color, shimmer, glass, satin, ink</i>
<i>Steel grey</i>	610	<i>Cloth, eyes, finish, fur, hair, hull (of the ship), paint, sky, water</i>

Группа 4

Сложные прилагательные, не входящие в список из 60000 самых употребительных слов английского языка и используемые для обозначения мастей лошадей. Примеров, в

которых рассматриваемые слова обозначали цвет других объектов, в корпусе найдено не было. В эту группу входят:

Chestnut horse colour: *liver chestnut, black chestnut, blond chestnut.*

Bay horse colour: *red bay, blood bay, mahogany bay, dark bay, black bay, seal bay, wild bay.*

Buckskin horse colour: *buttermilk buckskin, golden buckskin.*

Palomino horse colour: *cremello, smoky cream, perlino, chocolate palomino.*

Dun horse colour: *bay dun, yellow dun, classic dun, zebra dun, buttermilk dun, black dun, blue dun, grulla, grullo, silver dun, claybank dun, bronze dun, mouse dun.*

Прочие названия: *amber champagne, sable champagne, non-fading black, strawberry roan, red roan, dapple grey, fleabitten.*

Группа 5

Сложные прилагательные, поиск которых в корпусе не дал результатов. В эту группу входят:

Bay horse colour: *copper bay, cherry bay, gold bay.*

Palomino horse colour: *golden palomino, caramel palomino, isabella palomino, smoky perlino.*

Buckskin horse colour: *cream buckskin, bronze buckskin.*

Dun horse colour: *silver grullo, slate grullo, slate dun, coyote dun, chestnut dun, light red dun, peach dun, apricot dun, copper dun, liver dun, muddy grulla, wolf dun, olive grulla, dove grulla, lobo dun.*

Прочие названия: *copper-nosed brown, classic champagne, mulberry grey, honey chestnut, lilac roan, honey roan.*

Необходимо обратить внимание на тот факт, что отсутствие данных названий мастей в корпусе не означает, что они не употребляются в языке. Однако, исходя из объема корпуса, можно сделать вывод об относительной редкости употребления данных названий.

Таким образом, основываясь на данных авторской картотеки названий мастей лошадей на английском языке, а также информацией, предоставленной корпусом английского языка iWeb, можно сделать следующие выводы:

ЛСГ *horse colour* отличается комплементарным типом организации – в ней нет базового слова. Название ЛСГ – *horse colour* – не является членом группы. Это описательное выражение категориально-лексического признака группы.

Названия мастей лошади в английском языке включают простые и сложные прилагательные, причем последние в большинстве случаев являются производными от простых прилагательных и используются для обозначения разновидностей масти, которые можно обозначить более общим термином – простым прилагательным (так, например, разновидности *light bay*, *dark bay*, *sandy bay* и т.д. можно назвать просто *bay*).

Лексико-семантические подгруппы внутри рассматриваемой ЛСГ можно выделять на разных основаниях. Так, некоторые названия могут включаться в разные подгруппы в зависимости от того, на каком основании производится классификация. Например, название *chestnut dun* можно отнести и к подгруппе *dun horse colour*, и к подгруппе *chestnut horse colour*.

Названия, составляющие ЛСГ *horse colour*, можно разделить на две основные категории: 1) простые прилагательные, отличающиеся распространенностью и широкой сочетаемостью, используемые для обозначения цвета совершенно разных объектов, включая масти лошадей (группы 1 и 2); 2) сложные прилагательные, отличающиеся гораздо меньшей распространенностью и более узкой сочетаемостью (группы 3, 4 и 5).

Результаты, представленные в этой статье, не являются исчерпывающими и окончательными. В то время как сбор информации по группам 1 и 2 представляется законченным, данные по группам 3, 4 и 5 требуют дальнейшего уточнения. Разумеется, исследование не ограничивается только сбором информации, и анализ данных по всем выделенным группам далеко не закончен. В дальнейшем планируется провести сопоставление ЛСГ *horse colour* с ЛСГ *масть лошади* для определения национальной специфики данных лексико-семантических групп, которая проявляется в количестве единиц ЛСГ, степени их эквивалентности, количестве подгрупп и других параметрах.

Библиографический список:

1. Барышев Н.В. Национальная специфика лексико-семантических полей «Средства передвижения» в русском и английском языках: дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Барышев Николай Витальевич. Воронеж, 1999. 161 с.
2. Вендина Т. И. Введение в языкознание: Учеб. пособие для педагогических вузов. М.: Выш. шк., 2002. 288 с.
3. Дудункова А.М. Зоонимы и фитонимы в «Онежских былинах, записанных А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года»: дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Дундукова Ангелина Михайловна. Вологда, 2016. 233 с.
4. Калинычева Е.В. Структурно-семантические характеристики лексико-семантической группы современных английских глаголов «свечения»: дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Калинычева Елена Валерьевна. Москва, 2002. 175 с.

5. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 216 с.
6. Рублева О.Л. Лексикология современного русского языка. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. 250 с.
7. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов / Рублева О. Л. Лексикология современного русского языка. Приложение 1. Хрестоматия. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. С. 223-230.
8. Bailey E., Brooks S.A. Horse genetics. 2nd edition. CABI, 2013. 272 p.
9. Cream dilution coat color test // Equine parentage and animal genetic services centre. Massey University. – 2 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.manu-ao.ac.nz/massey/fms/Colleges/College%20of%20Sciences/IVABS/EPAGSC/creamdilution.pdf> (Access: 15.11.2018).
10. iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus [Electronic resource]. URL: <https://corpus.byu.edu/iweb/> (26.10.2018).
11. Streett-Joslin A. Horse color genetics: the cream gene // Certified Horsemanship Association – 1 p. [Electronic resource]. URL: http://cha-hse.org/store/pages/251/Horse_Color_Genetics%3A_The_Cream_Gene.html (Access: 26.10.18).

Mironov M.V. Structure of the lexico-semantic group *horse color* in English and compatibility of its elements

This article describes structure and composition of the lexico-semantic group *horse color* in the English language, as well as the compatibility and frequency of its elements based on the data provided by iWeb English corpus. The members of a lexico-semantic groups can be classified on completely different grounds. Thus, in the first part of this article, horse colour names are classified according to the hierarchical structure of the lexico-semantic group. Some words designate the main colours, and others designate the subtypes of these colours. The second part of the article divides horse colour names into five groups based on their compatibility and frequency.

Keywords: the English language, lexico-semantic group, horse colour, compatibility, frequency

УДК 81.373.421

В. В. Морозов

Сопоставительный анализ слов, обозначающих концепт «цель»

Аннотация:

В статье сопоставляются интерлингвистические (иноязычные) синонимы русского существительного *цель* в английском и немецком языках. Привлекаются синонимы из некоторых других языков: белорусского, польского, словацкого. Анализируется семантика, морфология и этимология. Практическая направленность и новизна исследования – дополнение и уточнение лексикографических сведений об иноязычных синонимах слова *цель* для использования их в преподавании сопоставляемых языков.

Ключевые слова: интерлингвистическая синонимия, сопоставительный анализ, цель, номинация, многозначность, метафорический перенос, английский язык, немецкий язык, русский язык, французский язык, значение, семантика, этимология, перевод, английский язык для научных целей

Об авторе: Морозов Владимир Витальевич, кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: v.v.morozov@inbox.ru

Название данной статьи предоставляет возможность начать ее с практического примера (case study), а именно с рассмотрения проблемы перевода на английский язык слова *цель* в названии данной статьи. Концепт «цель» является фундаментальным и универсальным человеческим концептом [1, с. 52; 2, с. 6], однако слова, обозначающие этот концепт в разных естественных языках, ведут себя по разному: имеют разный объем значений, коннотаций, сочетаемость и стилистическую окраску. Русско-английские словари предлагают от 8 до 25 и более вариантов перевода. Фоновые знания о полисемии, семантических связях с другими лексемами, стилистических характеристиках и сочетаемости перечисляемых в словарях частичных синонимов позволяют в данном случае сократить количество «кандидатов» до трех (aim, goal, purpose). Однако далее возникают затруднения. Обращение к объяснительным словарям синонимов и активаторам (например, к замечательному словарю-справочнику активного типа, разработанному Н.К. Рябцевой [4,

с. 107, 283, 424]), дает ценнейшую многоаспектную информацию, которой нет в толковых и двуязычных словарях, но все же не может дать полную картину из-за ограниченности объема словарных статей. Пояснения и советы информантов, являющихся носителями языка, заставляют признать, что выбор делается в условиях *La Condition Humaine*, т.е. “*We all know somehow that it is quite impossible to separate feeling from thinking or from willing*” [8, с. 14].

По этой причине возможно разное решение проблемы выбора «центрального» или «заглавного» синонима, гиперонима (слова с более широким значением) для обозначения всего домена «цель» в английском языке. В том числе и при использовании разных компьютерных программ извлечения гиперонимов, так как критерии их выбора разрабатываются и программируются человеком.

Основная задача данного исследования – попытаться определить критерии выбора и комбинаторики англоязычных синонимов русского слова «цель» для перевода на английский язык текстов научно-технического содержания. Ниже будут кратко рассмотрены интерлингвистические синонимы русского существительного *цель* и в других иностранных языках. Описание их семантики и сочетаемости проводится в сопоставлении с другими лексическими единицами близкой семантики, существующими в данных языках. Социолингвистические и культурологические аспекты сопоставления в данной статье не рассматриваются, так как эти комплексные проблемы заслуживают отдельного рассмотрения.

Актуальность исследования обусловлена дидактическими задачами преподавания ИЯСЦ (иностраннных языков для специальных целей). Основное внимание уделяется в первую очередь английскому языку. Так как английский язык относится к германской группе языков, а в его лексиконе преобладают лексемы романского происхождения (приблизительно 60%), возникает необходимость обращения к немецкому и французскому языкам с целью рассмотрения этимологии и семантико-прагматических характеристик сопоставляемых единиц.

Результаты сопоставления дополняют имеющиеся лексикографические описания интерлингвистических синонимов существительного *цель*, используемые в преподавании английского и немецкого языков для специальных целей (ИЯСЦ). Новизна исследования состоит в комплексном и взаимодополняющем применении семантического и этимологического подходов к сопоставительному описанию сочетаемостных ограничений данной группы синонимов в различных языках.

Как отмечается в этимологических словарях, слово исходной германской этимологии *цель* (от средневерхненемецкого *zil*, возможно родственного греческому *telos*) пришло в русский язык при посредстве словацкого *ciel'* или польского *cel* [17, с. 297; 16, Т. 2, с. 507]. Оно стало включаться в русские словари в XVIII веке, однако предполагается, что было заимствовано гораздо раньше [13]. Весьма вероятно, что первоначально это заимствованное слово использовалось только для обозначения объекта обстрела, так как наиболее часто транслитерируются именно технические термины, а затем (также как это, вероятно, ранее происходило в немецком и польском языках) у него появилось и переносное значение. Можно было бы привести огромное количество примеров такого пути развития семантики транслитерированных заимствований в новейшей истории русского языка, но в качестве иллюстрации достаточно одного:

trigger - 1. *элк.* триггер, пусковая схема; 2. *психол.* триггер, стимул, 3. *разг.* послужить триггером (вызвать).

В функции обозначения целенаправленности заимствование *цель* потеснило славянские слова, ранее используемые для обозначения «цели деятельности», такие как *замысел, умысел, промысел, промысл, задача, назначение, стремление, намерение* и другие. Со временем образовались сращения германского корня с русскоязычными морфемами (*целесообразность, целенаправленность, целеустремленность*), возник глагол *целить(ся)* и его дериваты, вытесняющие глагол *метить(ся)*.

В современном немецком языке существительное *das Ziel* среднего рода, может обозначать (а) материальный объект и (б) абстрактную цель:

(а) *das Ziel treffen* - попасть в цель;

(а) *das Ziel verfehlen* - не попасть в цель. Промахнуться;

(а)-(б) *sich ein Ziel stecken* - поставить перед собой цель, задаться целью;

(б) *zum Ziel streben* - стремиться к цели;

(б) *hohe Ziele verfolgen* - ставить перед собой (преследовать) высокие цели [10, с. 985].

Интересно отметить, что, хотя словацкое *ciel'* и польское *cel*, а также чешское *cíl*, существительные мужского рода, в русском языке это заимствованное слово приобрело морфологические характеристики женского рода.

Также интересно, что в литературном белорусском языке слово *цэль* обозначает только «цель стрельбы» (напр. *стральба па закрытых цэлях*), а «цель деятельности» обозначается словом *мэта* (иметь целью - *меть на мэце*; с целью - *з мэтай*).

ЦЭЛЬ - і, мн, -ей, ж. Прадмет, месца, куды накіроўваецца стрел, удар, кідок, мішэнь. Страляць у цэль. (Предмет, место, куда направляется выстрел, удар, бросок, мишень. Стрелять в цель) [15, с. 736].

МЭТА - ы, ДМ - мэце, мн. - ы, мэт - ж. Тое, да чаго імкнуцца, што трэба ажыццявіць. Ісці да заповітай мэты. З мэтай - для таго каб... прыметнік (прилагательное) - мэтавы, - ая, ае. (То, к чему стремятся, что необходимо, нужно осуществить. Идти к заветной цели. С целью - для того, чтобы...) [15, с. 353].

Такое сохранившееся до настоящего времени «разделение труда» (*цэль* – «цель стрельбы», *мэта* – «цель деятельности») является еще одним примером первоочередного заимствования слова в его прямом, неметафорическом значении. В белорусском литературном языке данное заимствованное слово пока не получило переносного значения и не вытеснило славянские слова, используемые для обозначения «цели деятельности».

В современном русском языке существительное *цель* характеризуется очень высокой частотностью употребления именно в «переносном» значении, особенно в научно-технической литературе. Однако важно отметить, что в предлагаемых русско-немецкими словарями переводах именно этого (абстрактного) значения русского слова *цель* на немецкий очень часто используется существительное *der Zweck*:

с какой целью - zu welchem Zweck;

в мирных целях - für friedliche Zwecke [9, с. 681].

Существует следующая версия этимологии существительного *Zweck*. Первоначально оно обозначало *гвоздь* или *шпильку*. При тренировочной стрельбе мишень иногда прикрепляли к шесту или стволу дерева гвоздиком, вбиваемым в центр мишени. Постепенно произошел метонимический перенос, и это слово стало обозначать центр мишени. Затем произошел метафорический перенос, и возникло переносное значение – цель любого действия.

В соответствующей статье Большого русско-немецкого словаря [9, с. 653] выделены три подраздела:

Zweck

1. цель; надобность; назначение;
2. *разговорн.* смысл;
3. *диалект.* центр мишени.

При этом слово *смысл* представляется стилистически маркированным (разговорным) синонимом слов *цель, необходимость, назначение*, который может использоваться в таких высказываниях, как: *Какой смысл делать это?*

В этом же словаре для этимологически родственного слова *die Zwecke* даются два перевода «1. гвоздик; 2. канцелярская кнопка». Кроме того, в словарь включен диалектный вариант *der Zweck* [9, с. 653], имеющий только значение «гвоздик». В более позднем издании Большого русско-немецкого словаря [10, с. 1000] приводится только одно значение *die Zwecke* - «канцелярская кнопка» и не упоминается диалектальный вариант *der Zweck* «гвоздик». В словарной статье *der Zweck* [БНРС 2000: 1000] не приводится значение «диалект. центр мишени».

Данные словарей и анализ примеров из речи свидетельствуют, что несмотря на указанную выше этимологию, в современном литературном немецком языке слово *der Zweck* не используется для обозначения «цели для стрельбы». Анализ примеров высказываний о целях иных видов деятельности позволяет во многих случаях (но не всегда) увидеть контекстуальные требования употребления слов *der Zweck* или *das Ziel* и семантические основания ограничений их сочетаемости. Так, сложные существительные (1) *das Reiseziel* и (2) *der Reisezweck*, хотя и могут переводиться на русский одним словосочетанием *цель путешествия/поездки*, имеют в немецком языке различные значения. Первое означает «пункт назначения», а второе «задачу, миссию». Примеры:

(1) Das liebste Reiseziel der Deutschen.

(2) Je nach Reisezweck und Kategorie des Visums werden gegebenenfalls nachstehenden Angaben angetrage...

Сопоставление переводов этих слов на английский и французский представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Немецкий	Английский	Французский	Русский
<i>das Reiseziel</i>	Destination	destination	цель путешествия
<i>der Reisezweck</i>	purpose of the trip	l'objet de voyage	цель поездки

Немецкое слово *das Ziel* чаще используется при обозначении «материальных» целей в пространстве. В словосочетаниях, даже при обозначении абстрактных целей, оно тяготеет к пространственным метафорам с глаголами движения и прилагательным, обозначающими пространственную ориентацию:

auf ein Ziel lossteuern - идти (направляться) к цели;

hohe Ziele verfolgen - преследовать (гнаться за) высокие цели;

sich ein Ziel stecken - поставить перед собой цель.

То же самое можно сказать о сочетаемости русского слова *цель*: цели *ставятся*, *преследуются*, *достигаются*. К цели можно *приближаться*, от нее можно отклоняться. Цели могут быть *высокими*, *низкими*, *широкими*, *далекими* и *ближайшими*. При этом еще раз отметим, что русское слово *цель*, так же как и немецкое *das Ziel*, может обозначать как материальные, так и абстрактные цели.

Возвращаясь к английскому языку, повторим, что некоторые современные русско-английские словари предлагают более 25 вариантов перевода слова *цель*. Современные словари английских синонимов приводят еще большее количество слов близкой семантики.

Рассмотрим следующие варианты перевода слова *цель*, находящиеся в центре семантического домена «цель»:

цель - 1. aim, goal, object, end, purpose; *воен.* objective;

2. (*мишень*) target, mark [12, с. 694].

Для более полного представления о различиях между этими синонимами и правильного их использования необходимо обратиться к словарям синонимов активного типа. При обращении к переводам каждого из этих слов на русский язык, которые предлагаются в качестве прототипических в англо-русских словарях, необходимо учитывать, что предлагаемые варианты зависят не только от различных значений переводимых слов, но и в большой степени от комбинаторных особенностей слов языка перевода.

Основными вариантами, предлагаемыми для перевода английского слова *aim* являются: *цель*, *намерение*; *стремление*, *замысел*.

В этимологическом словаре [20, с. 137] предполагается, что слово *aim* имеет общую этимологию со словами *esteem* и *estimate*, так как оба происходят от латинского *aestimare* (оценивать). В английском языке эти слова появились при посредстве французского в период норманского завоевания.

Это английское слово может сочетаться с качественными прилагательными, дающими положительную или отрицательную оценку: *noble*, *ambitious*, *sinister*, *sordid*. Сочетается со следующими глаголами:

to gain/attain/achieve/fulfill one's aim - достичь цели, осуществить замысел;

to serve the aim of ... - служить цели;

to answer the aim - (арх.) соответствовать;

to pursue one's aim - преследовать цель;

to miss one's aim - промахнуться, не попасть в цель;

to take aim at something/somebody – прицеливаться.

Сочетание существительного *aim* с глаголом *reach*, допустимое с существительным *goal*, в современной учебной и справочной литературе почти не встречается. Более того, в некоторых пособиях, авторами которых являются носители английского языка, сочетание **to reach one's aim* цитируется в качестве типичной ошибки носителей других языков (немецкого, русского), говорящих по-английски:

Even as a boy Rob wanted to be a millionaire and by the age of 25 he had **reached* (правильнее *achieved*) his aim [24].

Однако необходимо отметить, что результаты поиска в Интернете методом сплошной выборки показывают, что словосочетания *to reach one's/the aim* все же изредка встречаются в научной литературе XIX века и гораздо реже XX века. Рассмотрим пример, найденный в книге известного английского историка Ричарда Джона Грина (1837-1883) "A History of the English People" (1880):

Cromwell had at last **reached his aim**. England lay panic stricken at the feet of the "low born knave, as the nobles called him ...

Пример из книги Джеймса Аткинсона "The Mystical in Wittgenstein's Early Writings", написанной и опубликованной уже в XXI веке (2009):

According to Wittgenstein, the means to solving the problems of philosophy is through drawing limits to the expression of thought. Having **reached the aim** of drawing limits to the expressions of thought, what remains?

Строго говоря, это предложение не является хорошим образцом для подражания с точки зрения нормативных требований современного английского языка, так как в нем используется «подвешенный (дее)причастный оборот» *having reached*, у которого в данном предложении нет существительного, с которым по логике оно должно ассоциироваться. В английском языке существуют четыре синонимических выражения для обозначения такой часто встречающейся стилистической ошибки: *dangling / unattached / wrongly attached / misrelated participle*. Примером аналогичного нарушения литературной нормы в русском языке является знаменитое «Подъезжая к сией станции... у меня слетела шляпа» (А.П. Чехов, «Жалобная книга»). В русском языке обозначаемое деепричастием действие должно относиться к подлежащему. Похожее стилистическое требование существует и в английском литературном языке. В текстах русских и английских писателей-классиков

отступления от данного требования литературной нормы классифицируются либо как галлицизмы (обороты, возникшие под влиянием французского языка, в котором такие конструкции не считаются неправильными), либо как отражение неправильностей народной речи для характеристики персонажей.

Анализ примеров высказываний со словом *aim* из Кембриджского корпуса, а также примеров, выбранных из текстов на научно-технические темы и представленных в учебном пособии «Английский язык для научных целей» [3, с. 28-33], позволяет сделать некоторые обобщения о его сочетаемости с прилагательными и существительными в атрибутивной функции или в качестве именной части сказуемого. Эти обобщения для большей наглядности представим в форме таблицы:

Таблица 2.

Сочетаемость слова *aim* с определением и именной частью сказуемого.

Что определяется	определение
хронологическая характеристика	initial, immediate, eventual, ultimate, short term, long term, constant, final
приоритетность и важность	basic, key, chief, primary, secondary, central, main, major, fundamental, overriding, principal, strategic, essential, dominant
количественная характеристика	sole, single, only, double, twofold
диапазон	long-range, underlying, broad, overall, overarching, specific, general, common, shared, subjective
реалистичность и приемлемость	reasonable, realistic, unrealistic, legitimate, desired, desirable, practical, ideal
желательность и этическая оценка	ambitious, grand, modest, lofty, higher, highest, supreme, noble, morally worthy, moral, worthwhile, laudable
эксплицитность и декларируемость	explicit, declared, stated, avowed, apparent, obvious, real, true
ясность и осознанность	clear, definite, deliberate, conscious
сфера деятельности	career, educational, theoretical, conservation, therapeutic и т.п.

Существительное *aim* может определяться притяжательными местоимениями (my, your, its ...) и сочетается (преимущественно) с одушевленными существительными в притяжательном падеже (N's) или в конструкции с предлогом of (of-phrase):

My initial aim was to bring together whatever results I could find that supported an experimentalist view of mind [7, с. 587].

My aim, if you like, was to provide a 'grammar' of English behaviour [26, с. 2].

The aim of this investigation/research/book/article/series is ... [3, с. 28-32].

В функции определения к данному слову обычно используются лишь те неодушевленные существительные, которые обозначают целенаправленную деятельность людей и некоторые виды ее результатов (статьи, книги и т.п.).

Рассмотрим основные варианты, предлагаемые в словарях для перевода английского слова **goal**:

- 1.1) цель, задача; 2) цель, место назначения;
2. *спорт.* 1) ворота; 2) финиш;
3. *спорт.* 1) гол; 2) попадание мяча в корзину (*баскетбол*);
4. мета (*в Древнем Риме*).

Согласно этимологическому словарю [20, с. 137], исходным значением слова *goal* является «шест, жердь, прут», и оно имеет этимологически-родственные слова в древнегерманских языках.

Результаты анализа примеров высказываний со словом *goal* из Кембриджского корпуса, из работы [3, с. 28-32] и примеров, собранных методом сплошной выборки из интернета, в основном повторяют тенденции, описанные в Таблице 2 для слова *aim*.

В позиции дополнения существительное *goal* сочетается с глаголами *achieve*, *reach*, *attain*:

- to achieve our broad goal [22];
- for reaching the common goal [22];
- to attain the millennium goal [22];
- to fulfill a goal [2, с. 87].

В представленных в корпусе примерах, а также в примерах, выбранных из текстов на научно-технические темы и представленных в [3, с. 28-33], преобладают предложения, в которых «носители цели» указаны притяжательными местоимениями (*my*, *your*, *his*, *her*, *our*, *their*, исключительно редко *its*). В подавляющем большинстве контекстов «носители цели» указаны существительными, обозначающими отдельных людей или их объединения, коллективы, организации, а также мероприятия, кампании, научные направления, миссии, общественные институты:

- Protecting patients from harm appears to be a reasonable **goal of palliative care** [22].
- ... will be a fundamental **goal of future missions** [22].

A central **goal of cognitive science** is to discover what reason is like and, correspondingly, what categories are like [7, с. 10].

Another **goal of this case** study is to take a problem area in English grammar and provide for it an account ...[7, с. 488].

Successful marriages are those where the **goals of the spouses** are fulfilled [7, с. 87].

Рассмотрим основные варианты, предлагаемые в словарях для перевода английского слова **purpose**:

1. цель, намерение, замысел;
2. результат, успех;
3. 1) целеустремленность, целенаправленность;
2) воля, решительность.

В этимологическом словаре [20, с. 366] слово *purpose*, которое впервые встречается в английских текстах XIV века, рассматривается как заимствование из французского (ср. О.Ф. *pourpos* - цель) в разделе *POSITION*, куда включены слова, этимологически родственные латинским словам *positio* (a place), *ponere* (to put):

purpose - intention (F.=L.) М.Е. *purpos* О.Ф. *pourpos*, a varian of *propas*, a *purpose* = L. *propositum*, a thing proposed, neut. of p.p. of *pro-ponere*

Необходимо отметить, что существительное *purpose* используется в научно-технических текстах и в обыденном языке чаще, чем другие синонимы. Его комбинаторика шире. Существует большое количество устойчивых выражений с этим словом: *for medicinal purposes*, *for all practical purposes* (по существу, практически, фактически), *for the purpose of ...* (с целью ...), *for a purpose* (с благими намерениями, из добрых побуждений), *defeat the purpose of ...* (противоречить цели ...), *beat the purpose* (мешать достижению цели), *on purpose* (намеренно), *a sense of purpose* (целеустремленность) и др.

В функции дополнения существительное *purpose* сочетается не только с глаголами *accomplish*, *achieve*, *fulfill*, но и с глаголами *answer*, *suit* и *serve*, с которыми существительные *aim* и *goal* встречаются гораздо реже:

Counter-examples do not serve any other purpose than voiding the opponent's hypothesis [4, с. 424].

Необходимо отметить, что поиск в Интернете позволил найти лишь единичные примеры сочетаемости с глаголом *reach*, в основном в художественной прозе американских авторов.

Результаты анализа примеров высказываний со словом *purpose* [3, с. 28-32] и примеров, собранных методом сплошной выборки из Интернета, в основном повторяют тенденции сочетаемости с прилагательными, описные в Таблице 2 для слова *aim*.

Важнейшим отличием слова *purpose* от других синонимов является то, что оно свободно сочетается с определением, выраженным любыми неодушевленными существительными, обозначающими не только процесс или результат целенаправленной созидательной (реже разрушительной) деятельности людей, но и материальный продукт: *the purpose of an automobile, a budget, the preamble to the constitution, the office of the president, education, war, a weapon* и т.д. Таким образом, при сочетаемости слова *purpose* с неодушевленными существительными не действуют ограничения, ранее отмеченные для двух других рассматриваемых нами синонимов, которые сочетаются с гораздо меньшим числом неодушевленных существительных. В большинстве таких сочетаний слово *purpose* будет переводиться как *назначение, предназначение*.

Важнейшим доводом для выбора слова *purpose* для перевода названия данной статьи на английский язык является то, что в английских текстах на лингвистические и педагогические темы в аналогичных или близких контекстах используется именно это слово: *a purpose clause, a clause of purpose, English for specific / academic / scientific / teaching purposes*. Собственно говоря, можно было бы решить данную практическую задачу, сразу же обратившись к таким примерам без обсуждения других синонимов. Так обычно и делают переводчики, если в словарях нет достаточно детального описания контекстов употребления слова или примеров его использования. Однако для более полного представления об общем и специфическом в значении и функционировании интересующих нас слов требуется их сопоставление.

На данном этапе изучения английских синонимов слова *цель* в различных контекстах можно сделать следующие выводы. Слово *purpose* является наиболее универсальным по своим комбинаторным характеристикам. Оно может относиться как к глобальным, крупномасштабным, важнейшим, фундаментальным, конечным целям, так и к менее значительным, промежуточным целям. Ср. *the purpose of life, God's purpose, the main purpose in life*, с одной стороны, и *for the purpose of choosing between two possible responses, for the purpose of solving this minor theoretical task, for the purpose of accuracy*, с другой стороны. «Носителями цели», обозначенной словом *purpose*, могут быть люди, божественные сущности, а также процессы и продукты целенаправленной человеческой деятельности. «Носителями цели», обозначенной словами *aim* и *goal*, также могут быть люди, божества, процессы, но лишь ограниченное число продуктов целенаправленной деятельности (преимущественно тексты и их части). Обычно слово *purpose* обозначает то, для чего продукт (в т.ч. организация, учреждение, должность) создан (*the purpose of the president's*

office = с какой целью, для чего создана должность президента), в то время как слова *goal* и *aim* указывают намерения «носителя цели». В выражении *the aim of the President's office* речь идет о намерениях руководства государства Эритрея, резиденцией которого является дворец Президентский оффис в Асмэре (Asmara President's Office). В таких случаях проявляется важная смысловоразличительная функция синонимов.

Как показывает проведенный анализ, незначительная разница между словами *goal* и *aim* состоит в том, что первое акцентирует важность цели для ее носителя. Слово *goal* чаще встречается в официальных и эмоциональных контекстах – в речах, произносимых на торжественных церемониях вступления в должность, вручения премий, открытия памятников и т.п.

Хорошей иллюстрацией разделения труда и дистрибуции рассматриваемых нами синонимов в обыденном контексте является следующий пример [27]:

The **goal** of my life is to be rich. The **purpose** of me trying so hard to be rich is to provide my family a better living. The main **objective** to be completed for me now in order to achieve the goal of my life is to complete my study and equip myself with sufficient knowledge.

Слово *objective* обычно обозначает наиболее конкретные и реальные цели, достижимые в поставленные сроки.

В завершение статьи обозначим основные практические рекомендации по использованию английских синонимов слова *цель* в научном тексте. *Goal* лучше использовать только в том разделе текста или в тех предложениях, где говорится о главной цели исследования, но там же можно использовать и слово *aim*. В начале подразделов статьи или глав монографии лучше использовать слова *aim* или *purpose*. В предложениях, в которых говорится о наименее важных этапах работы, лучше использовать слово *purpose*. Сочетаемость слова *purpose* является наименее ограниченной. Для подробного описания синтаксической дистрибуции рассматриваемых синонимов, которая также важна для правильного их использования, требуется отдельное исследование.

Библиографический список:

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянских культур, 2001.
3. Морозов В.В. Английский язык для научных целей. Дубна: Междунар. ун-т природы, о-ва и человека «Дубна», 2011.

4. Рябцева Н.К. Научная речь на английском языке. Руководство по научному изложению. М.: Флинта-Наука, 1999.
5. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder, 2005.
6. Goddard C., Wierzbicka A. Semantic and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings. Amsterdam, John Benjamins, 1994.
7. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Univ. of Chicago Press, 1987.
8. Shands H.C. Language: Medium or Operator? // Language Sciences. 1970. № 11. Pp.11-14.

Словари:

9. (БНРС 1969) Большой немецко-русский словарь: В 2-х т. / Под руководством О.И. Москальской. М.: Советская энциклопедия, 1969.
10. (БНРС 2000) Большой немецко-русский словарь. М.: Русский язык, 2000.
11. (БРНС 2002) Большой русско-немецкий словарь. Под редакцией К. Лейна. М.: Русский язык, 2002.
12. (РАС 1981) Русско-английский словарь / Под редакцией О.С. Ахмановой. М.: Русский язык, 1981.
13. (СЭСРЯ) Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003
14. (РБС 1982) Русско-белорусский словарь. В 2-х т. 2-е изд., доперераб. Мн.: Беллорус. Сов. Энциклопедия, 1982. Т. 2.
15. (ТСБЛМ 2002) Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р. Суднікі, М.Н. Крыўко. 3-е выд. Мн.: БелЭн., 2002.
16. (ШЭССРЯ) Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Флинта; Наука, 2010.
17. (ФЭСРЯ) Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Астрель, 2003. Т. 4.
18. (ЧИЭСРЯ) Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык-Медиа, 2006.
19. (ЭСНЯ) An Etymological Dictionary of the German Language. [Electronic resource]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/An_Etymological_Dictionary_of_the_German_Language (Access: 20.10.2018).
20. (СКЭСАЯ) Skeat W.W. The Concise Dictionary of English Etymology. Wordsworth Editions Ltd., 1993.
21. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british> (Access: 20.10.2018).

Источники примеров:

22. Cambridge Corpus [Electronic resource]. URL: <https://www.cambridge.org/gb/cambridgeenglish/better-learning/deeper-insights/linguistics-pedagogy/cambridge-english-corpus> (Access: 20.10.2018).
23. Interesting Things for ESL Students [Electronic resource]. URL: www.manythings.org (Access: 20.10.2018).
24. Geoff Parkers. The mistakes clinic for German-speaking learners of English: error correction exercises and detailed error analysis. [Electronic resource]. URL: https://www.card2brain.ch/box/mistakes_clinic&max (Access: 02.11.2018).
25. Reverso Context [Electronic resource]. URL: <https://context.reverso.net/перевод/английский-русский> (Access: 02.11.2018).
26. Fox J. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder, 2004.

27. What's the difference between goal, purpose and objective? [Electronic resource]. URL: <https://www.quora.com/What's-the-difference-between-goal-purpose-and-objective> (Access: 26.10.18).

Morozov V.V. Comparative analysis of interlinguistic synonyms for the concept of “purpose”

The research compares interlinguistic synonyms of the Russian noun *цель* in English and German. Synonyms from some other languages (Byelorussian, Polish, Slovak) are compared and contrasted. Incentives for this research are demands for more detailed descriptions and usage recommendations of the English synonyms of the Russian word *цель*.

Keywords: interlinguistic synonymy, comparative analysis, aim, goal, objective, purpose, linguistic nomination, polysemy, metaphorical transfer, English, French, German, Russian, meaning, semantics, etymology, translation, English for Scientific Purposes

УДК 811.111

Е. С. Ткаченко, Л. А. Харевич

Использование косвенных вопросительных предложений в английском языке

Аннотация:

Статья посвящена актуальному использованию косвенных вопросительных предложений в английском языке. Цель статьи – выявить основные синтаксические модели и их конвенционализированные значения, которые используются для передачи говорящим разнообразных намерений, отличных от запроса информации.

Ключевые слова: косвенные вопросительные предложения, риторический вопрос, имплицитное значение, малый синтаксис

Об авторах: Ткаченко Евгения Сергеевна, Государственный университет «Дубна», старший преподаватель кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: ev.prikhodko@gmail.com

Харевич Людмила Александровна, Государственный университет «Дубна», старший преподаватель кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: liudmila_kharevich@mail.ru

Настоящая статья посвящена современному использованию косвенных вопросительных предложений в английском языке. Тема является актуальной, так как в последние десятилетия прагматика высказывания находится под пристальным вниманием исследователей. Актуальность темы также подтверждается интернациональным использованием английского языка и, как следствие, необходимостью создания таких учебных пособий, которые бы способствовали подготовке обучаемых к ситуациям реального употребления языка. Крайне важно изучать не только лексические единицы, грамматические структуры и их значения внутри языковой системы, но и их употребление в социальных и прагматических контекстах, которые определяют их функционирование в речи.

Когда Остин [14] и Серль [17] предложили свою теорию речевых актов, они обратили отдельное внимание на так называемые косвенные речевые акты, где форма и содержание (намерение автора) не совпадали. Подобные высказывания, с одной стороны,

достаточно легко опознаются при коммуникации, так как ее основной принцип – быть понятым адресатом (принцип кооперации по Грайсу [5]), и через максимы количества, качества, отношения и способа при доступном контексте слушающий (если нет намеренного искажения со стороны говорящего) может вывести истинное значение любого высказывания. С другой стороны, этот процесс может быть затяжным по времени (выстраивание логических цепочек в сознании слушающего), что, естественно, влияет на качество коммуникации. Поэтому в языке и речи присутствует большое количество разнообразных синтаксических моделей (явлений как «большого», так и «малого» синтаксиса), за которыми закреплены эти цепочки, а значит, слушающий, услышав фразу, сразу «перескакивает» к выводу, что экономит время. И если носители языка впитывают данные модели вместе с лексическими единицами в процессе приобретения языка в раннем детстве, то обучающимся необходимо изучать как модели, так и их конвенционализированные значения.

Вопросительное предложение является одной из самых распространенных языковых структур. Оно обладает огромнейшим потенциалом для выражения различных речевых намерений помимо прототипического (выражения истинного вопроса, т.е. запроса информации у собеседника). Существует огромное количество работ, посвященных косвенным вопросительным предложениям, использующихся не для запроса информации, а для чего-либо другого. Предлагаются различные классификации, термины, критерии. И если некоторые ограничиваются разделением вопросительных предложений на вопросительные и псевдо-вопросительные (Распопов [9]), то другие предлагают довольно развернутые классификации (например, см. у Рестана [10]: чисто-информативные, риторические (констатация в форме вопроса), дубитативные (предположение противоположного), рефлексивные (внутренний диалог), презумптивные и т.д. Также развернутые классификации предлагаются в работах Чахояна [12], Байдиковой [1], Миликяна [8] и других. Некоторые авторы посвящают свои работы отдельным типам: Bublitz [15], Шатуновский [13], Скородумцева [11] и т.д.

Проанализировав более 40 работ, посвященных косвенным вопросительным предложениям, мы пришли к выводу, что все разнообразие классификаций можно свести к трем основным типам косвенных вопросительных предложений, которые объединяют в себе мелкие подтипы:

- Императивы (их цель – запрос чего-либо, начиная от выполнения конкретного действия до речевого уточнения, подтверждения или речевой реакции):

✓ *Could you pass me the salt?*

✓ *Isn't he a lovely boy?*

• Декларативы (косвенное сообщение информации с различными целями, например, убеждение):

✓ *What's the difference if it's still good?!*

✓ *Who wouldn't want to make their life better?*

• Эмоциональные реакции (выражение различного спектра эмоций, например, раздражение, гнев, неодобрение, удивление и т.д.):

✓ *Who you are to judge me?*

✓ *She wants to live her life and why shouldn't she?*

Необходимо отметить, что в речи встречаются как пограничные примеры, в которых не представляется возможным определить является ли высказывание истинным вопросом или эмоциональной реакцией, так и примеры, которые сочетают в себе два, а иногда и все три перечисленных выше типа.

Нашей целью было рассмотреть реальное употребление косвенных вопросительных предложений в английской диалогической речи, а также выявить синтаксические модели, закрепленные для выражения каждого типа в английском языке, и возможные особенности их употребления. В качестве материала был выбран американский мультсериал "The Simpsons". Посредством случайной выборки было просмотрено более 100 эпизодов. Были отобраны примеры с вопросительными предложениями, в которых отсутствовала какая-либо из пресуппозиций истинного вопроса (Я не знаю X, Я считаю, что ты знаешь X, Я хочу, чтобы ты мне сообщил X).

Проанализировав собранный материал, мы пришли к следующим основным выводам:

1. Анализ подтвердил высокую частотность употребления косвенных вопросительных предложений в английской разговорной речи – в каждом эпизоде можно было найти от 2 до 10 примеров (в некоторых до 30).

2. За каждым из типов действительно закреплены определенные модели, которые встречаются из эпизода в эпизод. Но, несмотря на это, встречались и примеры со свободными (неконвенционализированными) конструкциями, которые содержали в себе в основном императивный компонент (например, через намек). В таких ситуациях понять намерение высказывания слушателю помогают интонация, жесты, фоновые знания и т.д.

3. Чаще всего (более чем в половине случаев, см. Рисунок 1) в диалогической речи косвенные вопросительные предложения употребляются как эмоциональные реакции на то или иное событие, предыдущее высказывание и т.д. Это реакции типа:

(1) *How could you let this happen?* (Мать возмущается, что отец не отреагировал на шалости детей, которые могли привести к пожару).

(2) *Bart Simpson on the side of law and order?! Has the world gone topsy-turvy?* (Директор реагирует на новость о том, что сложный ребенок записался в дружину охраны школы от хулиганов).

(3) *Boy, what's this world coming to?* (Говорящий узнал, что соседи нелегально подключились к кабельному телевидению).

Декларативы и императивы употребляются примерно в равном количестве (30 и 35 процентов соответственно).

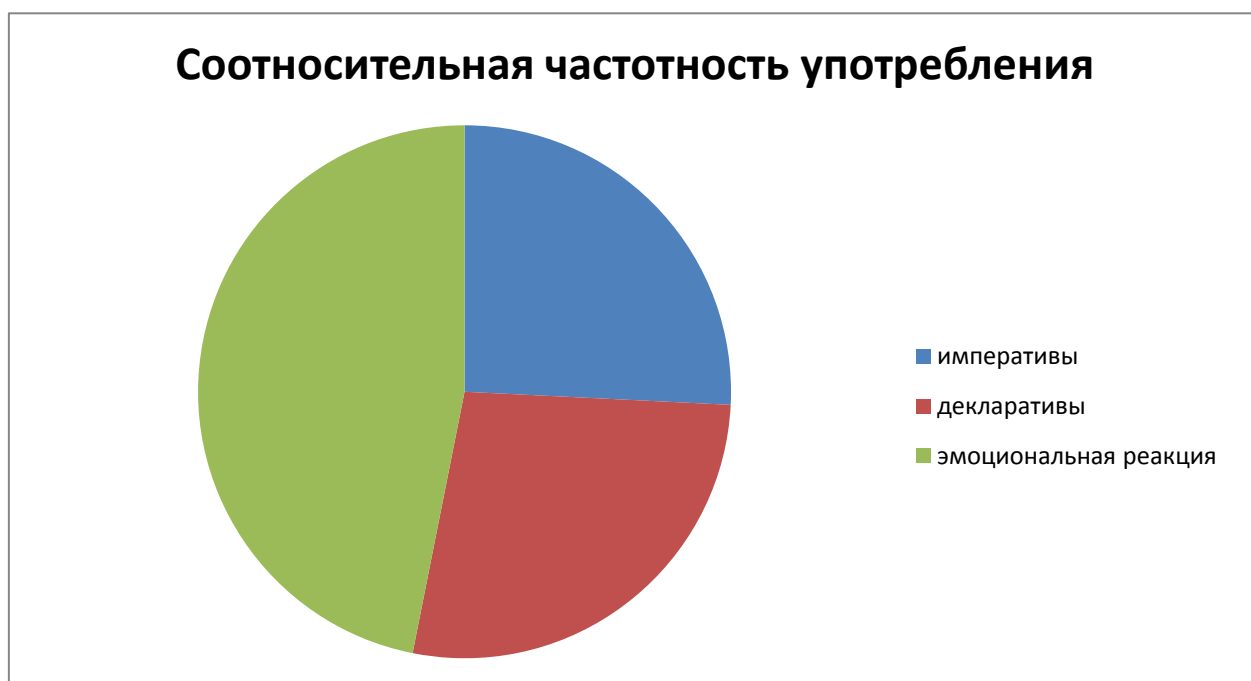

Рисунок 1: Соотносительная частотность употребления косвенных вопросительных предложений в английской разговорной речи

Прежде чем перейти к анализу примеров, необходимо сделать несколько оговорок:

1) Анализ всех выявленных структур невозможен в рамках одной статьи, поэтому мы опишем лишь некоторые из них – самые яркие или самые частотные, а также несколько любопытных случаев употребления или несоответствия реального употребления моделей значениям, зафиксированным в словарях.

2) Мы понимаем, что нельзя делать глобальных и жестких выводов об общей частотности или предпочтительности употребления лишь на основе одного сериала – особенно принимая во внимание тот факт, что употребление тех или иных моделей помогает созданию образа конкретного персонажа. Например, конструкция *'Would it kill you to do smth?'* употребляется в сериале как косвенное побуждение к действию лишь главным героем Гомером. Персонаж пользуется этой конструкцией, когда хочет казаться вежливым. Ее неуместное употребление помогает дополнить образ некомпетентного и невежественного человека, каким Гомер представлен в сериале.

(4) MARGE: *I'll bake another pie.*

HOMER: *Ooh, how about cherry this time? And would it kill you to make some coffee?*

Поэтому мы проверяли частотность употребления и выявленные конвенциональные значения каждой конструкции через глобальный поиск в Интернете.

3) Мы столкнулись с тем, что часто в словарях невозможно найти толкование тех или иных фраз или же оно является недостаточным. Например, упомянутую конструкцию *'Would it kill you to do smth?'* удалось обнаружить лишь в одном словаре (хотя Google Поиск выдает более 200000 результатов с ее использованием), со значением *'used to tell someone that he or she should do something'*¹. С другой стороны, в словарях были обнаружены повествовательный вариант *'something won't kill someone'* со значением *'used for saying that something is not as difficult or unpleasant as it seems'*² и описание ситуации использования данной фразы: *'to complain about someone not helping with chores like cooking, cleaning, yard work, etc.'*³. Контекстный же анализ примеров показывает, что приведенных значений недостаточно для понимания того, как правильно пользоваться этой фразой и какие дополнительные смысловые оттенки она содержит. Например:

✓ *Would it kill you to help me out around the house sometimes?*

Данная конструкция, с одной стороны, имеет характер осуждения или неодобрения (поэтому представляется, что уместнее было бы в определении заменить *'complaint'* на *'reproach'* и *'disapproval'*), а с другой стороны, часто употребляется иронически. Характерным примером употребления можно назвать выбор ее в качестве названия для мобильного приложения, разработанного бабушкой для своих внуков – *"Would it Kill You to*

¹ <https://www.merriam-webster.com/dictionary/would%20it%20kill%20you>

² <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/american/something-won-t-kill-someone>

³ <http://www.phrasemix.com/phrases/it-wouldnt-kill-you-to-do-something>

Call?». Это приложение напоминает внукам, что они давно не звонили своим пожилым родственникам.

Тем не менее, анализ собранных примеров выявляет определенные закономерности, которые будут в дальнейшем проверяться и на другом материале.

Императивы

Больше всего зафиксированных моделей встречается в группе императивов. Прямые императивы, то есть предложения в повелительном наклонении, встречаются в английской речи реже, чем косвенные императивы. Их употребление ограничено определенными ситуациями, например, когда существует угроза жизни и требуется максимально быстрая реакция адресата. Чаще всего это, как правило, одно- или двусложные высказывания: *Look out! Stop it!* В ситуациях каждодневного общения в подавляющем большинстве случаев употребляются косвенные вопросительные предложения⁴, что еще раз подтверждает общее мнение о повышенной языковой вежливости носителей английского языка, о свойственной им внутренней потребности смягчать высказывание. Большинство конструкций данного типа не только зафиксированы в словарях, но и специально разбираются в учебниках английского языка. Это такие конструкции, как *Can/Could you do smth? Would/Will you do?*

- (5) *Hey! Can we get some service over here?*
- (6) *Honey, honey, honey? Could you please be quiet?*
- (7) *Will you stop bothering them?*
- (8) *Would you two knock it off? I hate all the programs Marge likes but it's no big deal.*

Выбор между 'can' – 'could' и 'will' – 'would' зависит прежде всего от социальных ролей говорящего и слушающего: если у говорящего статус выше, то в 80 % случаев употребляются 'can' (в примере (5) говорящий – клиент, адресат – продавец) и 'will' (пример (7) отец обращается к детям), если статус у говорящих равный или статус выше у слушающего, используются 'could' (пример (6) жена обращается к мужу) и 'would' (пример (8) хозяин дома говорит с гостями). Интересны случаи, когда данные конструкции употребляются для смягчения грубых выражений типа 'shut up' или табуированной лексики:

- (9) *Will you kids shut up?*

⁴ Конечно, мы не забываем, что в английском языке существует огромное количество и регулярных повествовательных конструкций, которые тоже используются для смягчения повелительности. Но фокус нашего исследования был именно на вопросительных предложениях, поэтому сравнительную частотность между употреблением повелительного, сослагательного наклонений, повествовательных и вопросительных предложений мы не рассматривали.

(10) *Could you stop thinking about your ass?*

Если же в высказывание вкладывается компонент неодобрения или осуждения, то конструкции с ‘can’ и ‘could’ употребляются в отрицательной форме:

(11) *Can't you vultures leave him alone?*

(12) *Couldn't you just let it slide?*

Для императивов, которые имеют своей целью получить речевое подтверждение или уточнение, характерно употребление общих вопросов в отрицательной форме, причем пропозиция (ситуация объективной действительности), которую они описывают, утвердительная, то есть происходит так называемая смена полярности. В русском языке ближайшим эквивалентом данной модели будет использование общего вопроса с частицей ‘разве’ со сменой полярности. Например:

(13) *Isn't that trophy case supposed to have trophies?* (Говорящий удивлен ситуацией, что в шкафчике для призов пусто, и просит разъяснения).

(14) – *Dad, all that bacon cost \$27.*

– *Yeah, but your mom paid for that.*

– *But doesn't she get her money from you?* (Сын считает, что отец потратил слишком много денег, а отец уверен, что он потратил деньги жены. Сын в недоумении, так как мама домохозяйка ≈ Разве не ты даешь деньги маме?).

(15) – *Just, you know, add some accessories, lip gloss, maybe drop five pounds.*

– *Aren't we a little young for makeup?* (Подруга уговаривает Лизу нанести макияж для вечеринки. Лиза колеблется. ≈ Разве мы уже достаточно взрослые, чтобы краситься?)

В некоторых ситуациях подобные конструкции используются для выражения персонажем собственного мнения, для отстаивания своих позиций в мягкой форме. Но так как компонент побуждения к дискуссии в этих случаях превалирует над декларативным, мы относим их к группе императивов. Очень показателен спор Лизы и директора школы:

(16) *SKINNER: Well, I was wrong. The lizards are a godsend.*

LISA: But isn't that a bit shortsighted? What happens when we're overrun by lizards?

SKINNER: No problem. We simply unleash wave after wave of Chinese needle snakes. They'll wipe out the lizards.

LISA: But aren't the snakes even worse?

SKINNER: Yes, but we're prepared for that.

Примечательно также косвенное вопросительное предложение ‘What are you waiting for?’. Данное предложение можно найти в словарях, где за ним закреплено значение ‘used

for telling someone that they should do something immediately, and not delay’, поэтому в данном случае можно говорить о процессе идиоматизации. Фраза чаще всего употребляется в двух случаях. В первом слушающему были даны некие инструкции, но он не приступает к их выполнению:

(17) *Okay then I want poems about Spider-Man, and I want them finished before you start, and before you start I want a coffee. And the poems should have the following rhyme scheme, a, b, b, a, a, b, b, a, c, e, d, e, d, d. What are you waiting for, Chinese New Year?*

Во втором случае слушающий колеблется или не знает, что предпринять. Тогда говорящий подбадривает его данной вопросительной фразой, а затем сразу употребляет предложение в повелительном наклонении:

(18) *What are you waiting for? Go shake your moneymaker!*

Для подобного «подталкивания» к действию и косвенных намеков употребляются также конструкции ‘*Don’t you want to...?*’, ‘*What/How about doing smth?*’:

(19) *– I’m heading straight for the tub.*

– But, Homer, my sisters are here. Don’t you wanna say hello?

(20) *– What about loving me tonight?*

Отдельно хочется отметить, что среди императивов встречается много пограничных типов. Такова, например, конструкция ‘*Why don’t you do smth?*’. За данной фразой в словаре закреплено значение ‘*used for making a suggestion (an idea or plan that you offer for someone to consider)*’, и чаще всего она так и употребляется. Например:

(21) *Well, why don’t you have a free T-shirt?* (Продавец настаивает, чтобы клиенты взяли хотя бы бесплатную футболку).

(22) *Why don’t you kids come trick-or-treating with Maggie and me?* (Мамы предлагают детям чем заняться).

Но в реальных ситуациях она может употребляться и как императив:

(23) *Why don’t you leave me to do my work and worry about your own, eh?*

(24) *Why don’t you (just) shut up?*

Декларативы

В группу декларативов попали конструкции, которые можно назвать речевыми клише. Например: *Who cares? Who needs? What’s the point?* и т.д. Они представляют собой риторические вопросы, которые используются в качестве аргументов в споре или объяснений своих действий. Например:

(25) *– Hey, Homer, you’re late for English!*

– *Who needs that? I'm never going to England.*

(26) *Who cares about some test?* (Школьник отказывается готовиться к школьному тесту).

(27) – *I really screwed up. I deserve to be punished.*

– *What's the point, Bart? I punish and I punish and I punish, but it never sinks in. So you know what? Do what you want.* (Сын признает свою вину, но мать так расстроена, что отказывается вмешиваться в ситуацию).

К пограничным можно отнести конструкцию '*How can/could ...?*'. Она используется говорящим для выражения своего мнения и удивления, что это мнение возможно, оказалось неверным:

(28) – *Checkmate! Another victim of the Budapest Gambit!*

– *How can Dad play chess? He can't even remember the rules to Chutes and Ladders.* (Сын уверен, что отец не умеет играть в шахматы и выражает непонимание того, откуда тот знает шахматные термины).

(29) – *I believe I remember what happened, Marge.*

– *How could you remember? You were looking at your phone half the time.* (Жена считает, что муж говорит неправду).

Данные конструкции похожи на общие вопросы с отрицанием из группы императивов. Однако, высказывая свое мнение через специальный вопрос, говорящий не ждет объяснений со стороны адресата. Часто, как в примере 28, подобные фразы произносятся вообще безадресатно.

К декларативам также можно отнести аксиоматичные высказывания, вводимые с помощью таких конструкций, как '*Who wouldn't like...?*', '*Who wants ...?*', '*Don't you hate it when...?*'. Они также используются говорящим для аргументации, например:

(30) *Who wouldn't like a bottle of real French perfume all the way from Paree?*

(31) *Homer! Who wants a day off from work when I'm never gonna see my beloved son again?* (Жена объясняет мужу, почему она не хочет, взяв отгул на работе, уехать отдыхать на природу, а предпочитает остаться с сыном).

Необходимо отметить, что доводы, сформулированные в виде вопросительных вопросов, часто содержат в себе эмоциональный или оценочный компонент (например, неодобрение мнения или действий собеседника, как в примере 31, где жена возмущена, что отец не понимает ее нежелания уехать), но аргументативный компонент в данных конструкциях все же преобладает.

Эмоциональные реакции

В группе примеров, используемых для выражения эмоциональной реакции, была замечена интересная тенденция: чем более негативные эмоции передаются собеседнику, тем чаще встречаются устойчивые модели. Для выражения позитивных эмоций чаще употребляются свободные конструкции. Чаще всего косвенные вопросительные предложения данного типа выражаются риторическими вопросами и употребляются как средство речевой агрессии, то есть выступают эмоциональным выражением неодобрения (в самом широком смысле этого слова) чего-либо: поведения, слов адресата, ситуации, другого человека и т.д. Самыми частотными в этой группе являются модели '*How could you?*', '*How many times do I have to...?*', '*Are you kidding?*', '*Are you insane/stupid/crazy?*', '*Who/What am I, X?*', '*How should I know?*'⁵:

(32) – *Hey, Dad, what does the 'J' stand for?*

– *How should I know?* (≈ Ты спрашиваешь меня, полагая, что я знаю ответ, но ты сам должен понимать, что у меня не может быть знаний по этому вопросу, поэтому не задавай глупых вопросов⁵).

(33) – *What do you think he's doing up there?*

– *I don't know. Drug lab?*

– *Drug lab?*

– *Or reading comic books. What am I, Kreskine? You tell me what he's doing.* (Гомер раздражен, что жена продолжает спрашивать его, чем занимается их сын. ≈ Ты считаешь, что я должен знать, чем занимается наш сын, но ты должна понимать, что я не Крескин (знаменитый американский менталист), поэтому глупо задавать такой вопрос мне).

(34) – *Hey, that kid's pretty good.*

– *Good? Are you kidding?* (≈ Твое мнение неверно, и если ты серьезный человек, то сам должен понимать это, а если не понимаешь, то ты глуп).

(35) *My game, my game! I could have beat the boy. Marge, how could you? I was so close.* (Муж выражает свое возмущение, что жена прервала его игру, и он проиграл, он возлагает на нее вину за это).

(36) *How many times do I have to fluff your pillow?* (Жена недовольна, что она ждет мужа в спальне, а он все не идет).

⁵ Интерпретация дается по модели, предложенной И.Б. Шатуновским [13, 21] для риторического вопроса *Откуда я знаю?*, произносимого в ответ на вопрос *Где ключи?*: ≈ Ты спрашиваешь меня, где ключи, твой вопрос предполагает, что я знаю, где ключи, но ты должен понимать, что я не знаю, где ключи, так как у меня нет источников информации для этого, поэтому глупо задавать такой вопрос.

(37) Are you going deaf, or are you just stupid? I'll explain one more time, and then I'm going to hang up on you. (Выражение крайней степени раздражения и недовольства, сопровождаемое угрозой прервать общение, если собеседник не начнет серьезнее относиться к теме разговора).

Иногда интересующих нас разнообразие конструкций поражает и кажется бесконечным. Вот еще несколько примечательных примеров:

(38) – *We grow our own vegetables and process them right here and we give half the profits to war orphans.*

– *Profits, profits, profits! What kind of hippies are you? Peter Fonda must be spinning in his grave.*

(39) Don't you ever get tired of being wrong?

В этой группе нередко безадресатные вопросы, которые говорящий как бы задает самому себе, критикуя свои действия. Например:

(40) What have I done? *I smashed open my little boy's piggy bank, and for what? A few measly cents.* (Ребенок сокрушается, что он разбил свою копилку, и сожалеет о своем действии).

(41) *You're taking me! You got that? And it's gonna be a magical evening! [Gasps] What am I doing? This isn't me.* (Девочка поддалась на провокацию подруги и начала делать то, что от нее хотели, но останавливает себя вопросом).

Почти все подобные конструкции содержат в себе компонент побуждения изменить свое поведение или принести извинения. Но это побуждение основано на ярко выраженном несогласии, критике, осуждении. Таким образом, в таких высказываниях превалирует эмоциональный компонент здесь превалирует, что дает основание отнести подобные примеры к группе эмоциональных реакций.

Как уже упоминалось выше, описания даже тех моделей, которые отмечены в словарях, нуждаются в уточнении. Кроме того, существуют модели, которые в словарях вообще не зафиксированы – например, конструкция '*Don't you ever get tired of...?*' Хотя ее имплицитное значение (выражение сильного неодобрения повторяющимся действием и требование перестать делать это) довольно легко выводится из ее буквального значения и контекста, частотность употребления данной модели в готовой форме (что характерно, с зафиксированным наречием 'ever') говорит о том, что ее можно отнести к конвенциональным фразам, а значит, ее необходимо вводить в словари.

В заключении хотелось бы добавить, что наше исследование не претендует на завершенность. Но и на данном его этапе очевидно, что классификация косвенных вопросительных предложений и моделей, которые используются в современном английском языке, будет крайне полезна для изучающих этот язык. Освоение подобных конвенционализированных конструкций поможет сделать процесс коммуникации с носителями английского языка более продуктивным. В частности, это позволит выражать свои намерения более четко, избегать неловких или оскорбляющих собеседника ситуаций, а при необходимости – выявлять направленную на себя речевую агрессию и адекватно реагировать на нее.

Библиографический список:

1. Байдикова Е.Л. Вопросительные предложения в русской разговорной речи: коммуникативно – прагматический аспект: автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Байдикова Елена Леонидовна. М., 2013. 23 с.
2. Бердник Л.Ф. Вопросительные предложения с повествовательным значением в современном русском языке: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Бердник Людмила Федоровна. Ростов-на-Д., 1974. 23 с.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. 1982. № 4. С. 314–326.
4. Герасимова О.И. О типах значений косвенных высказываний // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. 1985. С.18-28.
5. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. 1985. Вып. 16. С. 217-237.
6. Иомдин Л.Л. Большие проблемы малого синтаксиса // Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям Диалог'2003. Протвино, 2003. С. 216-222.
7. Ионина А.А. Саакян А.С. Английская грамматика. М.: Айрис-Пресс, 2000. 433 с.
8. Меликян В.Ю. Синтаксическая фразеология русского языка. М, Флинта, 2013. 351 с.
9. Распопов И.П. Типы вопросительных предложений в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... кандидата филологических наук / Распопов Игорь Павлович. Куйбышев, 1953. 20 с.
10. Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения. Общий вопрос. (Главным образом на материале современного русского языка). Universitetsforlaget. Oslo, Bergen, Tromsø, 1972. 880 с.
11. Скородумова Е.А. Коммуникативно-прагматические особенности риторических вопросов-реакций (на материале английских художественных текстов): автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Скородумова Елена Андреевна. Челябинск, 2010. 24 с.
12. Чахоян Л.П. Общая теория высказывания // Спорные вопросы английской грамматики. Л., ЛГУ, 1988. 207 с.
13. Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // Агрессия в языке и речи: Сборник науч. статей / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2004. С. 19-37.
14. Austin J.L. How to do things with words. London: Oxford University Press, 1962. 174 p.

15. Bublitz W. Conducive yes-no questions in English. Mouton Publishers, 1981. 870 p.
16. Ilie C. What else can I tell you? Almqvist & Wiksell International, 1994. 248 p.
17. Searle J.R. Indirect Speech Acts // Cole P., Morgan J.L. (eds.), Syntax and Semantics 3. New York. Academic Press, 1975. Pp. 59-82.

Tkachenko E.S., Kharevich L.A. **Usage of Indirect Interrogative Sentences in English**

The article is devoted to the modern usage of indirect interrogative sentences in the English language. The aim of the article is to distinguish syntactical models (together with their conventionalized meanings) that are used by the speaker to communicate various intentions different from information request.

Keywords: indirect interrogative sentences, rhetorical question, implicit meaning, minor syntax

УДК 811

С. Ю. Сафарова

**Антитеза как способ реализации контраста в англоязычном медиатексте
научно-популярного регистра**

Аннотация:

В статье рассматривается стилистический прием антитезы как способ организации современного англоязычного медиатекста. Антитеза как частный случай контраста анализируется с точки зрения основных функций медиатекста научно-популярного регистра, последовательно изучаются семантическое и синтаксическое наполнение антитетических высказываний, затрагивается вопрос авторской модальности.

Ключевые слова: медиатекст, контраст, антитеза, модальность, функция сообщения, функция воздействия

Об авторе: Сафарова Сусанна Юрьевна, Государственный университет «Дубна», старший преподаватель кафедры иностранных языков и русского как иностранного; эл. почта: susa7@yandex.ru

Глобальные социокультурные изменения последних десятилетий, развитие информационных технологий привели к резкому росту новой сферы речеупотребления, массовой коммуникации. В силу ряда объективных культурных и экономических причин англоязычный медиатекст становится одним из наиболее распространенных типов текста. На современном этапе развития лингвистической науки медиатекст уверенно выделяется как особая разновидность текстов, обладающая специфическими характеристиками и составляющая специальную область изучения: медиалингвистику [8, с. 9].

Актуальность исследования обусловлена тем, что антитеза рассматривается как основной принцип организации современного англоязычного медиатекста, который позволяет в равной мере реализовать одновременно две функции – сообщения и воздействия.

Научная новизна данной работы состоит в том, что в ней впервые на материале англоязычного медиатекста научно-популярного регистра проводится многоаспектный анализ антитезы с точки зрения ее семантики, синтаксиса и функции в тексте.

Мы склонны полагать, что специфика англоязычного научно-популярного медиатекста – в его стилистической неоднозначности. С одной стороны, такой медиатекст имеет все черты, присущие интеллективному стилю, с другой, опирается на средства речевой выразительности, свойственные стилю художественного текста. В ряде современных исследований [9; 10] контраст полагается одним из основных признаков организации художественного произведения. Исследователи подчеркивают многоаспектный характер данного явления, актуализирующего в художественном тексте категорию противоположности. Контраст предполагает субъективную переработку объективных противоречий реальной действительности в целях определенного художественного воздействия [2, с. 37].

В статье рассматривается стилистический прием антитезы как частный случай проявления контраста на материале англоязычного научно-популярного медиатекста. Вслед за рядом исследователей [1; 4; 6] мы рассматриваем антитезу не как лексическую, а как стилистическую категорию. В современном понимании антитеза – это противопоставление не только слов, но и понятий, ситуаций.

Рассмотрим, как принцип контраста реализуется на материале документального фильма *Before the Flood* (2016), который затрагивает проблемы, связанные с глобальным потеплением и адресован широкому кругу зрителей, но в первую очередь, создавался с намерением привлечь интерес американского зрителя (что будет отмечено в примерах ниже).

Фильм начинается со слогана, который построен на логическом контрасте:

The science is clear. The future is not.

Несмотря на отсутствие прямой или, скорее, «правильной» языковой антонимии, два высказывания ставятся в оппозицию, благодаря отрицательной частице «not». В обычном употреблении «наука» и «будущее» не рассматриваются как противоположные идеи, скорее, наоборот, это неразрывно связанные в современном сознании понятия. Однако применение контраста позволяет авторам осветить основную идею всего фильма, а именно: невзирая на современные научные прогнозы, общество и, главным образом, представители власти, не хотят учитывать их, ставя будущее человечества под угрозу. Главным образом стилистический прием антитезы выполняет одну из основных функций медиатекста – функцию воздействия. Авторы не только сообщают информацию, но и предлагают ее этическую интерпретацию.

В исследуемом материале обнаруживается ряд примеров с использованием простой антитезы. В синтаксическом плане это сложносочиненные предложения, в каждом из которых присутствует равное количество оппозиций:

The numbers are stable here, in other regions are declining.

При помощи подобной структуры обычно выражается существенно важная фактическая информация. Примечательно, что среди элементов оппозиции нередко выступают не только лексические, но и грамматические средства:

If you *created* the problem in the past, we *will create* it in the future.

Здесь наряду с использованием антонимов past-future, мы отмечаем и сопутствующую им грамматическую категорию времени (*created-will create*). Разноплановая антонимия выступает как наиболее эффективный способ апелляции к сознанию массового зрителя. Сравнительно простое по структуре и содержанию высказывание позволяет емко и однозначно выразить авторскую мысль.

Нередко антитеза бывает выражена непрямыми антонимами, при этом строго определенный синтаксис и грамматические средства способствуют созданию контраста в сознании зрителя:

It *sounded* like some nightmarish science fiction film. Except everything he said is real and it's *happening* right now.

And we need countries to believe that climate change is real and urgent. It's not a figment of their imagination.

В примерах выше прилагательное real противопоставляется существительным science fiction и imagination. Как видим, антитеза используется для того, чтобы охарактеризовать предмет или явление не по ассоциации или сходству, но через резкий контраст. С одной стороны, в приведенных примерах строго соблюдаются все правила логики подбора лексических пар – оппозиций в контексте объективной реальности и с учетом нормативного представления о знании ее сущности и развития. С другой, сами компоненты антитезы обладают большой вариативностью. Это объясняется тем фактом, что научно-популярный медиатекст нередко обращается к средствам другого функционального стиля – художественного, где стилистическая выразительность – один из главных приемов воздействия на адресата.

Характерной особенностью антитезы в научно-популярном медиатексте является ее представление в сочетании с другими стилистическими приемами (среди них: эпитеты,

аллюзия, параллелизм, гипербола, сравнение и др.). Наиболее распространенным является использование нескольких пар оппозиций в составе высказывания:

We published a curve where there's this long-term cooling trend and then all of a sudden this abrupt warming that has no precedent.

Цепочка пар long-term – abrupt, cooling – warming служат для привлечения интереса, актуализации авторской мысли, созданию эффекта неожиданности. Высказывания такого типа согласуются с логикой развертывания художественного текста, создается эффект нарастания напряжения и затем неожиданная развязка. В примере ниже наблюдаем схожий принцип. Увеличение числа оппозиций помогает авторам манипулировать сознанием аудитории, а использование немаркированных лексических компонентов делает текст доступным для понимания широкому кругу зрителей:

Greenland, for the first time, is melting on its entire surface to a point where, instead of being a white surface, becomes a dark surface, and suddenly instead of becoming a cooler, becomes a self-heater.

Помимо языковых антонимов, в анализируемом тексте обнаруживаем ряд примеров с использованием неязыковой, индивидуальной антитезы. Это подчеркивает субъективный, авторский характер медиатекста, а также позволяет добиться большей образности подобных текстов. Широко распространены антитетические высказывания в сочетании с метафорой:

If you consider this vastness of this universe, this Planet Earth is just a small boat.

В приведенном примере планета Земля противопоставляется окружающей ее Вселенной на основе размера. Тем не менее, ни один из компонентов оппозиции не является прямым языковым антонимом. Конструкция является антитетической благодаря ее синтаксису и образам, которые вызывает все высказывание в целом. Наличие у синтаксических конструкций дополнительной оценочной, экспрессивной функции отмечалось Т.А. Ван Дейком, который писал, что синтаксис предложения отражает распределение семантических ролей участников события: либо порядком слов, либо различным функциональным соотношением элементов (субъект, объект), либо использованием активных или пассивных форм [7, с. 125].

В другом примере наблюдаем антитезу в сочетании со сравнением:

But it's like being an ant trying to understand what an elephant looks like.

Этот прием помогает авторам создать эстетически значимые, и, следовательно, запоминающиеся образы. В то время как использование узуально закрепленных пар

антонимов позволяет емко и категорично представить точку зрения автора, метафорические или сравнительные сочетания стимулируют самостоятельное мышление адресата, порождая новые оттенки значений. Мы полагаем, что антитеза в медиатексте всегда стремится к художественности, образности. Прием контраста выступает как образующий, фоновый, на который нанизываются другие приемы и средства выразительности.

Помимо привлечения массовой аудитории, антитетические высказывания выполняют еще одну важную функцию, характерную для медиатекста научно-популярного регистра, а именно апелляцию к фоновым знаниям. В приведенных ниже примерах мы видим, что текст обращается к американскому зрителю:

I didn't grow up around nature at all, I grew up near downtown Los Angeles.

I think it's politics, I think it so has to do with lobbying and industry and I always say one thing, Leo, I said uh, the ocean is not Republican and it's not Democrat, all it knows how to do is rise.

Secretary General, Ban Ki-Moon called Leo DiCaprio a credible voice in the environmental movement, which is like calling Jeffrey Dahmer a credible voice for stew.

Отметим, что в рассматриваемом тексте затрагиваются разные уровни фоновых знаний: социокультурный компонент (контраст между природой и центром Лос Анджелеса), политическая грамотность (противопоставление демократов и республиканцев), наконец, менее явное для массовой аудитории противопоставление Леонардо ДиКаприо и Джеффри Дамера (если первый – популярный актер, то второй – известный в США серийный убийца; данная информация может быть неизвестна широкому кругу лиц). Как видим, основополагающей при создании медиатекста служит ориентация на наличие у адресата знаний, достаточных для раскодирования авторского сообщения.

Таким образом, мы обнаруживаем актуализацию разных типов модальности при помощи приема антитезы. В медиатексте свернута информация как рационального, так и эмоционального характера. Декодируя высказывание, адресат понимает логику автора, то есть рациональную составляющую текста (объективная модальность), и одновременно воспринимает эмотивный фон журналистского произведения, его тональность, изменение настроения автора, замысел его оценок (субъективная модальность). Медиатекст представляет собой системную поликодовую организацию, в содержание и структуру которой включены эмоции, находящие отражение в теме текста, его тональности, модальности и оценочности [11, с. 200].

По словам И.В. Анненковой, субъективная модальность обусловлена «смысловым обоснованием стратегии убеждения (влияния, воздействия, манипуляции)» [3, с. 39]. В ряде случаев функция сообщения уходит на второй план, уступая место функции воздействия:

This really cheap commodity is making companies tremendous profits.

In the U.S. the lion's share of land is just to grow feed for cattle. The thing that we actually eat, like fruit, vegetable, nuts is a percent.

В примерах, приведенных выше, сопутствующими средствами выразительности для антитезы выступают идиомы и эпитеты, которые содержат авторскую оценку описываемых явлений. В исследуемом материале также обнаруживаются примеры субъективной модальности на основе компонентов со значением «время» или «количество». Лексемы со значением времени или количества ставятся автором в оппозицию, причем степень «полярности» или контраста, которая позволяет им быть частью антитезы, является исключительно авторским решением.

Temperatures are rising, coral reefs are dying, and not since a meteor hit the earth million years ago, have so many species of plant and animals become extinct in such a short time.

Nearly a quarter of a century of global climate talks have come to this pivotal moment in Paris.

And this is one city, and if you zoom out onto a large map of planet earth at night, you see electrification all over the world.

Следует отметить, что и в научном тексте экспрессивность не исключается. Однако в исследуемых нами текстах количественная экспрессивность всегда нагружена синтаксически. Количественная антитеза представлена в сочетании с маркированными прилагательными, усилительными частицами и т.п., что добавляет содержанию яркости и выразительности.

По мере развертывания сюжета антитеза неизменно усложняется, контраст может быть представлен рядом оппозиций, распространенных на несколько сложных предложений или целый абзац:

In the first panel you have Adam and Eve in the Garden of Eden. And the last panel, which is the most nightmarish one, especially from a young child's perspective, is this twisted, decayed, burnt landscape. A paradise that has been degraded and destroyed.

Помимо языковой антонимии first-last, мы наблюдаем логическое или смысловое противопоставление – the Garden of Eden как нечто отличное от decayed, burnt landscape.

Автор в очередной раз обращается к сознанию аудитории; при этом подразумевается, что у массового зрителя должны быть схожие представления о райском саде как о чем-то богатом, наполненном, даже изобилующим жизнью. Эффект усиливается повторением идеи с использованием синонимов – paradise-degraded and destroyed. Как и в художественном тексте, в медиатексте научно-популярного регистра при помощи контраста автор осуществляет «сильное художественное воздействие на адресата, апеллируя к его чувственной сфере» [9, с.17].

Анализируя примеры с использованием развернутой антитезы, можно убедиться, что этот прием как нельзя лучше способствует организации всего медиатекста в целом. Благодаря определенной синтаксической структуре и строгому выстраиванию пар оппозиций антитетические высказывания не просто передают фактическую информацию, но и делают это наиболее убедительно:

At the moment, internally, we are relocating our communities from certain parts of the island to where the water has not come up. But our long-term strategy is something that I've been discussing internationally, because we, we have to come to accept the reality that we may not be able to accommodate all of other people.

Как видим, оппозиции at the moment – long-term, internally – internationally, communities – all other people выстроены последовательно и находятся строго на своих местах. С точки зрения автора текста, антитеза выступает как принцип организации всех приемов выразительности, с точки зрения аудитории – как яркий, запоминающийся образ.

Как подчеркивает Л.В. Вертаева, художественный эффект, оставляющий суть произведения, начинается ощущаться только при взаимодействии разнотипных противопоставлений, так как при этом проявляются «импликации, возникают новые коннотативные и смысловые значения, явственнее ощущается контекст, более отчетливо проступает авторская позиция, активизируются ассоциации с внетекстовой средой» [5, с. 170-171]. Приведенный ниже пример согласуется с этой идеей исследователя:

Decades and decades of the forests breathing in the carbon, storing it in the trunks and the leaves and the organic matter. Those carbon emissions are being held safe for us. Until we clear them, and light them on fire. It *acts like a carbon bomb* and releases massive carbon emissions back into the atmosphere.

Очевидно, что противопоставление здесь опирается не на конкретные лексемы-антонимы, а скорее на общую интенцию автора. С одной стороны, аудитории представляют образ постепенного, медленного накопления углерода, с другой, – углеродную бомбу.

Таким образом, автор создает в сознании зрителя ассоциативный ряд: взрыв, вспышка, всплеск – одним словом, нечто быстрое в сравнении с временным отрезком *decades*. Это способствует нарастанию напряженности, тревоги, при которых актуализируется манипулятивная функция медиатекста.

Указанная функция медиатекста затрагивает сознание массовой аудитории с точки зрения не только оценки, но и побуждения к действию. Нередко авторы прибегают в альтернативным конструкциям или условным предложениям с тем, чтобы склонить зрителя к той или иной точке зрения:

Now think about the shame that each of us will carry when our children and grandchildren look back and realize that we had the means of stopping this devastation but simply lacked the political will to do so. You'll either be lauded by future generations, or vilified by them.

В данном случае зрителя призывают не только использовать имеющиеся ресурсы, но и воздействовать на работу политиков с тем, чтобы в будущем их «славили», а не «поносили» (lauded- vilified).

Другой вариант манипуляции – изменение мнения аудитории относительно достоверности той или иной информации. Антитеза помогает представить общеизвестные факты как распространенное заблуждение, при этом предлагает авторское видение как объективную истину:

If we want to change the president's view of carbon taxes, we need to change the public's view of carbon taxes. Politicians, whether we call them our elected leaders, are really our elected followers.

Убеждение авторов фильма, согласно которому не политики, а общество вправе решать проблему с загрязнением, подчеркивается оппозицией leaders-followers: политики лишь мыслятся лидерами, но на деле они всего лишь исполнители.

Проведенный анализ убеждает, что стилистический прием антитезы широко распространен в англоязычных медиатекстах. Он является частным случаем контраста, который служит как основной структурно-семантический принцип организации не только художественного, но и научно-популярного медиатекста. Можно утверждать, что использование антитезы способствует усилению образности повествования, увеличению эстетической ценности представляемых научных фактов. Антитеза определяет способ построения медиатекста, а также в полной мере реализует принцип сочетания объективной и субъективной модальности.

Библиографический список:

1. Аббасова А.М. Архитектоническая функция антитезы в художественном тексте: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Аббасова Айбениз Мардан кызы. Баку, 1990. - 210 с.
2. Андреева Г.В. Языковое выражение контраста в языке и речи: автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Андреева Галина Вадимовна. Л., 1984.
3. Анненкова И.В. Об одной константе текстов СМИ: к постановке вопроса о риторической модальности // Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып.5. С. 39-42.
4. Бабаханова Л.Г. Структурно-семантические особенности антитезы как стилистического приема (на материале английского языка): автореф. дис. ... канддата филологических наук / Бабаханова, Лола Турсуновна. М, 1967.
5. Вертаева Л.В. Антитеза как принцип организации художественного текста: автореф. дис. ... кандидата филологических наук / Вертаева Людмила Владимировна. Минск, 1984.
6. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М., 1981.
7. Дейк Т.А. ван. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С.268-304.
8. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС Эдиториал, 2005.
9. Мартынова О.П. Контраст как семантико-функциональная основа художественного текста (на примере текста англоязычного короткого рассказа): дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Мартынова Оксана Петровна. М, 2006. 175 с.
10. Станиславская С.А. Контраст как принцип организации поэтического текста: автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Станиславская Сусанна Александровна. Саратов, 2001. 21 с.
11. Цыбульская П.М. Модификации современного медиатекста: индивидуальная эмотивность // Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах массмедиа: матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (6–9 сентября 2016 г. Варна, Болгария) / отв. ред. В.В. Васильева. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2016. С. 200-202.
12. Al.Bain English Composition and Rhetoric. London, 1877.
13. Hollingsworth J.E. Antithesis in the Attic Orators from Antiphon to Isaeus: diss for the degree of PhD. Wisconsin, 1915.

Safarova S.Yu. Antithesis as a Means of Contrast Implemented in English Popular Science Media Text

The article examines the stylistic means of antithesis as a way to organize a modern English media text. Antithesis is regarded as a particular case of contrast in the view of the main functions of a popular science media text; its semantic and syntax are studied, as well as the question of the author's modality.

Keywords: mediatext, contrast, antithesis, modality, message function, impact function

УДК 811

И. Б. Шатуновский

Возможность в жизни и в языке

Аннотация:

В статье сделана попытка определить инвариантное значение слов, выражающих возможность в русском языке и выделить различные типы возможности в языке. Выявлены параметры, различающие типы возможности. Описаны основные типы возможности в языке и тем самым в мысли. Это объективная и субъективная (эпистемическая) возможность, объективная возможность в свою очередь делится на три типа: возможность закономерности, возможность выбора и возможность случая. особое внимание уделено словам и конструкциям, выражающим комбинированные типы возможности.

Ключевые слова: возможность, русский язык, объективный, субъективный, закономерность, деонтический, утилитарный, случайность, выбор

Об авторе: Шатуновский Илья Борисович, доктор филологических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: shatun49@mail.ru.

1. Возможность – это одно из наиболее важных для жизни, мышления и языка понятий. Существуют различные виды возможности, выражаемые словами естественного языка, иногда настолько различные, что удивляешься, как они объединяются в рамках одного понятия и слова. Две взаимообусловленные задачи настоящей статьи – это, с одной стороны, определить общее, инвариантное значение, содержащееся в значении слов возможности, а с другой – выделить различные виды возможности, обозначаемые или предполагаемые различными словами естественного языка, в данном случае русского. Основные слова возможности в русском языке – это *мочь* (*может, мог* и т.д.), а также *можно* и *возможно*.

2. В наиболее общем виде, возможность Р (положения вещей в мире, ситуации) – это наличие альтернативных положений дел, «возможных миров», в одном или одних из которых Р есть, а в других нет, или, схематически, Р или не Р. Р возможно, если Р имеет место, есть в некоторых возможных мирах (по крайней мере, в одном); (Р невозможно, если

Р отсутствует во всех возможных мирах (= у не Р нет альтернативы); Р необходимо, если во всех возможных мирах имеет место Р (= у Р нет альтернативы))⁶. Это инвариант значения возможности. *Петя придет* – Р, *Петя не придет* – не Р, *Петя может приехать* – Петя придет или не придет. Различные виды возможности отличаются друг от друга тем, к какой области действительности относятся альтернативные положения дел, а также какие факторы обуславливают эту альтернативность. При этом видов возможности в языке гораздо больше, чем в логике. Различные виды возможности пересекаются, это не строго иерархическая классификация, поскольку производятся по разным основаниям. Язык взаимодействует с жизнью, и это вносит беспорядок в его деления.

3. Объективная (онтологическая) vs субъективная (эпистемическая) возможность.

Альтернативы, образующие возможность, могут существовать объективно, так что это реальные альтернативы развития событий (объективная возможность), или же быть только в голове, в уме субъекта (С), при том, что в действительности или определенно Р или определенно не Р (эпистемическая, или субъективная возможность) (см. [8, с. 587; 4; 3; 6, с. 126; 1, с. 210-212; 2, с. 498; 11; 13; 12; 10; 9, р. 81] и др.). «Вероятность, - замечает Юм, бывает двух родов: или объект сам по себе в действительности недостоверен и существование его и несуществование зависят от случая, или объект сам по себе достоверен, но наше суждение о нем недостоверно, ибо мы находим целый ряд доказательств за и против» [8, с. 587]⁷. Эпистемическая возможность выражается вводными словами возможности и словами, вводящими придаточное с *что*: *Он может знать телефон Кати; Возможно, (что) он знает телефон Кати*. На самом деле он или знает телефон Кати, или не знает, но мы не знаем, знает он или не знает. Аналогично *Быть может, эти электроны миры, где пять материков...* (В. Брюсов). На самом деле это или так, или не так, но мы не знаем, каково истинное положение вещей.

Объективная возможность не зависит от знаний С. Например, в урне белые и черные шары, но я об этом не знаю, и вынимаю шар. В этом случае есть объективная возможность вынуть белый шар – или черный шар, что бы я об этом ни думал. Например, я и все другие думают, что в урне только черные шары. Однако и в этом случае я **могу** вынуть белый шар.

4. В свою очередь, объективная возможность делится на различные виды в соответствии с тем, **какой фактор** обуславливает наличие или отсутствие Р в

⁶ Данное определение опирается на логическую традицию, см. В то же время понимание возможности в обыденном языке отличается от логической трактовки. См. об этом подробнее [7, гл. 6].

⁷ Точнее, разумеется, говорить не об объекте, но о положении вещей.

альтернативных мирах. Три основных вида объективной возможности – это возможность случайности, возможность закономерности и возможность выбора.

4.1. В случае возможности случайности фактором, обуславливающим Р или не Р, является (всегда объективный) случай (см. выше в определении вероятности у Юма: «... существование его [объекта] и несуществование зависят от случая» [8, с. 587]: *Я могу / он может вынуть черный шар* в ситуации, когда в урне белые и черные шары, и я выбираю «вслепую»; *Земля может столкнуться с кометой; Она может проговориться* = *Она может случайно проговориться; Осторожно! Здесь можно поскользнуться!*

4.2. В случае возможности закономерности Р имеет или не имеет место в зависимости от некоторого условия: *Мост может выдержать нагрузку в 100 тонн* – Р или не Р определяется тем, какова нагрузка на мост. Если нагрузка 100 тонн и менее, то Р (мост выдерживает нагрузку, не разрушается), если нагрузка более 100 т., мост не выдерживает, разрушается (не Р).

4.3. В случае возможности выбора Р имеет место в тех случаях, когда С выбирает его, и отсутствует в тех случаях, когда С не выбирает его.

Под словом *выбор, выбирать* имеется в виду акт воли, ума «приказывающего, или, так сказать, повелевающего совершить или не совершить такое-то отдельное действие» [5, с. 287], обычно вместе с автоматически следующими из этого акта усилиями по достижению Р. В жизни и в языке выбор актом воли действия (импульс воли, ведущий к совершению действия) и само действие срастаются в единый комплекс. В русском и других естественных языках нет отдельного слова, обозначающего этот комплекс, поэтому мы используем слово *выбор* в расширенном значении. То же относится к слову *хотеть* в значении выбора: *Сделаю, если захочу* – подразумевается: и приложу для этого усилия. Это не говорится, потому что само собою разумеется.

Пример возможности выбора: *Я могу вынуть черный шар (если захочу), а могу вынуть белый* (в ситуации, когда я вынимаю шары, видя их) – если я выберу выбрать черный шар, то это будет (Р), если не выберу, то не будет (не Р).

Р, которые С может сделать в случае возможности выбора, являются, по определению, полностью контролируемыми, зависящими полностью от выбора (+ усилий) С-а. С полностью контролирует Р, потому что он **может** сделать Р, если захочет (выберет).

Возможность выбора можно рассматривать как вид возможности закономерности с тем отличием, что условием, определяющим наличие Р, является выбор субъекта.

Отметим, что слово *возможно* в обычном русском языке (не метаязыке науки) не

используются в случае возможности выбора и закономерности. *Возможно* возможно только в случае возможности случая (или эпистемической возможности).

5. Возможность может быть единичной, актуальной (= возможность единичного актуального действия) и неактуальной, узуальной (возможность повторяющегося, неактуального действия). Например: *Я могу вынуть черный шар* – актуальная возможность выбора $\approx$ ‘Если я выберу достать черный шар, то это будет’ (единичное действие, которое будет какой-то в конкретный момент времени), *Я могу передвигать усилием воли предметы* – неактуальная, узуальная возможность: ‘Всегда, или по крайней мере иногда, в некоторых случаях если я выберу (выбираю) передвинуть усилием воли предмет, это имеет место’.

Возможность выбора может быть актуальной и неактуальной.

Возможность закономерности всегда неактуальна.

Возможность случайности всегда (сама по себе) актуальна.

6. Возможность может быть **внутренней** и **внешней** в зависимости от того, какие факторы обуславливают саму возможность Р [9, р. 80]. Фактически в случае наличия субъекта всегда играют роль и внешние, и внутренние факторы, но некоторые факторы всегда есть, а другие могут быть, а могут не быть, поэтому их наличие или отсутствие играет определяющую роль. Соответственно, употребление слов возможности говорит о том, что эти факторы имеют место или при отрицании не имеют места (характеризуют объект или ситуацию, в этом случае можно говорить о возможности-характеристике).

В случае внутренней возможности такими факторами являются внутренние физические и ментальные свойства самого С: его сила, рост, умственные способности и т.д.: *Он может дотянуться до потолка* (таков его рост), *Я могу передвигать предметы усилием воли* (таковы мои ментальные свойства), *Он может перемножать в уме шестизначные числа / играть в покер*; *Она может съесть за один присест килограмм конфет* и т.д. Это примеры внутренней возможности выбора. Внутренняя возможность выражается словом *мочь* (*может, мог, могла, могли* и т.д.).

В случае внешней возможности факторами, обуславливающими достижение Р в случае его выбора, являются особенности устройства физического мира вокруг С: наличие внешних ресурсов для совершения Р – *Он может есть черную икру каждый день*; *Он может останавливаться в лучших отелях* – имеет достаточно финансовых средств, *Он может каждый день гулять по лесу* – лес находится рядом; *В этом лесу можно собирать грибы* – в этом лесу есть грибы, и т.д.

Это деление не является исчерпывающим: в некоторых случаях должны быть и внешние и внутренние факторы, условия (поскольку и те, и другие могут быть или не быть), или же просто неизвестно, какие факторы обуславливают Р или не Р. *Я могу к вам заехать* (здоров? есть свободное время? отремонтирован автомобиль? и т.п.); *Он может достать что угодно* (ловок? энергичен? имеет обширные связи?); и т.д. (ср. [3, с. 103]).

Внешняя возможность может выражаться словом *может*, но специфическим русским словом для выражения внешней возможности, словом, однозначно указывающим на внешнюю возможность, является *можно*.

Противопоставление внешней и внутренней возможности имеет место в стандартном случае в случае возможности выбора (см. все примеры выше).

В то же время **физическая** (но не деонтическая и утилитарная) внешняя и внутренняя возможность может иметь место и в случае возможности случая, однако в любом случае здесь должен быть субъект действия, но уже не намеренного, произвольного, но случайного:

Чацкий: *Чины людьми даются, А люди могут обмануться* (А. С. Грибоедов. Горе от ума) = 'Для каждого Х (Х человек) верно, что может обмануться Х'.

Здесь имеет место внутренняя возможность случая: люди таковы, что могут случайно обмануться, это свойственно людям.

Аналогично:

Buchari (president of Nigeria) is human. He can fall ill (Daily Post. February 17, 2017).

Она может проговориться $\approx$ 'Она такая, что возможно, что она случайно проговорится', внутренняя возможность + случай.

Осторожно! Здесь можно наступить на стекло! Осторожно! Здесь скользко! Вы можете упасть! – внешняя физическая возможность + случай.

Противопоставление внешней и внутренней возможности имеет смысл, применимо только к тем случаям, где есть субъект действия. Если субъекта нет, то возможность всегда «внешняя», а точнее, противопоставление внутренних и внешних факторов нейтрализуется:

Земля может столкнуться с кометой – внешняя возможность, мир так устроен, бесчисленные кометы летают по разным траекториям + случай.

7. Возможность выбора выбора. Деонтическая и утилитарная возможность. Возможность выбора делится на два вида в зависимости от того, является ли возможность выбора пресуппозицией (физическая возможность, все примеры выше), такая возможность ничему не противопоставлена, или же возможность выбора находится в фокусе

высказывания (речь идет, так сказать, о возможности выбора выбора). Такая возможность противопоставлена необходимости выбора (долженствованию) и невозможности выбора. Возможность выбора выбора делится на деонтическую и утилитарную возможность (противопоставленные соответственно деонтической и утилитарной необходимости и невозможности).

В случае деонтической возможности факторами, обуславливающими возможность выбора Р, являются **правила и предписания**, разрешающие выбор Р, или отсутствие правил и предписаний, запрещающих его выбор. В случае деонтической возможности С может выбрать и, соответственно сделать Р, потому что есть правило, разрешающее сделать Р (= выбрать и сделать Р) или отсутствует правило, запрещающее выбрать и сделать Р: *Здесь можно купаться* – разрешено или не запрещено; *Здесь можно переходить улицу*; *В этом лесу можно собирать грибы* – неактуальная узусальная внешняя деонтическая возможность выбора; *Он может (= имеет право) подать апелляцию* – актуальная единичная внешняя деонтическая возможность выбора; *имеет право* однозначно указывает на этот тип возможности. Деонтическая возможность также устанавливается (порождается) собственно разрешением (для некоторых Р также отсутствием запрещения): *Ты можешь пользоваться моей библиотекой*. Особый вид возможности порождается актуальным разрешением единичного действия: *Можно взять эту книгу?* – *Можно*. В этом случае С уже выбрал Р, но может (имеет право) перейти к его осуществлению только если обладающий соответствующими полномочиями субъект разрешит ему сделать Р, разрешение является условием реализации этого выбора, точнее перехода к реализации, совершения акта воли, «запускающего» реализацию Р.

Деонтическая возможность в целом по другому основанию является внешней возможностью, поскольку правила существуют вне С (о деонтической возможности как подобласти внешней возможности см. [9, р. 81]).

В случае утилитарной возможности факторами, обуславливающими возможность выбора Р, являются соображения вреда или пользы Р для С. Предполагается, что если С плохо для С, то он его в нормальном случае ни за что не выберет и это устраняет возможность (разумного) выбора, но если Р хорошо или нейтрально (не вредно, не плохо) для С, то он **может** его выбрать (а может, и нет):

Здесь можно купаться – хорошие условия, не глубоко, хорошее дно и т.д.;

Эти грибы можно есть – они не ядовитые;

Эту работу можно поручить Пете – он ее успешно выполнит и т.д.

В случае физической возможности в фокусе достижение Р (в случае его выбора), оно же и отрицается: *Он не может играть в шахматы*. В случае деонтической и утилитарной возможности возможен сам выбор, в фокусе возможность выбора, она же отрицается:

Здесь можно / нельзя играть в шахматы.

8. Комбинированные виды возможности. Наряду с базовыми видами возможности существуют и выражаются в языке **комбинированные виды возможности**.

8.1. Возможность выбора + возможность закономерности: *Он может поднять штангу весом 100 кг (= до 100 кг)* = 'Всегда, если (1) он выбирает поднять штангу и если (2) вес штанги 100 кг и менее, он поднимает штангу (и не поднимает, если он не выберет поднять штангу или вес штанги будет более 100 кг)' – соединяются возможность выбора и возможность закономерности. Здесь неактуальная возможность. Здесь в вершине возможность закономерности, возможность выбора – пресуппозиция. В случае отрицания отрицается закономерность, то, что есть такая закономерность, но сохраняется то, что он выберет это.

Аналогично: *Он может выпить галлон вина* – он такой, что... (внутренняя возможность-характеристика), что если выберет и если количество вина будет не более галлона, то он его выпьет. 8.2. Возможность выбора + возможность случайности. Реализация Р может зависеть от выбора С, но сам выбор при этом с точки зрения постороннего С, не С выбора, определяется случаем. Так, *Он может приехать* (сейчас или вообще) может значить 'если **выберет**, приедет' (возможность выбора), но может значить 'если **случится** так, что он выберет, то он приедет' (комбинированная возможность). Здесь выбор подчинен случайности, которая в семантическом представлении выше выбора, поэтому в целом это возможность случайности (по типу вершинного элемента). Но отрицание здесь вообще невозможно. Р здесь полностью контролируется С-ом. Здесь случайность относится к выбору, случайным является выбор.

8.3. Другой тип иллюстрируется примером *Он может добиться его реабилитации*. Это предложение может пониматься как чистая модальность выбора: 'Если он выберет добиться его реабилитации и приложит для этого усилия, то он добьется его реабилитации'. Р в этом случае понимается как полностью контролируемое С-ом. Однако Р может пониматься здесь и как частично контролируемое, тогда осуществление Р зависит как от выбора С, так и от случая: Р будет, если он его выберет и если затем, в случае выбора, случай будет на его стороне. Здесь, как в примере выше, соединяются возможность выбора + возможность случайности, но комбинируются они по-другому = 'Если он выберет, то

может случиться так, что он добьется реабилитации, а может случиться так, что он не добьется его реабилитации'. Случайность в примерах этого типа относится не к выбору, а к достижению уже выбранного Р (цели). Аналогично:

И если весь мир справляется с подобными трудностями, значит, можем справиться с ними и мы (Ю. Буртин. Свобода выбора).

В этих двух примерах имеет место возможность единичного актуального действия. Однако возможность этого типа может быть неактуальной, повторяющейся: *Мальдини может пройти по краю, сделать острую передачу*.

8.4. Значение актуальной, единичной возможности выбора-случайности фиксируется в слове *шанс*:

У него есть шанс добиться его реабилитации;

У него есть / появился шанс поехать учиться за границу;

Последний шанс дает тебе судьба

– Р будет, если С выберет его (возможность выбора) и если случай будет на его стороне. При этом как *может* этого типа, так и *шанс* могут употребляться как в случае, когда С не выбрал (не в смысле *выбрал не...*, а в значении «глобального» отрицания, вообще не осуществлял выбор) – в этом случае имеет место своего рода «двойная» возможность, альтернативность: альтернативы имеются и в отношении выбора, и в отношении помощи случая), так и в случае, когда С уже выбрал Р и прилагает усилия к его осуществлению. Здесь остается только альтернативность случая, возможность случая, но с тем отличием, что есть пресуппозиция выбора Р.

8.5. Слово *случай* в значении возможности (*подвернулся случай = подвернулась возможность поехать за границу*) обозначает иную конфигурацию случайности и выбора. *Шанс* – сначала выбор (как условие), затем случай (как условие второго порядка). *Случай* – сначала случай (как условие), затем выбор (как условие второго порядка). Здесь случай относится к **возможности выбора**, в результате случайности появляется возможность выбора, и Р будет, если С выберет его. Р здесь полностью контролируемо, но только после того, как подвернулся случай. В отличие от *шанс* и *может*, слово *случай* употребляется только в случае реализации случая, случайного события, обуславливающего возможность выбора Р. Такой случай уже наступил, имеет место, и Р будет, если С выберет его (реализация Р зависит только от выбора С).

Ситуация «двойной возможности», которая имеет место **до того**, как подвернулся случай сделать Р, аналогичная двойной возможности в случае слов *шанс* и *может*:

‘Р будет, если появится случайным образом возможность сделать Р, и если С выберет его сделать’

– вообще никак не обозначается в русском языке. Здесь имеет место пробел, лакуна. Ситуация есть, но она никак не обозначается. Но это тоже интересно – исследовать не только значения, то, что обозначается, но и то, что не обозначается, хотя могло бы обозначаться.

8.6. Как *возможность*, так и *случай* и *шанс*, относятся к Р, благоприятным, хорошим для С, при этом нет соотносительных слов, которые бы обозначали возможность плохого Р. Понятно, почему. Ведь здесь участвует возможность выбора, и Р не будет, если С не выберет его. Но если С неблагоприятно для С, то он его ни за что не выберет, поэтому такая ситуация просто отсутствует и, соответственно, не может быть значением каких-либо слов.

В то же время есть слова *опасность*, *опасно*, *опасный*, которые обозначают объективную, **основанную на случае** возможность чего-то **плохого** для С.

8.7. «Тройная» возможность (альтернативность) имеет место в примерах типа:

Он может поступить в университет, если хорошенько подготовится. Здесь совмещаются возможность закономерности, возможность выбора и возможность случая: Р будет (а) при условии хорошей подготовки (возможность закономерности), (б) при условии, что он выберет поступать в университет (возможность выбора) и (в) при условии, что ему будет сопутствовать удача, случай (возможность случая). Если какое-то или какие-то из этих условий не выполняется, то не Р (он не поступит в университет).

Аналогичная интерпретация возможна и в следующем примере:

Сотрудница словенского визового центра: *Они могут принять бронирование booking.com, если оно будет оплачено* – возможность закономерности (если оно будет оплачено) + возможность выбора (если они выберут это сделать) + случайность, подчиняющая выбор. Здесь три уровня возможности: (1) возможность закономерности (нижний уровень), (2) над ним надстраивается возможность выбора (если оплачено, то могут принять или не принять, захотят (выберут) – примут, не захотят (не выберут) не примут), и (3) этот выбор зависит от случая.

Библиографический список:

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
2. Вригт фон Г.Х. Логико-философские исследования. М.: Прогресс, 1986. 595 с.

3. Зализняк Анна А., Падучева Е.В. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. 1989. С. 92-115.
4. Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Л.: Наука, 1988. 165 с.
5. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. М.: Мысль, 1985.
6. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 263 с.
7. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 400 с.
8. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1965. Т. 1. 847 с.
9. Auwera Johan van der, Plungian V.A. Modality's Semantic Map // Linguistic Typology 2. 1998. Pp. 79-124.
10. Doherty M. Perhaps // Folia Linguistica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae. 1987. V. 21/1. Pp. 45-65.
11. Karttunen L. Possible and Must // Syntax and semantics. 1972. V. 1. Pp. 1-20.
12. Kiefer F. On defining modality // Folia Linguistica. 1987. V. 21/1. Pp. 67-94.
13. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt/M.: Athenäum, 1972. 235 p.

Shatunovskiy I.B. Possibility in life and language

The paper attempts to define the invariant meaning of the words expressing possibility in Russian, identify various types of possibility in language. Parameters differentiating types of possibility are established. The main types of possibility in language and therefore in thought are described. They are: objective vs subjective (epistemic) possibility, objective possibility is divided into three types: conditional possibility, possibility of choice and possibility of chance. Special attention is given to words and constructions expressing mixed types of possibility.

Keywords: possibility, Russian, objective, subjective, contingent, deontic, utilitarian, chance, choice

УДК 821.161.1: 821.111

С. В. Шешунова

**«Генерал Харьков» и другие парадоксы русско-британской межкультурной
коммуникации в годы гражданской войны**

Аннотация:

Статья посвящена имагологическому аспекту художественной литературы, повествующей о революции и гражданской войне в России. Цель статьи – рассмотреть репрезентацию русско-британских контактов в период 1917-1920 гг. в произведениях С. Моэма, В.В. Маяковского, М.А. Шолохова, А.И. Куприна, И.С. Шмелева и др. Автор статьи выделяет ошибки англичан в понимании русской ономастики и этнические стереотипы, характерные для «британского мифа» в русской литературе. Советские писатели изображают участие британцев в русской гражданской войне как мощное явление; писатели русского зарубежья, напротив, обвиняют их в невмешательстве и бездействии.

Ключевые слова: имагология, гражданская война в литературе, русско-британская межкультурная коммуникация, «британский миф» русской литературы

Об авторе: Шешунова Светлана Всеволодовна, доктор филологических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: bog15k254@dubna.net.ru

В гражданской войне, разразившейся в России после 1917 г., оба лагеря включали представителей разных государств и национальных культур. Художественная литература отразила особенности их общения и взаимного восприятия. Этот имагологический аспект произведений словесности и будет ниже предметом исследования.

В «Университетской поэме» (1927) В.В. Набоков, желая изобразить «одну из тех ученых дур, какими Англия богата», наделяет эту леди убеждением, «что Харьков – русский генерал» [13, с. 126]. Однако вымышленная дама лишь повторила слова реального британского политика – премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа, который во время

выступления в парламенте 16 апреля 1919 года призвал соотечественников «оказать всемерную помощь адмиралу Колчаку, генералу Деникину и генералу Харьков» [7, 89].

Ошибка главы кабинета вполне объяснима: на «-ов» заканчивается так много русских фамилий, что наименование города действительно можно принять за одну из них. О проблемах британского восприятия русской ономастики писал еще Дж. Г. Байрон – в «Дон Жуане» он недоумевал, как можно произносить столь странные фамилии:

Чокенофф, Львофф, Арссеньевф, Чичакофф –

Взгляните, каково нагроможденье

Согласных? Строкнофф, Стронгенофф, Чичшкофф! [3, с. 245].

Имя «Харьков», видимо, было воспринято как более благозвучное, и за короткий срок словосочетание *General Kharkov* стало торговым брендом: по некоторым сведениям, в Великобритании появились одноименные сорт пива, бар, бритвенный прибор, кофейный напиток, мужские подтяжки и даже фасон дамских шляпок [7]. Эту популярность «генерала Харькова» и застал в Англии В.В. Набоков, осенью 1919 г. поступивший в Кембридж. Со временем имя несуществующего военачальника превратилось в идиому, которая наряду с «развесистой клюквой» ныне обозначает искаженные представления о реалиях другой страны.

Если обратиться к историческому контексту, то увлечение британцев русским генералом, фамилия которого произносится относительно легко, следует признать закономерным для данной эпохи. Если в России феномен агломании возник еще в конце XVIII века и не раз отражался в литературе на протяжении всего XIX столетия [17], то Англия переживала бурное увлечение русской культурой именно в 1910-е годы. К.И. Чуковский, посетивший Лондон в 1916 г., был настолько поражен степенью любви к России в английском обществе, что писал: «Нигде во всем мире никто не увлекался так пламенно нами, нашей жизнью и нашей душой, как увлекаются сейчас англичане» [18, с. 118]. Перечисляя посвященные России публицистические книги, которые «так и сыплются одна на другую», будущий автор «Мойдодыра» заключает: «Покуда я не читал этих английских книг, я и не знал, что мы такие хорошие» [18, с. 121]. Для сравнения, И.А. Бунин несколько лет спустя иронизировал над подобными «книгами о русской душе», массово выходившими в Англии, поскольку усматривал в них полное незнание предмета: «...мне попался в руки какой-то английский журнал и в нем такая картинка из русского быта: много снега, на заднем плане – маленький коттедж, а на переднем – идущая к нему девочка, в шубке и со связкой учебников в руке; и коттедж этот <...> изображал русскую

сельскую школу, а девочка – ученицу этой школы, и имела эта девочка, как гласила подпись под картинкой, следующее престранное для девочки имя: «Петровна» [4, с. 60].

Тем не менее, подобные страноведческие ошибки не мешали энтузиазму. Джон Голсуорси (*John Galsworthy*) в эссе «Русский и англичанин» (1916) утверждал, что обе нации созданы как две половинки единого целого, им уготована прочная и взаимно обогащающая дружба, а литература послужит им прекрасным подспорьем для лучшего взаимопонимания. Сомерсет Моэм (*William Somerset Maugham*) в сборнике новелл «Эшенден» (1928) описал увлечение своих соотечественников Россией с присущей ему иронией: «Все читали русских прозаиков, русские танцоры покорили цивилизованный мир, русские композиторы затронули душевные струны людей, начинающих уставать от Вагнера. <...> ...высоколобые без малейшей запинки называли себя представителями *intelligentsia*. На английском слово это произносилось легко, хотя с правописанием возникали проблемы. Эшенден не отставал от других. Сменил обивку мягкой мебели в гостиной, повесил на стену икону, читал Чехова и ходил на балет» [12, с. 286]. С той же иронией писатель сообщает, что в глазах его русской приятельницы «Эшендену виделись бескрайние российские степи, Кремль с бьющими колоколами, пасхальные службы в Исаакиевском соборе, густые серебристые березовые леса и Невский проспект. Просто удивительно, сколь много видел он в этих глазах, круглых, блестящих, чуть выпученных, как у пекинеса. Они напоминали об Алеше из «Братьев Карамазовых» и о Наташе из «Войны и мира», об Анне Карениной и «Отцах и детях» [12, с. 287].

Побывав в России летом и осенью 1917 года, этот автобиографический герой Моэма испытал жестокое разочарование. На вопрос знакомого американца, что он теперь думает о русских, Эшенден отвечает: «Я сыт ими по горло. Я сыт по горло Толстым, сыт по горло Тургеневым и Достоевским, сыт по горло Чеховым. Я сыт по горло интеллигенцией. Я стосковался по людям, которые не меняют своих намерений каждые две минуты, которые, обещая, не забывают о своем обещании час спустя, на чье слово можно положиться; меня тошнит от красивых фраз...» [12, с. 312]. Как видно, возвышенные ожидания, порожденные знакомством с шедеврами чужой культуры, не выдержали соприкосновения с прозой жизни, а именно – с неудачными деловыми контактами англичанина в Петрограде.

Помощь Великобритании белым армиям отразилась в художественной литературе двояко. Советские писатели рисуют эту помощь как мощное явление, гиперболизируя масштабы присутствия англичан на фронтах гражданской войны и степень их боевой

активности. Так, в стихотворении В.В. Маяковского «Левый марш» (1918) с красными воюют не столько белые, сколько Запад, прежде всего Британия:

Пусть,
оскалясь короной,
вздывает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной [10, с. 106].

В поэме «Хорошо!» (1927) тот же автор изображает, как Советскую республику взяла в кольцо «морей владычица, бульдожья Британия» [11, с. 384]: всюду ее подводные лодки и «с пушками чудовищной длинноты сверх-дредноуты» [11, с. 383], ее солдаты плывут из Дувра к Архангельску «с песней, с виски, сыты по-свински» [11, с. 382].

А кому
на суше
грабить охота,
те
с кораблей
сходили пехотой [11, с. 384].

В этой поэме англичане проходят по русской земле, подобно полчищам Батыя: наполняют реку «кладью страшною», то есть трупами и кровью; сжигают деревни («как над серыми хатами огненные перья»); британский полковник, который «прихлебывает виски», весь «Мурманск разизнасиловал» [11, с. 385-386]. При этом Маяковский с иронией цитирует известную маршевую песню британской армии «Долог путь до Типперери» (*It's a Long Way to Tipperary*, 1912) [11, с. 386].

По контрасту, в литературе русского зарубежья многократно звучит тема напрасных ожиданий британской помощи белым и отсутствия реальной борьбы англичан с красными. В повести Л.Ф. Зурова «Кадет» (1928) слухи о приближении англичан воодушевляют патристичную молодежь Ярославля на решительные действия. Кадеты, лицеисты, студенты объединяются в отряд под восклицание учителя: «Наконец-то получено известие, что в Вологде англичане <...>. Положим конец владычеству большевиков!» [6, с. 75]. Подобные надежды на англичан рисует и А.И. Куприн в мемуарной повести «Купол святого Исаакия Далматского» (1928), где житель Гатчины, потерявший сыновей на Первой мировой войне, при Советской власти каждый день «говорил мечтательно»: «Завтра, послезавтра придут англичане (оказывается, и он верил в англичан) — и принесут нам свободу. А с ними придут мои Коля и Никитушка. <...> Они принесут нам белого вкусного хлеба. И английского сала,

и шоколаду. И немного виски...» [8, с. 20]. В этой мечте англичане приносят с собой, по сути, рай: свободу, пир, воскресение дорогих мертвецов.

Для сравнения, Л.Н. Андреев в своей заметке «S.O.S» (1919) так описывает настроения жителей столицы в конце 1918 – начале 1919 гг.: «Это были сказочно-прекрасные, фантастические дни, когда улыбнулся измученный, мрачный Петроград и поверил в англичанина как в Бога; это были страшные и счастливые сны, грезы мученического безумия, когда в каждом выстреле угадывали английскую пушку и бегали на Неву, чтобы посмотреть на английский флот, «прибывший ночью». И дрожали убийцы, и достаточно было показать только чучело англичанина, чтобы вся эта Каинада обратилась в паническое бегство. И... что вышло? Обманутые живые и мертвые» [2, с. 341-342].

Чувствовал себя обманутым и автор «Купола святого Исаакия». Называя себя «пламенным бардом» [8, с. 64] Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича, Куприн обличает «эгоистическое равнодушие англичан» [8, с. 81], поддержки которых этой армии не хватало: «Англичане обещали оружие, снаряды, обмундирование и продовольствие. Лучше бы они ничего не обещали! <...> ...англичане... уверяли, что дело танков лишь производить издали потрясающее моральное впечатление, а не участвовать в бое. В своей армии они этого не посмели бы сказать» [8, с. 79].

Переход от надежд на благодатное вмешательство англичан к возмущению их действиями прослеживается и в творчестве И.С. Шмелева. В 1919 г. он создает в Алуште аллегорическую сказку «Иностранное тело», где англичанин Тайм хирургическими средствами исцеляет Ванюшку (то есть русский народ) от помешательства, а затем вразумляет пациента с помощью библейских заповедей и русских пословиц, то есть выступает носителем мудрости. Тайм берет за свою помощь огромный гонорар, что упомянуто без осуждения – скорее, с уважением к практичности и основательности иноземного мастера: «Зато прочно-с, можете быть спокойны» [21, с. 598]. Но уже через год надежды писателя на помощь англичан в устранении последствий революции остались в прошлом, что не замедлило отразиться в его произведениях, посвященных гражданской войне. Герой сатирического рассказа И.С. Шмелева «Письмо лейтенанта» (1920), офицер британского военного флота Гарри Скеттлз не намерен принимать участие в боях с красными; находясь в Крыму, он предлагает соотечественникам «скупить еще уцелевшее: музеи, библиотеки, бронзу, фарфор, монеты, бриллианты, картины... <...> Может быть, нам удастся разобрать и перевезти такие памятники, как Кремль в Москве, колокольню «Иван Великий» <...> и «Медного всадника»...» [21, с. 519-520]. Заметим, что гротескный

характер планов Скеттльза отчасти определяется литературным генезисом персонажа: фамилию лейтенанта, как и фамилии всех упомянутых в этом рассказе англичан, Шмелев заимствовал из романа Ч. Диккенса «Домби и сын». В романе Шмелева «Няня из Москвы» (1933) и рассказе «Виноград» (1936) англичане, прибывшие в Крым на помощь белым, так же не заняты ничем, кроме поисков наживы: «...все забирают за грош <...> и к себе волокут» [20, с. 129]; для рассказчика они – «страшный образ незаполняемой пустоты, ничем неоплаченной издевки» [20, с. 129-130].

Глубина разочарования русских писателей в их надеждах на англичан коренится в завышенных ожиданиях, порожденных восхищением английской культурой. Так, образы бескорыстных британских джентльменов, готовых пожертвовать собой ради счастья человечества, наполняют повесть А.И. Куприна «Жидкое солнце» (1913), где вся «английская нация не только идеализируется, но и романтизируется» [5, с. 127]. Гипертрофированное представление о национальных достоинствах англичан было свойственно и Л.Н. Андрееву, утверждавшему, что англичанин – это «тот человек, у которого слово подобно закону и обещание равно исполненному делу» [2, с. 346]. Закономерно, что столкновение с реальностью породило те же чувства, которые испытал и Моэм, мало подготовленный к встрече с Россией идеальными образами русской литературы.

Впоследствии воплощением мечты многих русских людей о весомой военной британской помощи белым стал роман В.П. Аксёнова «Остров Крым» (1979), где вымышленный лейтенант Ричард Бейли-Лэнд в ноябре 1920 года самовольно открывает огонь из корабельного орудия. «Стучали телеграфные аппараты по всему Крыму: английский флот отражает наступление красных! Неожиданный шквал вдохновения охватил белую армию» [1, с. 308]. В результате войска Врангеля вместо эвакуации успешно защищают Крым и на десятилетия превращают его в процветающую страну. Однако и в этом произведении англичанин изображен с иронической дистанции; Бейли-Лэнд лишен у Аксёнова героических или романтических черт: «Оттопыренные уши, надменно-придурковатый взгляд, зализанный пробор. <...> ...эдакий гимназист-переросток» [1, с. 309]. Дерзкий поступок англичанина в романе объясняется тем, что «он был слегка с похмелья» [1, с. 307] и, как позже уверял в интервью, не стремился спасти Российскую империю или демократию: ему «просто была любопытна сама ситуация», а «больше всего интересовала эффективность главного калибра» [1, с. 308].

Парадоксальность восприятия британского участия в русской гражданской войне воплотилась и в эпосе М. А. Шолохова «Тихий Дон» (1926–1940). Находясь в рядах Белой армии, Григорий Мелехов проявляет демонстративную грубость при встрече в одной из станиц с английским офицером-артиллеристом. Сослуживец главного героя удивлен таким поведением:

« – ...Ты, оказывается, против иностранного вмешательства? Но, по-моему, когда за горло берут — рад будешь любой помощи.

– Ну, ты и радуйся, а я бы им на нашу землю и ногой ступить не позволил!

– Ты у красных китайцев видел?

– Ну?

– Это не все равно? Тоже ведь чужеземная помощь.

– Это ты зря! Китайцы к красным добровольцами шли.

– А этих, по-твоему, силою сюда тянули?

Григорий <...> долго ехал молча, мучительно раздумывая, потом сказал, и в голосе его зазвучала нескрываемая досада:

– <...> Я, брат, чую, что тут ты неправильно гутаришь, а вот припереть тебя не умею...» [19, с. 393].

В данном случае Григорий пользуется «двойной бухгалтерией»: одно и то же явление (в данном случае, участие иностранцев в русской гражданской войне) представлено как недозволенное одному из противников и позволительное для другого. Еще являясь формально офицером, герой «Тихого Дона» фактически уже на стороне красных, так как дает им право, в котором белым отказывает – право использовать иноземную военную силу.

Впоследствии Григорий вынужден делить ночлег с лейтенантом Кэмпбеллом, инструктором по вождению танков в Донской армии; по рассказу его переводчика, этот британский офицер участвовал в боях с большевиками, едва не попал в плен «и с похвалой отзывается о красных» [19, с. 465]. Примечательно, что к Донской армии в 1919 году был прикомандирован капитан Ангус Джон Кэмпбелл (1888–1958). По свидетельству другого британского инструктора той же армии, артиллериста Хадлстона Уильямсона (1886–1971), Кэмпбелл еще до революции увлекся Россией, выучил русский язык и приехал помогать белым, считая себя «причастным к крестовому походу против коммунистов»; при этом он «иногда был охвачен таким маниакальным восхищением Россией, что терял голову, и так громко симпатизировал всему, что когда-либо сделали русские, что некоторые лица в штабе смотрели на него с огромным подозрением» [16, с. 37]. Как видно из приведенной цитаты,

этот джентльмен относился к числу тех довольно многочисленных британцев, которых К.И. Чуковский назвал «плененными Россией» [18, с. 104]. Литературный образ, созданный Шолоховым, достаточно далек от исторического прототипа: в «Тихом Доне» Кэмпбелл русским языком не владеет и, несмотря на свою связь с белыми, вряд ли сочувствует их целям, поскольку воспринимает их действия как борьбу с народом: «Он говорит, что народ нельзя победить» [16, с. 466].

Мелехов и лейтенант Кэмпбелл симпатизируют друг другу. Приставленный к инструктору переводчик, поручик Щеглов, жалуется Григорию: «...он меня замучил, этот английский боров! Пьет с утра и до поздней ночи. Хлещет ну бесподобно! Я сам, знаете ли, не прочь выпить, но в таких гомерических размерах не могу. <...> Ему одному в сутки надо не меньше четырех-пяти бутылок коньяку» [16, с. 462-463]. В дальнейшем Кэмпбелл и Григорий действительно выпивают за ночь пять бутылок коньяка, чего несчастный Щеглов осилить не может. Однако сначала переводчик сам предлагает Мелехову: «Давайте выпьем за родину этого дурака и пьяницы. Он, правда, скотоподобен, но родина его хороша» [16, с. 465]. Между тем Кэмпбелл предпочитает общество не англomана Щеглова, а Григория: пусть тот не считает, что Англия хороша, и не знает ни слова по-английски, зато пьет наравне с ним. Иначе говоря, в «Тихом Доне» главный герой располагает к себе попутчика-англичанина способностью выпить много крепкого напитка – точно так же, как в «Левше» Н.С. Лескова.

По наблюдению А.А. Орлова, в России традиционно считали британцев склонными к пьянству, что воспринималось как «один из главных национальных пороков» [15, с. 317]. Действительно, еще в повести М.Ю. Лермонтова «Бэла» (1839) Максим Максимыч утверждает, что англичане «всегда были отъявленные пьяницы» [9, с. 483]. Та же мысль звучит и в анонимных стихотворениях времен Крымской войны 1953–1855 гг. [15, с. 173, 208], и в стихотворении А.И. Несмелова «Интервенты» (1920), изображающем иностранных участников гражданской войны в Сибири: «Англичанин давно / Ничего не любил, кроме трубки и виски» [14, с. 116]. И то, что в эпопее М.А. Шолохова англичанин замучил своего русского спутника требованиями пить вместе с ним, можно считать проявлением этого национального мифа. При этом в мемуарах Х. Уильямсона «Прощание с Доном», изображающих те же места и те же события, все наоборот: тут именно русские изо дня в день заставляют британцев в любое время суток пить крепкие напитки, что для англичан весьма утомительно [16, с. 62-63, 144].

Итак, словесные образы межкультурной коммуникации участников гражданской войны предоставляют возможность для анализа литературной репрезентации национального Другого в историческом измерении. Имагологический аспект произведений, посвященных этой трагической странице истории, остается малоизученной темой, ждущей дальнейших исследований.

Библиографический список:

1. Аксёнов В.П. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4: Остров Крым. Желток яйца (Романы). Свияжск (Повесть). М.: Юность, 1994.
2. Андреев Л.Н. S.O.S.: Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919) / Под ред. и со вступ. ст. Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана. М.; СПб: Atheneum; Феникс, 1994.
3. Байрон Дж.Г. Избранное: в 2 т. Т. 2: Дон Жуан: Поэма / Пер. с англ. Т. Гнедич. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998.
4. Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.
5. Желтова Н.Ю. Константы национального характера в литературе первой половины XX века. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006.
6. Зуров Л.Ф. Кадет // Проза русского зарубежья. II. / Сост. и коммент. О. Дарк. М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. С. 49-108.
7. Крикунов В. Баллада о доблестном рыцаре Харькове // Очевидное и невероятное. 2008. № 3. С. 89-92.
8. Куприн А.И. Эмигрантские произведения: Купол святого Исаакия Далматского; Извоишк Петр. М.: «Раритет», 1992.
9. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Правда, 1990.
10. Маяковский В.В. Сочинения в двух томах. Т. 1. / Сост. Ал. Михайлова; Вступ. ст. А. Метченко; Прим. А. Ушакова. М.: Правда, 1987.
11. Маяковский В.В. Сочинения в двух томах. Т. 2. / Сост. Ал. Михайлова; Вступ. ст. А. Метченко; Прим. А. Ушакова. – М.: Правда, 1987.
12. Моэм С. Эшенден, или Британский агент: [рассказы; пер. с англ.]. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
13. Набоков В.В. Круг: Поэтические произведения; Рассказы. Л.: Художественная литература, 1990.
14. Несмелов А.И. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы / Сост. и комм. Е.В. Витковского, А.В. Ревоненко. М.: Моск. рабочий, 1990.
15. Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М.: «Гиперборея», «Кучково поле», 2008.
16. Уильямсон Х. Прощание с Доном: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920 / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М.: ЗАО Центполиграф, 2007.
17. Цветкова М.В. Образы помещиков-англоманов в русской литературе XIX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 2 (30). С. 106-111.
18. Чуковский К.И. Англия накануне победы. Пг.: Издание т-ва А. Ф. Маркса, 1916.

19. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман: В 4 кн. Т. 2. Кн. 3, 4. М.: СЛОВО/SLOVO, 2001.
20. Шмелёв И.С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. М.: Русская книга, 1998.
21. Шмелёв И.С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 8 (доп.): Рваный барин: Рассказы. Очерки. Сказки. М.: Русская книга, 2000.

Sheshunova S.V. "General Kharkov" and other paradoxes of Russian-British cross-cultural communication during the Civil War

The article is devoted to the imagological aspect of fiction on the Revolution and the Civil War in Russia. The purpose of this article is to examine the representation of the Russian-British contacts in the period of 1917-1920 in the works by S. Maugham, V. Mayakovsky, M. Sholokhov, A. Kuprin, I. Shmelev and others. The author highlights the mistakes of the British in the understanding of Russian onomastics and ethnic stereotypes, typical for the "British myth" in Russian literature. Soviet writers depict British involvement in the Russian Civil War as a powerful phenomenon; Russian writers abroad, on the contrary, accuse Britains of non-interference and inaction.

Keywords: imagology, the Civil War in literature, Russian-British cross-cultural communication, "British myth" in Russian literature

УДК 811.112.2

Н. В. Шимон

Употребление заимствований – «боль» русского современного языка

Аннотация:

В статье обсуждается актуальная проблема упрощения и искажения норм русского языка в связи с процессом заимствования. Автор приходит к выводу, что негативные изменения в языке неизбежны и необратимы, так как отвечают требованиям современного общества, мобильного и зависимого от виртуальной реальности. Как следствие, исследователи все чаще говорят о том, что русский язык истощается, теряет свой блеск и глубину.

Ключевые слова: заимствования, иноязычные слова, язык, развитие, загрязнения, транслитерация

Об авторе: Шимон Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», и.о. зав. каф. иностранных языков и русского как иностранного; эл. поста: kutepovan@mail.ru

*«...И как всякий безграмотный человек ты имеешь необъяснимое пристрастие к
звучным иностранным словам, употребляешь их к месту и не к месту,
искажаешь невероятно...»
М.А. Шолохов «Тихий Дон»*

Заимствование иностранных слов – процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.). Термин «заимствование» используют для обозначения как самого элемента, переходящего из одного языка в другой, так и для процесса этого перехода. Заимствования становятся результатом контактов народов, государств, профессиональных сообществ.

Обычно заимствуются слова; реже – синтаксические и фразеологические обороты. Заимствование звуков и словообразовательных морфем из других языков происходит в результате их вторичного выделения из большего числа заимствованных слов.

Заимствования приспособляются к системе заимствующего языка и зачастую настолько им усваиваются, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями этого языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа. Таковы, например, старые тюркизмы в русском языке: «башмак», «ватага», «казак», «очаг» [9].

Процесс заимствований характерен для любого языка, это нормальное и даже неизбежное явление. Во-первых, заимствования необходимы в том случае, когда в родном языке совершенно отсутствует слово для выражения того или иного понятия. Заимствование тогда выступает как «спаситель» для языка, в котором отсутствует это понятие. Во-вторых, отдается дань моде: под влиянием иностранной культуры люди считают, что с употреблением заимствований их речь выглядит более богатой.

Предметом настоящего исследования является диахронический процесс становления и развития заимствований в русском языке в настоящее время. Материалом исследования послужили примеры, выделенные методом сплошной выборки, из отечественных и зарубежных журналов и газет. При изучении фактического материала наряду с ведущим методом диахронического анализа применялся метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Ф. де Соссюр выдвинул гипотезу о том, что «система построения любого языка есть образование динамическое и активное, основывающееся на притяжении и живом взаимодействии между отдельными языковыми компонентами» [11, с. 17]. Общим свойством динамических сложных систем, к которым относится язык, является то, что они постоянно балансируют между стабильностью и беспорядком. Удел таких систем – по самой своей природе находиться на грани хаоса. Развитие языка представляет собой результат борьбы внутренних противоречий, которые происходят в реальном его существовании. Одно из таких противоречий, по-видимому, выражается в том, что язык постоянно претерпевает влияния извне, и эти влияния вступают в конфликт с установившимися языковыми навыками.

Англоязычные заимствования, формирующие и пополняющие вокабуляр русского языка, органично сочетаются с морфологическими средствами русского языка. Они позволяют интегрировать заимствованные лексемы с помощью широко представленных словообразовательных формантов, в этом и проявляется стремление создавать новую лексику на базе заимствования существующему русскому слову.

Язык лучше всего отражает изменения в культурной, политической и социальной жизни. В языке находят свое воплощение все особенности того или иного языкового

сообщества. Современное состояние развития компьютерной науки и техники активизировало многие процессы в языке и, прежде всего, затронуло его лексическую систему. Современный русский язык находится под воздействием Интернета и принятых в нем сокращений. Массовое употребление заимствований в русской транслитерации ухудшает качество русского языка – растет множество ошибок в написании, а именно в орфографии и пунктуации. Дети, с раннего возраста знакомые с компьютерным сленгом, испытывают большие затруднения с орфографией родного языка; среди них даже наблюдается тенденция писать любые слова слитно.

Казалось бы, использование модных заимствований и компьютерного сленга – удел только определенных слоев населения. Однако языковая среда неизбежно «навязывает» подобную лексику и людям старшего поколения, которым, например, могут задать на кассе непонятный им вопрос, привязана ли их карта к смартфону и используют ли они приложения. Яркой иллюстрацией подобного использования заимствований может служить объявление в магазине «Пятерочка»: «У «Пятерочки» есть славный телеграм бот... с помощью бота вы сможете вызвать кассира». Представляется, что понимание выражения «телеграмм бот» неизбежно вызовет затруднения у множества покупателей. Такое восприятие объявления едва ли соответствует репутации «Пятерочки» как сети наиболее доступных и демократичных магазинов; однако ради моды на англоязычные слова администрация в данном случае идет даже на заведомую коммуникативную неудачу.

С другим примером неумеренного использования заимствований можно столкнуться при заказе торта в Интернете. На странице производителя потенциального покупателя ждет сообщение: «...слетел планировщик постов в инстаграм...он не пускает в аккаунт и не получится выбрать фото для поста... Значит, пишите в личку». Ассортимент, предложенный производителем тортов на той же странице в Интернете, включает *брендированные безе, компоте, дакауз, алкализированный какао, кремчиз, ароматизированную бобами тонку, смородиновое кремю, золотой шиммер* и т.д. Этот набор заимствований мало чем поможет покупателю при выборе. Любопытно, что при устном общении по телефону производитель объяснит состав упомянутых тортов вполне доступно, употребляя исконно русские слова.

Журналы мод дают для нашего исследования не меньше ярких примеров. Почти на каждой странице можно встретить фразы типа *«Звезда» появилась на публике в модном аутфите; Как я выгляжу в новом луке?; Мы организуем для Вас специальное шоу минипигов; Это все хэндмейд, а не фейк; Все очень креативненько*. Здесь было бы уместно

вспомнить изречение В.А. Жуковского, прекрасно знавшего европейские языки и оставившего нам образцы перевода: «Всякое слово, получающее место в лексиконе языка, есть событие в области мысли». Можно ли увидеть «события в области мысли» в потоке плохо осмысленных заимствований? Академик А.А. Шахматов полагал, что «история русского языка – это история постепенного развития русского просвещения». Полагаем, что современный процесс заимствования свидетельствует о наличии у отечественного просвещения значительных проблем.

В ходе данного исследования были выявлены следующие сферы массового употребления заимствований в современном русском языке: мода, спорт, сфера питания, Интернет. Заимствования отбирались для анализа методом сплошной выборки.

Сфера употребления	Русский язык	Английский язык (заимствования с русского и немецкого языков)	Немецкий язык
1. Мода	<i>блогеры, брючные костюмы селебритиз, обозначить тренды, музыкант снялся в лукбуке, российский бренд, средства стайлинга, маска с глиттером. Нюдовый маникюр, шугаринг, пилатес, шейпинг, шапка-бини, снуд, митенки, пальто-оверсайс, плазмолифтинг, ботокс, Олдскульная программа, стейк, веганская еда, гаджеты, девайс, спорткар, спойлер, тест-драйв.</i>	-	Mit ueberraschender Coolness, der Deal, die besten Apps, Highlights, manager magazine, pures Glueck.
2. Спорт	<i>Фитнес-кемп, коллобация Nike и Off-White, клакеры, киберспорт, стритстайл-инфлюенсер</i>		Skifahren, After-Baby-Body
3. Сфера питания	<i>Мастхев, ванлав, омномном, чикен ленд, паб, изи паб, блю чиз</i>	Русские реалии: Seledka pod shuboi, ukha, borsch, venegret, zakuski, kartoshka cake	Kokosmakronen, Fondue (фр.), das Superfood
4. Интернет	<i>Лайфхак, аккаунт в инстаграме, видеограф, продакин, джойстик, цифровой микроскоп, сканер, встроенный динамик, тачпад, тачскрин, пейджерист, лузерист, поюзать, погуглить, френдизм, бестовый, драйвовый</i>		die Homepage, mit unserem Newsletter, die neuesten Online-Beitraege.

Из таблицы видно, что в современном русском языке отмечается намного большее количество заимствований из английского языка, чем в современном немецком. А английский язык использует заимствования только для иноязычных реалий, для обозначения которых не существует исконно английских слов.

Отдельно отметим русские слова, употребляемые в латинской транслитерации (например, в рекламе). Напиток, не содержащий молока: *ne moloko*. Названия соков, журналов, газет: *dobriy, krestyanka* и т.д.

Напомним, что существуют сферы, в которых транслитерация русских слов не только допускается, но и является необходимой:

1. Транслитерация по приказу МИД №4271 используется для оформления загранпаспортов.
2. Транслитерация по приказу МВД №995 используется для выдачи водительских удостоверений и на данный момент (2019 г.) совпадает с транслитерацией для загранпаспортов.
3. Транслитерация для Яндекс. Часто в качестве названия страницы сайта используют название самой статьи английскими буквами, чтобы достичь хороших результатов в поисковых системах.

Однако приведенные выше примеры под эту классификацию не попадают.

Существует большое количество гипотез относительно будущего английского языка как международного средства общения, отмечает О.А. Бубенникова [2, с. 6]. С одной стороны, английский язык в качестве “*lingua franca*” может быть вполне удобен, так как для миллионов пользователей он уже не имеет сильного культурного подтекста. Можно с большой уверенностью предполагать, что в дальнейшем будет расширяться международный «лексикон», что приведет к созданию общекультурного универсального языка. С другой стороны, учитывая статистические данные, скорее всего английский язык в ближайшем будущем может стать языком не всемирного межнационального общения, а всего лишь европейского меньшинства, уступив мировое лидерство китайскому языку, хинди и урду. Парадокс в развитии английского языка заключается в том, что он вышел из-под контроля его породившего его национального сообщества. Его будущее, считает О.А. Бубенникова, будут определять не носители английского языка, а люди, говорящие на разных национальных языках [2, с. 7]. Поживем – увидим.

Процесс заимствования, разумеется, нельзя остановить. Однако нельзя и не обеспокоиться тем, что этот процесс может привести к серьезному загрязнению русского

языка и стать источником проблем общения русскоязычных людей разных поколений. Поэтому как нельзя более актуальными являются слова И.С. Тургенева: «Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Библиографический список:

1. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М.: «Языки русской культуры», 1996. 460 с.
2. Бубенникова О.А. О языковой ситуации в современной Англии // Германистика в России. Традиции и перспективы. Материалы научно-методического семинара. Новосибирск, 2004. С. 7-10.
3. Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/заимствования> (дата обращения 30.12.2018).
4. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: автореф. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Галичкина Елена Николаевна. Волгоград: ВГУ, 2001. 24 с.
5. Гусейнов Г.Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 56.
6. Демьянков В.З. Новаторство лингвистической теории и креативность речи // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: Сб. статей, в честь 70-летия В.А. Виноградова / Отв. ред. В.З. Демьянков, В.Я. Порхомовский. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 535-542.
7. Долин Ю. Губительное влияние интернета? О грамотности студентов-журналистов МГУ // Газета «Оренбургский университет». 2009. № 47.
8. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Аст, 2017. 504 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
10. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006.
11. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А.М. Сухотина; под ред. и с прим. Р.И. Шор. М.: Соцэкгиз, 1933. 272 с.

Интернет-источники:

12. Режим доступа: [http:// www.cosmo.ru/](http://www.cosmo.ru/) (дата обращения: 30.12.2018).
13. Режим доступа: [http:// www.vogue.com/magazine/](http://www.vogue.com/magazine/) (дата обращения: 28.12.2018).
14. Режим доступа: [http:// www.mhealth.ru/](http://www.mhealth.ru/) (дата обращения: 30.12.2018).
15. Режим доступа: [http:// www.krestyanka.com/](http://www.krestyanka.com/) (дата обращения: 29.12.2018).
16. Режим доступа: [http:// www.britte.de/](http://www.britte.de/) (дата обращения: 03.01.2019).
17. Режим доступа: [http:// www.dobriy.ru/](http://www.dobriy.ru/) (дата обращения: 05.01.2019).

Shimon N.V. The using of loans – "pain" of Russian modern language

The article discusses the actual problem – simplification and distortion of the rules of the Russian language in connection with the lending process. The author comes to the conclusion that negative changes in language are inevitable and irreversible, since they meet the requirements of

modern society, mobile and quickly transformed, depended on virtual reality. As a result, many researchers are increasingly saying that the Russian language is being depleted, losing its brilliance and depth.

Keywords: loans, foreign-language words, language, development, pollution, transliteration

Лингвистические исследования и практика образования

УДК 81.34

К. В. Ефремова, Е. И. Ражева

Новые цели и стратегии в обучении английскому произношению

Аннотация:

Кафедра лингвистики Государственного университета «Дубна» традиционно уделяет пристальное внимание фонетическому аспекту дисциплины «Иностранный язык» в рамках курса «Бакалавр лингвистики», считая формирование представлений о фонетических средствах английского языка важной составляющей профессиональной подготовки своих студентов. В связи с глобализацией английского языка, демократизацией общества и с расширением международного взаимодействия перед преподавателями все чаще встает вопрос о новом осмыслении роли произносительной нормы и, возможно, пересмотра приоритетов в области обучению произношению. В данной статье уделяется особое внимание понятию «произносительная норма», описываются некоторые тенденции в современном английском произношении, и обосновывается необходимость смены некоторых подходов к формированию произносительных навыков, профессионально значимых для лингвистов, специализирующихся в английском языке.

Ключевые слова: языковая норма, произносительная норма, система кардинальных гласных, внятность речи, артикуляционные навыки, аудитивные навыки.

Об авторах: Ефремова Ксения Валерьевна, Государственный университет «Дубна», старший преподаватель кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: ksenich221@mail.ru

Ражева Елена Ивановна, Государственный университет «Дубна», старший преподаватель кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: yelenara@mail.ru

Общепризнано, что обучение фонетике является первостепенной задачей в изучении иностранного языка как средства коммуникации. В профессиональной подготовке

лингвистов, преподавателей иностранных языков и специалистов по межкультурной коммуникации преподавание фонетики не сводится только к имитации артикуляционных действий и использования интонационных моделей. Серьезное внимание уделяется освоению теоретической базы, что включает в себя изучение общенаучных представлений о строении и функционировании речевого аппарата, природе и характеристиках звуков речи, их восприятии и функциях в коммуникации [3]. Овладение этими знаниями и произносительными навыками, которые подразумевают не только артикуляционные умения, но и правильное использование интонационных моделей, характерных для изучаемого языка, является залогом не только адекватного звучания, но и основой формирования аудитивных привычек, позволяющих воспринимать иностранную речь в многообразии акцентных и стилистических вариантов [4] .

В Российской Федерации преподавание фонетики английского языка осуществляется в условиях искусственного билингвизма, т.е. в условиях отсутствия иностранного окружения, когда родной язык играет доминирующую роль, а изучаемый иностранный язык становится в большей или меньшей степени продуктом обучения посредством родного. Таким образом, родной язык признается основным для установления соответствия с любым вторичным языком, что имеет важное методическое значение, так как говорит о необходимости сопоставлять фонетические системы двух языков: родного (русского) и иностранного (английского). Следовательно, для преподавателей и студентов русский язык всегда является некой точкой отсчета в процессе овладения произносительными навыками.

В преподавании практической фонетики английского языка, то есть в работе над овладением характерных артикуляционных навыков, традиционно использовался подход, который условно можно назвать «конвергентно-дивергентным». Предполагается, что в обучении фонетике можно «подправить» произношение определенных звуков, схожих в артикуляционном отношении со звуками родного (русского) языка – то есть следовать по пути конвергенции, совпадения. В отношении других звуков, кардинально отличающихся от привычных для родного языка, ставится задача как можно более контрастного воспроизведения релевантных артикуляционных черт – дивергенция, то есть «расхождение». Например, в работе над освоением произношения согласных конвергентный подход применим в освоении артикуляции билабиального сонорного /w/: хотя подобного звука нет в русском языке, он может быть реализован как укороченный по времени произнесения русский звук [y] в начале слога. Примером реализации

дивергентного подхода, направленного на формирование контрастных по сравнению с родным языком артикуляционных привычек, может послужить процесс обучению произношению английских дифтонгов – гласных звуков, образующих один слог, то есть представляющих одну фонему языковой системы, которая, из-за характерной длительности произнесения и в силу этого изменяющегося качества звучания в процессе произнесения, воспринимается как два последовательных гласных элемента. Технически, переход от одного элемента к другому должен быть практически неуловимым, в противном случае происходит то, что принято называть «расщеплением дифтонга» (*splitting of the diphthong*). В результате внятной артикуляции обоих гласных элементов последовательность воспринимается как двусложная, а это приводит к изменению ритмической структуры высказывания и может исказить его смысл. Здесь в качестве иллюстрации можно сравнить произношение английских слов *EMPLOY* и *EMPLOYEE*: первое слово является двусложным, второе – трехсложным.

Для осуществления конвергентно-дивергентного подхода требуется сопоставление «фонетических картин» родного и изучаемого языка, но, как показывают исследования, современная «фонетическая» картина английского языка быстро меняется, что вызвано различными причинами. С одной стороны, центральное место в коммуникации все стремительней занимает устное общение, это связано не только со все возрастающей «мобильностью» населения планеты – люди добираются к месту работы на самолетах как на общественном транспорте. Вместе с тем, все большие возможности личного – “*face-to-face*” – общения обеспечиваются сегодня достаточно совершенными уже компьютерными технологиями.

С другой стороны, в связи с процессом глобализации все больше упрочивается роль английского языка как *lingua franca* - средства для общения между собой представителей разных стран и различных культур. В связи с этим усиливается взаимовлияние разнообразных, в том числе и не английских произносительных акцентов и речевых привычек. «На настоящий момент вариативность английского языка в мировом коммуникативном пространстве достигла, можно сказать, своего апогея и потому заслуживает более пристального внимания не только ученых, но и практиков, связанных со сферой обучения английскому языку в условиях языковой интерференции» [2, с. 140]. В сложившейся ситуации все серьезнее встает вопрос о выборе произносительного образца для обучения, то есть такого варианта произношения, который являлся бы целью для описания, изучения и подражания.

При выборе такого варианта на первый план выходит понятие **нормы** языковой и произносительной. Вербицкая определяет понятие «языковой нормы» как «совокупность явлений, разрешенных системой языка, отобранных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех носителей данного языка» [1, с. 16]. Часто именно норма литературного языка является целью обучения языку, как родному, так и неродному. Если же говорить о норме в контексте произношения, то можно утверждать, что орфоэпическая норма обеспечивает единообразие звукового оформления языка и диктует «инвентарь вариантов, границы варьирования, а также приемлемые и неприемлемые варианты произношения» [5, с. 31].

Английский язык является национальным языком Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии и Канады. В английском языке для британского варианта уже долгое время нормой считается **RP** – (*Received Pronunciation*, т.е. правильное и принятое в высшем обществе произношение), для американского английского – *General American*, для канадского – *General Canadian*, для австралийского – *General Australian* и т.д.

Российская образовательная система традиционно ориентируется на британский вариант английского языка, т.е. выбирает главной моделью произношения RP. Данная разновидность произношения сформировалась на базе южных диалектов и на территории Великобритании традиционно являлась символом правящего класса.

Многие годы люди, изучающие английский язык в его британском варианте, выбирают именно этот социальный акцент в качестве эталонного произношения. И действительно, **RP** имеет ряд преимуществ перед другими британскими социальными и территориальными акцентами: этот вид произношения в настоящее время не ассоциируется с каким-либо регионом Великобритании, он кодифицирован – т.е. зафиксирован в письменной форме, понимается всеми носителями английского языка, считается языком средств массовой информации, также данный акцент подробно описан в образовательной литературе, а постоянные изменения, происходящие в данном акценте, регулярно отражаются в различных орфоэпических словарях (например, *Longman Pronunciation Dictionary* и т.д.). Однако, согласно Дж. Уэллзу, демографические и социальные изменения в Великобритании привели к тому, что RP теряет свою привлекательность: «no longer as desirable as heretofore». В своей статье “*Whatever happens to Received Pronunciation?*”, опубликованной еще в 1997 году, а затем размещенной в его фонетическом блоге в 2002 году, Уэллз рассуждает о критериях, применяемых для определения британской орфоэпической нормы (RP), а также подробно описывает фонетические изменения внутри

данной нормы, зафиксированные с того момента, когда данный акцент был кодифицирован Дэниэлом Джоунзом в образовательных целях [7]. Позднее, в 2011 году, Дж. Уэллз публикует в своем блоге другую статью «*Son of RP*» [8], в которой он развивает высказанные ранее идеи. Ключевые тезисы данной статьи, касающиеся роли RP в современном британском обществе, можно представить следующим образом:

1) С точки зрения социолингвистики, RP ассоциируется с высшими ступенями социальной иерархии, однако данная социальная группа очень немногочисленна, и при выборе орфоэпической нормы необходимо принимать во внимание речь представителей среднего класса. Более того, **RP** ранее ассоциировался с речью образованных носителей британского английского, однако количество молодых людей с университетским образованием со второй половины 20-го века выросло с 7% до 35%, поэтому в настоящее время довольно сложно утверждать, что в современной Великобритании **RP** понимается лучше, чем речь образованных шотландцев, ирландцев или носителей лондонского или манчестерского акцентов.

2) Сам термин *Received Pronunciation* в современных условиях не представляется удовлетворительным: слово «*received*», использованное впервые Уокером в 1774 году, Эллисом в 1869 и Джоунзом в 1926 применительно к описанию акцента, утратило значение «принятый или считающийся правильным большинством».

3) Доминирующий благодаря BBC **RP** (отсюда термин BBC English) в последнее время теряет свои позиции, так как средства массовой информации все чаще и чаще прибегают к использованию более энергичных и живых голосов из регионов (“*more energetic and vigorous voices from the regions*”).

4) Неуклонно теряющие свои позиции термины «*Queen’s English*», «*RP*», «*BBC*», вскоре должны быть заменены другим более подходящим для современной картины термином, например, «*Southern British Standard*», «*Standard Southern British English*» (SSBE), т.д. и т.п.

5) С точки зрения фонетики, RP значительно изменился с начала двадцатого века и продолжает изменяться в настоящий момент: Дж. Уэллз представляет эти изменения в хронологическом порядке, включая такие характерные для современного стандарта черты, как /t/-глоттализацию, интрузивный /r/, исчезновение /ʊə/ и т.д.

Таким образом, несмотря на то, что **RP** традиционно является целью изучающих английский язык как иностранный, вопрос об орфоэпической норме британского английского для самих носителей языка в настоящий момент является достаточно

острым и неопределенным. В результате демократизации общества происходит все большее стирание четких границ между классами, в нормированную речь все чаще и чаще интегрируются черты менее престижных социальных акцентов английского языка. Следовательно, становится очевидным, что произносительная норма английского языка претерпела значительные изменения за достаточно небольшой исторический промежуток времени, что является свидетельством динамического характера ее развития. Такой динамизм представляет собой настоящий вызов для преподавателей английского языка как иностранного в их работе по подготовке специалистов по английскому языку.

Один из самых весомых аргументов в пользу обучения **RP** – это его кодифицированность. Наиболее известная система описания фонетического аспекта стандартного произношения британского английского была предложена выдающимся английским фонетистом, учеником и коллегой Дэниэла Джоунза, А. Гимсоном в середине прошлого века. Данная система символов, описывающих фонемный инвентарь британского английского, разработана на базе символов Международного фонетического алфавита (IPA) и включает в себя большинство первичных кардинальных гласных, две вторичные кардинальные гласные *ɒ* и *ʌ*, а также гласные *æ*, *ɪ*, *ʊ*, не входящие в систему кардинальных, и *ə*, расположенную в центре гласного пространства. Однако важно понимать, что А. Гимсон выбрал данные символы Международного фонетического алфавита для эксплицитного описания привилегированного акцента в 1962 году. В 2018 году данная система хорошо знакома не только специалистам, но и всем изучающим английский язык как иностранный и/или как родной. Многие крупнейшие издательства научной, методической и образовательной литературы (*Longman, Cambridge, McMillan* и т.д.) используют систему Гимсона, фиксируя варианты произношения лексических единиц, и символы именно этой системы ассоциируются у пользователей британского английского варианта с понятием «произносительная норма». В то же время, многие современные фонетисты, такие как Джефф Линзи, полагают, что данная система уже не является эксплицитным и реалистичным способом описания современного звучания британского английского языка, особенно гласных звуков. По мнению Дж. Линзи, реализация в речи гимсоновских символов согласно их характеристикам в Международном фонетическом алфавите (МФА/IPA) для уха носителя языка звучит старомодно и даже забавно [6].

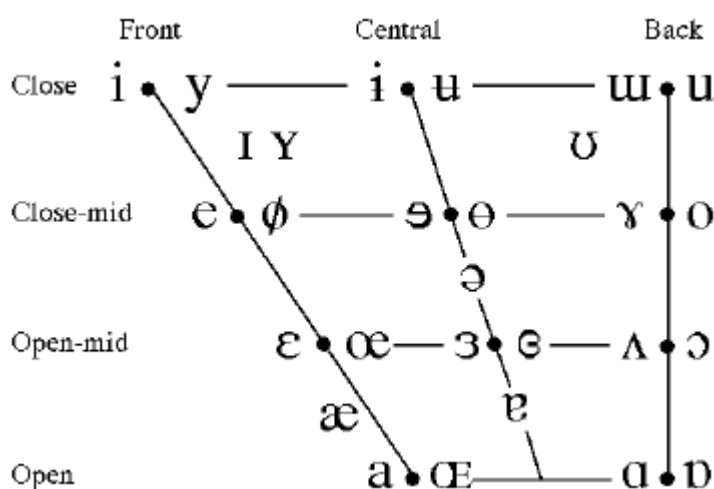
Следовательно, необходимо понимать, что такое неоспоримое преимущество одной из самых известных систем описания фонемного инвентаря английского языка, как ее кодифицированность, одновременно является и некоторым недостатком, поскольку не позволяет отслеживать изменения звуков, реализующих данные фонемы. Приведем ниже таблицу с пятью системами описания гласных английского языка, основанных на символах МФА [6]: система Свита относится к концу 19-го века, системе Джоунза около ста лет, классификация Гимсона насчитывает более 60 лет, Аптона – 20 лет, система Линзи является одним из вариантов отражения текущего звучания английских гласных.

Sweet	Jones	Gimson	Upton	Lindsey	
КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ (МОНОФТОНЫ)					
i	i	ɪ	ɪ	ɪ	KIT
e	e	e	ɛ	ɛ	DRESS
æ	æ	æ	a	a	TRAP
ʊ	ʌ	ʌ	ʌ	ʌ	STRUT
o	ɔ	ɒ	ɒ	ɔ	LOT
u	u	ʊ	ʊ	ə	FOOT
ДЛИННЫЕ ГЛАСНЫЕ (МОНОФТОНЫ) + R					
iə	iə	ɪə	ɪə	ɪː	NEAR
eə	ɛə	eə	ɛː	ɛː	SQUARE
aa	ɑː	ɑː	ɑː	ɑː	START/PALM/BATH
əə	əː	ɜː	əː	əː	NURSE
ɔ	ɔː	ɔː	ɔː	oː	NORTH/THOUGHT
ɔə	ɔː	ɔː	ɔː	oː	FORCE
uə	uə	ʊə	ʊə	əː	CURE
ДЛИННЫЕ ГЛАСНЫЕ (ДИФТОНЫ)					
ij	iː	iː	iː	ɪj	FLEECE
ei	eɪ	eɪ	eɪ	ɛj	FACE
ai	aɪ	aɪ	ʌɪ	ɑj	PRICE
oi	ɔɪ	ɔɪ	ɔɪ	oj	CHOICE
au	aʊ	aʊ	aʊ	aw	MOUTH
ou	oʊ	əʊ	əʊ	əw	GOAT
uw	uː	uː	uː	ɯw	GOOSE
БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ					
ə	ə	ə	ə	ə	COMMA/LETTER
ɪ	i	ɪ	i	ɪj	HAPPY

Применение тех или иных символов МФА для одной и той же гласной фонемы обуславливается различными подходами к анализу гласных или языковыми изменениями. Очевидно, что для осознания различий в реализации фонем британских гласных необходимо на более ранних этапах профессионального обучения знакомить студентов с

основами фонологической теории и, в частности, с системой кардинальных гласных, поскольку именно данная система является базой для многих существующих классификаций.

Система кардинальных гласных Д. Джоунза является инструментом общей фонетики и считается универсальной, поскольку не относится к какому-либо конкретному языку и «представляет собой набор идеализированных вокальных артикуляций, с помощью которых было описано потенциальное пространство гласных» [4, с. 291], т.е. описывает гласные звуки, которые в принципе способен производить голосовой аппарат человека.

Система кардинальных гласных традиционно изучается в рамках курса теоретической фонетики (в Государственном университете «Дубна» – на втором году обучения по программе бакалавриата) и, как правило, не используется в рамках практических занятий. Однако в контексте современной динамичной фонетической картины английского языка представляется необходимым интегрировать инструменты общей фонетики в практические занятия по обучению произношению. Несомненно, гимсоновская система описания фонемного инвентаря английского языка еще долгое время будет доминировать в учебной и профессиональной литературе, однако также очевидно, что попытки создать новую, более современную систему не ограничатся приведенными выше примерами. Следовательно, преподаватель английского языка должен владеть инструментами, которые позволят ему легко ориентироваться в текущих изменениях и понимать их суть.

Необходимость осуществления на более ранних этапах обучения детального и углубленного знакомства с теоретическими основами фонетики и фонологии также диктуется внутренними факторами, так как обучаемая аудитория все чаще включает в себя студентов, родной язык которых не является русским, а, следовательно, сопоставление

английского языка с русским не всегда является эффективной преподавательской стратегией.

Итак, в профессиональной подготовке лингвистов все большую значимость приобретает теоретический аспект, формирование базовых общелингвистических знаний, позволяющих создать прочную основу для эффективной практической деятельности. Такой подход к обучению традиционен и является основополагающим на кафедре лингвистики университета «Дубна». Очевидно, что интеграция теоретического и практического аспектов обучения должна осуществляться не просто систематически (что изначально характерно для нашей практики преподавания), но и более интенсивно, с первых дней обучения. Это поможет создать у студентов-лингвистов консолидированную базу теоретических знаний и практических умений, которая в дальнейшем позволит разносторонне подготовленным специалистам свободно адаптироваться в предлагаемых обстоятельствах и эффективно решать профессиональные задачи.

Библиографический список:

1. Вербицкая Л.А. Русская орфоэпия: К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 124 с.
2. Вишневская Г.М. Фонетический аспект речи в русле межкультурной коммуникации // Язык, культура, речевое общение. Материал международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Марка Яковлевича Блоха. Часть 1. М.: МПГУ, 2015. С. 137-143.
3. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика: Учебник. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 592 с.
4. Соколова М.А. и др. Теоретическая фонетика английского языка. М.: ВЛАДОС, 1996. 286 с.
5. Шахбагова Д.А. Основные категориальные свойства фонетической системы английского языка целостность, устойчивость и вариативность: Текст лекций. М.: МГПИИШ им. М. Топрева, 1988. Ч. I. 56 с.
6. Lindsey G.A. BrE vowel symbols [Electronic resource] // Speech Talk Blog. URL: <http://www.englishspeechservices.com/blog/bre-vowel-symbols> (Access: 21.10.2018).
7. Wells J.C. Whatever happened to Received Pronunciation? [Electronic resource]. URL: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/rphappened.htm> (Access: 15.10.2018).
8. Wells J.C. Son of RP [Electronic resource] // John Wells's phonetic blog. URL: <http://phonetic-blog.blogspot.com/2011/10/son-of-rp.html> (Access: 15.10. 2018).

Efremova K.V., Razheva E.I. New targets and strategies in teaching English pronunciation

The department of linguistics of the State University of Dubna has always been paying serious attention to English phonetics and phonology in the framework of the subject “Foreign Language” as part of the Bachelor of Linguistics curriculum, treating the process of formation of such knowledge as essential contribution to the professional education of their students. In connection with growing globalization of English, ongoing processes of social democratization and expanding international communication, teachers of English are facing the necessity to revise the notion of “pronunciational target” and the priorities in teaching pronunciation. The article dwells on the idea of “standard of pronunciation”, describes some of the modern tendencies in English pronunciation and accounts for the need to change some of the approaches to the development of pronunciation skills important for professional linguists and specialists in the English language.

Keywords: language norm, pronunciational standard, the system of cardinal vowels, intelligibility, articulatory skills, auditory skills

УДК 372.8:811

В. В. Морозов

**Английский язык для специальных целей:
разработка комплементарных приложений к учебникам**

Аннотация:

В статье рассматриваются возможности и направления разработки преподавателями вспомогательных учебных материалов к современным учебникам иностранного языка для специальных целей. Обсуждаются цели и способы пополнения активного и пассивного лексикона учащегося, оптимальные требования по усвоению объема значения многозначных слов.

Ключевые слова: иностранный язык для специальных целей, термины, профессиональный жаргон, многозначность, метафора, учебные пособия

Об авторе: Морозов Владимир Витальевич, кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: v.v.morozov@inbox.ru

*«В каждом слове бездна пространства,
каждое слово необъятно как поэт»
Н.В. Гоголь*

Цель данной статьи – поделиться некоторыми наблюдениями, сделанными за многолетнюю практику преподавания иностранного языка, а также представить для обсуждения некоторые предложения по подготовке учебных пособий, выработанные в результате анализа этих наблюдений. Одним из таких наблюдений является следующее, полученное из опыта приема экзаменов по английскому языку у студентов и аспирантов различных направлений. Перевод английского текста и беседа по его содержанию обычно показывают, что экзаменуемый знает и может переводить без словаря достаточно большое количество специальных терминов. Однако при этом часто оказывается, что студенту знаком только узкоспециальный перевод (перевод с помощью русскоязычного термина или жаргонизма) некоторых слов, которые в английском языке являются не терминами или

профессиональными жаргонизмами, а словами широкого значения, то есть используются не только во многих других областях науки и техники, но и в обыденной речи.

Яркий пример тому – слово “yield”. На примере данной английской лексемы рассмотрим проблему изучения многозначных слов в практическом курсе иностранного языка для научных целей. Студент-физик переводит слово “yield” с помощью профессионального жаргонизма «выброс» (выброс нейтронов) или «выход» (выход частиц). Студент-геофизик использует для его перевода термины или жаргонизмы своей специальности – «дебит» (дебит скважины), «податливость» (податливость крепи), «ползучесть» (ползучесть горных пород). В контекстах, связанных с сельским хозяйством и пищеперерабатывающей промышленностью, для перевода служат слова «урожай», «размер урожая», «урожайность», «накос», «удой», «удойность», «надой», «приплод», «яйценоскость», «припек», «улов», «забой» (забой скота, птицы). В области экономики для перевода используются слова «доход», «ставка доходности» и др. В контексте средств массовой информации и в политическом дискурсе для перевода того же слова “yield” могут использоваться слова «уступить», «отдать», «поддаться», «сдаться» и др. В контекстах других специальностей это слово может переводиться как «продукт», «продуктивность», «выработка» (выработка электроэнергии), «энергия», «мощность».

Общий семантический компонент почти всех этих частичных и неполных синонимов можно определить как «отдача». Этот компонент легче выявить, рассматривая определения значений однокоренного глагола “to yield”:

yield - 4: to give way under physical force (as bending, stretching or breaking) [20, с. 1368]
– поддаваться физическому воздействию (изгибанию, растяжению или излому).

Исключением в данном отношении является лишь профессиональный жаргонизм «ползучесть», который имеет значение «медленная непрерывная пластическая деформация горных пород под воздействием постоянной нагрузки или механического напряжения» [6]. При обсуждении на занятии внутренней формы и мотивации слов пары “yield” / «ползучесть» студенты первоначально высказывают предположения о большей метафоричности русского термина как следствии большей метафоричности русского языка в целом. Однако, обращаясь к русско-английскому словарю, они убеждаются, что такое объяснение неверно: для слова «ползучесть» существуют английские аналоги “creep”, “flow”, “flow creep”, “crawling”, мотивированные похожими и не менее яркими метафорами.

Возвращаясь к “yield”, отметим, что в английских словарях более подробно описываются именно значения глагола (19 пунктов), а семантика существительного представлена в наиболее общем виде двумя пунктами: 1) продукт и 2) продуктивность.

yield *n* (15 century) 1: something yielded: PRODUCT; *esp.*: the amount or quantity produced or returned (yield of wheat per acre) 2: the capacity of yielding produce [20, с. 1368].

Заметим, что английский глагол “yield” используется в речи чаще аналогичного существительного. Он встречается в художественном, политическом, публицистическом и быденном дискурсах в значениях, которые можно передать словами «источать», «воздавать», «вознаграждать», «отступать», «уступать», «ослабевать», «пружинить», «прогибаться», «оседать», «поддаваться». В письменной речи данное слово является, вероятно, одним из самых частотных в американском варианте английского языка в контексте правил дорожного движения. Оно пишется на треугольном знаке (“yield sign”), требующем уступить дорогу (“YIELD”), или на дополнительных табличках под таким знаком:

YIELD RIGHT OF WAY - (уступите дорогу);

YIELD TO RAMP (уступите дорогу съезжающим со скоростной автострады);

YIELD TO RAMP TRAFFIC (уступите дорогу съезжающим со скоростной автострады);

YIELD TO VEHICLES ON RAMP (уступите дорогу съезжающим со скоростной автострады);

YIELD TO ONCOMING TRAFFIC (уступите дорогу встречному транспорту);

LEFT TURN YIELD ON FLASHING (разрешается поворот налево при мигающем свете светофора, уступая дорогу участникам движения, имеющим преимущество);

LEFT TURN YIELD ON FLASHING YELLOW ARROW (разрешается поворот налево при мигающей желтой стрелке, уступая дорогу участникам движения, имеющим преимущество);

LEFT TURN YIELD ON GREEN (разрешается поворот налево на зеленый свет, уступая дорогу участникам движения, имеющим преимущество);

YIELD TO ONCOMING LEFT TURNS (уступи дорогу встречному транспорту, поворачивающему налево);

TURNING TRAFFIC (MUST) YIELD TO PEDESTRIANS (при повороте уступить дорогу пешеходам);

YIELD TO PEDESTRIANS (уступите дорогу пешеходам);

YIELD FOR PEDESTRIANS IN CROSSWALK (уступите дорогу пешеходам, движущимся по пешеходному переходу);

YIELD TO BIKES (уступите дорогу велосипедистам).

Слово «yield» используется также на информирующем знаке ромбовидной формы – “YIELD AHEAD”. Морфологическая форма этого слова в данной надписи характеризуется неопределенностью. Его можно считать метонимическим сокращением сочетания “the sign YIELD”, и в этом случае слово является существительным в общем падеже. Однако эта форма омонимична с императивом глагола. Как следствие, возможны два перевода: (1) впереди знак «уступи дорогу»; (2) уступи(те) дорогу впереди. Привлечение внимания студентов к данной проблеме – хорошая возможность повторить и закрепить на занятии пройденный грамматический материал, используя интригующий, неоднозначный пример.

В британском варианте английского языка в надписях на подобных дорожных знаках используется выражение “give way”:

GIVE WAY;

GIVE WAY TO HORSES;

GIVE WAY TO PEDESTRIANS и т.д.

Привлечение внимания к данному различию позволяет напомнить студентам о существовании «двойников» в лексиконах американского и британского вариантов английского языка. Уместно ли говорить о таких различиях в практическом курсе для специальных целей? Некоторые авторы учебников отвечают на этот вопрос утвердительно. Например, в учебнике «Английский язык для инженеров компьютерных сетей» [2, с. 16] таблица американо-британских лексических различий включена в раздел “Language focus 1” первого урока. Конечно, эта таблица не полная. Ее назначение – привлечь внимание к проблеме подобных различий, чтобы далее студенты с помощью преподавателя и словарей могли самостоятельно выявлять другие пары синонимов в британских и американских текстах.

В «Новом большом англо-русском словаре» статья, посвященная *существительному* “yield” содержит 12 пунктов (подразделов) и 20 вариантов перевода. Статья, посвященная *глаголу* “yield”, содержит также 12 пунктов и 25 вариантов перевода. В специализированных англо-русских словарях можно найти дополнительные варианты перевода, в которых используются термины и жаргонизмы, специфичные для отдельных областей деятельности. Сколько же из этих значений слова “yield” и какие именно его значения (а также способы перевода) следует знать студенту конкретного направления

обучения? Естественно считать, что студенту необходимо знать значение термина своей специальности и центральное, исходное значение данной пары слов (глагола и существительного). В данном случае исходным значением является «отдача, реакция или трансформация, вызванная воздействием». «Воздействие» понимается в самом широком смысле. Это может быть механическое, химическое, психологическое, социальное, экономическое воздействие. Оно может быть простым и комплексным: облучение (бомбардировка) мишени в физическом эксперименте, бурение скважин, механическая обработка, сборка, вложение средств, уход за земельными угодьями или поголовьем скота, создание условий для размножения диких животных для последующей охоты на них, охрана рыбных богатств и эффективное рыболовство, а также многое другое.

Знание центрального значения слова “yield” поможет понимать его значение (и подбирать слова для перевода) в других, в том числе ненаучных контекстах. Например, в надписях на табличках с дополнительной информацией: LEFT TURN YIELD ON FLASHING YELLOW ARROW. Понимание рассмотренных выше надписей на дорожных знаках и знание того, что во многих странах такие надписи не добавляют новую информацию, а лишь дублируют символическое значение знаков (что не практикуется в РФ), способствует уверенному и правильному поведению водителя на дороге в иноязычной стране.

Нужно ли на занятиях упоминать другие специальные значения данного слова? Представляется, что это делать желательно, так как это расширяет представление студентов о лексике изучаемого и родного языков, о способах и возможностях перевода, о закономерностях сочетаемости слов. При этом не следует требовать запоминания всех значений и переводов. Достаточно того, что даже краткое рассмотрение некоторых из них в объяснительной части занятия, а также задания по самостоятельной работе со словарями помогают лучше оценить место данной лексемы в английском языке, понять общие принципы ее функционирования, запомнить необходимые выражения, содержащие различные словоформы данной лексемы, правильно их использовать в речи не только в научных, но и в других контекстах коммуникации.

Нужно ли включать подробное описание многозначных слов в учебники иностранного языка для научных целей [см., например, 4, с. 232, 236]? Требования к формату и содержанию основных учебников не позволяют этого делать. Вместе с тем преподаватели могут разрабатывать вспомогательные учебные материалы для работы с теми словами и фразеологизмами, которые, по их мнению, являются важными для

конкретного профиля обучения, однако в учебниках представлены недостаточно полно или вообще не представлены. Так, например, в замечательном современном учебнике Е.А. Гвоздевой «Мир науки. Курс английского языка для физиков» [5], лексема “yield” не рассматривается, но, если преподаватель посчитает нужным, работу с этой или с иной важной лексемой можно выполнить в рамках типовых и интерактивных заданий, предлагаемых в соответствующих разделах этого учебника. Можно дать задание подготовить презентацию, собрать базу примеров с этой лексемой. Рассказывая о значении, используемом в правилах дорожного движения, преподаватель или студенты могут продемонстрировать фотографии дорожных знаков с этим словом.

Большинство современных учебников иностранного языка для специальных целей предоставляют огромные возможности для разработки преподавателями вспомогательных учебных материалов. Это весьма актуально в условиях современных требований к научно-исследовательской и методической работе преподавателей. Простейшим и одновременно важнейшим видом такой работы является создание различных видов поурочных тезаурусов для английских текстов, используемых в учебниках. Например, в упомянутом выше учебнике для физиков в разделе VOCABULARY NOTES даются краткие дефиниции некоторых слов, встречающихся в предлагаемых для чтения текстах. Некоторые из этих дефиниций желательно было бы расширить, дополнить иллюстрирующими предложениями. Это можно сделать в специальном пособии.

Нужно ли включать в пособие перевод этих слов? Существуют различные мнения по этому вопросу. Они зависят от того, к какому педагогическому направлению принадлежит преподаватель [см. 4, с. 7, 15, 29, 90, 123, 155, 180, 216]. В учебнике «Мир науки. Курс английского языка для физиков» [5] перевод принципиально не используется, после текстов даются списки некоторых слов из этих текстов, снабженные краткими дефинициями или синонимами. В учебнике «Английский язык для химиков» [13] в каждом уроке приводится список некоторых слов с переводом из текста для прослушивания и чтения, а также в конце книги есть краткий словарь, где студент может посмотреть перевод остальных незнакомых для него слов. В учебнике «Английский язык для физиков и инженеров» [9] используется наиболее удобная форма помощи читателю: на каждой странице справа от текста предусмотрена колонка с переводом слов, которые могут быть ему незнакомы. В учебнике «Английский язык для инженеров компьютерных сетей» [2] после текстов даются списки слов и выражений – “Essential vocabulary” и “Word combinations”, без дефиниций и перевода. Это также вполне правомерный подход.

Подразумевается, что каждый читающий должен смотреть дефиниции или перевод незнакомых для него слов в рекомендованных преподавателем словарях. В учебном пособии для философов [1] тоже нет дефиниций и переводов, но есть задания по подбору наиболее соответствующих переводов для многозначных слов из любых словарей, требуется обращать внимание на многозначность и синонимию. Некоторые из таких заданий можно использовать при разработке своих пособий к другим учебникам. Дополнительное пособие с дефинициями из разных словарей, с несколькими иллюстрирующими примерами и переводом помогло бы студентам сэкономить время и получить даже более полную информацию по важнейшим словам, чем они смогли бы найти в самом большом словаре.

Полагаю, что в пособия по иностранному языку для специальных целей нужно включать перевод всех слов, которые могут быть незнакомы большинству студентов данного направления. Какие именно слова нужно обеспечить переводом, преподаватель может определить за первый год работы с новым учебником. Для отдельных «важных» или «особенных» слов также желательно давать дополнительные комментарии по поводу специфики их значения, сочетаемости и перевода в разных контекстах.

При этом не следует забывать о таких, казалось бы, простых словах как “go”, “come”, “put”, “set”, “rise”, “raise” “lay” и “lie”, ознакомление со значением и употреблением которых начинается еще в школе, но требует продолжения.

Исключительно важным словом, заслуживающим особого внимания, является слово “go”. Оно многократно (в разных значениях) встречается во всех охваченных данным исследованием учебниках и учебных пособиях [1-5; 7-14; 16; 18]. “Go” может представлять собой словоформы трех частей речи. Это может быть словоформа глагола:

This clause of the bill will have to **go** - Эта статья законопроекта должна быть отменена / не должна быть принята [19, с. 46].

Do not **go** to any trouble - Не затрудняйте себя [19, с. 46].

Это может быть словоформа существительного:

I’ve been on the **go** since daybreak - Я на ногах спозаранку [19, с. 46].

Или прилагательного:

All systems are **go** - Все системы работают нормально [19, с. 46].

Отдельные значения слова “go” в той или иной мере знакомы студентам по школьной программе, поэтому, встречая его в тексте, студенты обычно не обращаются к словарю. Между тем даже на очень высоком уровне владения языком обращение к словарю

во многих случаях необходимо для понимания выражений с этими словоформами. Словарные статьи, описывающие и иллюстрирующие употребление глагола, существительного и прилагательного “go”, каждое из которых является многозначным, позволяют увидеть существенные отличия значений английского слова от значений слов, используемых для его переводов на русский (об этом позже) и помочь научиться правильнее его употреблять. Из собственной практики знаю, что занятие, полностью посвященное беседе о значениях хотя бы одного этого слова, помогает студентам научиться правильно пользоваться словарем, выбирать из словаря или самостоятельно подбирать из знакомого лексикона (уловив центральное значение иностранного слова) более подходящие для данного контекста русские слова и выражения.

В «Новом большом англо-русском словаре» [19] информация о лексемах “go” излагается мелким шрифтом в три столбца на **четырёх** страницах. Подсчитать общее количество русских слов, предлагаемых в словаре для перевода этих лексем, хотя и затруднительно, но возможно. Результат подсчета не имеет смысла здесь приводить, так как по многим причинам он не будет отражать действительного положения дел. Тем не менее, задание по такому подсчету «открывает глаза» на многие лексические явления лучше теоретических объяснений. Однако обсуждение правомерности выводов и коррекция результатов выполнения такого задания требуют опоры на теорию. Важнейшие положения современной теории перевода терминологии в объеме, достаточном для студентов нелингвистических направлений, ясно и кратко изложены в учебном пособии «Английский язык в области компьютерной техники и технологий» [8, с. 8-24].

Для получения более полного представления о семантическом объеме “go” необходимо учитывать содержание статей, посвященных не только соответствующим лексемам [19, с. 45-49], но и многочисленным фразовым глаголам (ФГ) с ядром “go” и/или фразеологизмам с этим константным словом, а также их производным и сходным выражениям. Они распределены в начале главы “G” в алфавитном порядке между словами *goa*, *goaf*, *goal* и др. в зависимости от первой буквы последующего слова (от *go about* до *go up*) [19, с. 49-59]. Рассмотрим лишь начало (диапазон от “go a...” “go b...” [19, с. 49-50] этого списка для получения представления о том, что он гораздо больше списка фразовых глаголов с ядром “go”, которые перечисляются в некоторых учебниках и специальных словарях ФГ, так как включает также другие части речи, содержащие морфему “go”:

go about (глагол) - 6 пунктов значения, 16 различных переводов;

go ahead (глагол) - 4 пункта значения, 8 различных переводов;

- go-ahead (существительное) - 3 пункта значения, 6 различных переводов;
- go-ahead (прилагательное) - 2 пункта значения, 5 различных переводов;
- go-aheadedness (существительное) - go-aheadism;
- go-aheadism (существительное) - 2 перевода;
- go along (глагол) - 4 пункта значения, 10 различных переводов;
- go around - 3 пункта значения, 9 различных переводов;
- go-ashore (прилагательное) - 1 значение (выходной - *морской термин/жаргонизм*);
- go-ashores (существительное) - 1 значение (выходная форма - *морской термин/жаргонизм*);
- go-as-you-please (прилагательное) - 3 пункта значения, 6 различных переводов;
- go away (глагол) - 5 различных переводов;
- go back (глагол) - 4 пункта значения, 10 различных переводов.

При обсуждении способов перевода необходимо подчеркивать тот важный факт, что многообразие переводов диктуется (определяется, требуется) особенностями сочетаемости слов и фразеологии языка перевода (в данном случае – русского языка). Поэтому пунктов значения (подразделов статей) и дефиниций меньше, чем переводов. Кроме того, словарные статьи предлагают лишь некоторые из возможных переводов, но далеко не все. В некоторых случаях ни один из предлагаемых даже наиболее полными словарями переводов не подходит. Как известно, одна из причин этого – лексико-фразеологическая сочетаемость, т.е. способность слов «легко и естественно сочетаться, «дружить» с одними словами и «отталкивать» другие, «не дружить» с ними» [18, с. 19].

Интересным фактом, который часто не осознается изучающими английский язык, является то, что в русском языке нет аналога (межъязыкового синонима) английского глагола “go”, а также существительного и прилагательного “go”. Незнание этого факта не мешает правильно переводить эти слова с помощью контекстных синонимов. Однако задание по подбору русского синонима для их центрального (прототипического) значения выполняется с интересом и является дидактически полезным. Студенты могут определить центральный элемент значения глагола “go” и назвать соответствующий русский глагол «двигаться». Однако в ходе рассмотрения примеров выясняется, что русское слово «двигаться» не может использоваться для перевода большинства (если не всех) многочисленных английских выражений движения – таких, как “go by train / plane/ ship”, “go by land / air / sea” и др., а также бесконечного множества свободных словосочетаний типа “go to Australia / the British Embassy / somewhere / anywhere” [см. также 15, с. 78-86].

Дополнительное внимание следует уделять подробному изучению различий, условий и ограничений лексической сочетаемости в использовании многозначных слов “come” и “go”, их дериватов и фразеологизмов, а также способов их перевода [15, с. 78-86].

Современные технологии и обучающая среда университета позволяют быстро собирать необходимый иллюстративный материал и создавать на его основе комплементарные пособия к основным учебникам программы уже на этапе подготовки к каждому занятию. По мере необходимости каждый раздел можно редактировать, оперативно дополнять и расширять, а после каждого занятия – модифицировать, учитывая выявленные на занятии недостатки или развивая удачные методические находки. Творческим видом работы студентов может быть участие в поиске языкового материала (примеров, дефиниций, новых удачных переводов), оформление аудио-визуального ряда (эпизоды из лекций или докладов английских и американских ученых, из учебных, научно-популярных и документальных фильмов, интервью с носителями языка). Совместная работа преподавателя и студентов по подготовке учебных пособий может быть интересна и полезна: «Teaching is the royal road to learning» (Jessamin West) [17, с. 3]. *So, here goes!*

Библиографический список:

1. Арутюнова Ж.М., Мазурина О.Б. Английский язык для философов. М.: Проспект, 2006.
2. Беседина Н.А., Белоусов М.Ю. Английский язык для инженеров компьютерных сетей Профессиональный курс. М.: Лань, 2017.
3. Гарагуля С.И. Английский язык в сфере информационных систем и технологий. М.: КНОРУС, 2018.
4. Гез Н.И., Фролова Г.М. История зарубежной методики преподавания иностранных языков. М.: Академия, 2008.
5. Гвоздева Е.А. Мир науки. Курс английского языка для физиков. М.: Лань, 2017.
6. Горная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mining-enc.ru> (дата обращения: 02.11.2018).
7. Иващенко И.А. Английский язык для сферы государственного и муниципального управления. М.: Флинта, 2018.
8. Квасова Л.В., Подвальный С.Л., Сафонова О.Е. Английский язык в области компьютерной техники и технологий. М.: КНОРУС, 2014.
9. Коваленко Ю.И. Английский язык для физиков и инженеров. М.: Юрайт, 2016.
10. Кожарская Е.А, Моргун Л.Н., Шевырдяева Л.Н. Английский для естественнонаучных направлений. М.: Юрайт, 2016.
11. Короткина И.Б. Английский язык для государственного управления. М.: Юрайт, 2017.
12. Куприна О.Г. English for Electronicy. М.: Горячая линия - Телеком, 2017.
13. Кутепова М.М. Английский язык для химиков. М.: КДУ, 2013.
14. Мифтахова Н.Х., Муртазина Э.М. Профессиональный английский язык социального работника. Часть 2. 2-е изд., испр. и доп. М.: КДУ, 2011.

15. Морозов В.В. Сопоставительный анализ глаголов движения в английском, русском и французском языках // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Междунар. ун-т природы, о-ва и человека «Дубна», 1999. С. 78-86.
16. Морозов В.В. Английский язык для научных целей. Дубна: Междунар. ун-т природы, о-ва и человека «Дубна», 2011.
17. Современные теории и методы обучения иностранным языкам. Материалы второй международной научно-практической конференции «Языки мира и мир языка». М. Экзамен, 2006.
18. Степанова Т.А., Ступина И.Ю. Английский язык для химических специальностей. Практический курс. М.: Академия, 2006.
19. Новый большой англо-русский словарь. 5-е издание, стереотипное. Том 2. М.: Русский язык, 2000.
20. Webster's Ninth New Collegiate Dictionary. I. Meriam-Webster, Inc., 1991.

Morozov V.V. English for Specific Purposes:

Possibilities and purposes of producing teaching aids and complementary materials for up-to-date FLSP (ESP) manuals are considered. Means and ways of enriching the active and passive vocabularies of learners are discussed.

Keywords: ESP, FLSP, technical terminology, polysemy, metaphor, teaching material and aids